

Аз

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ГЕНРИ РАЙДЕР
ХАГГАРД

Священный цветок
Чудовище по имени
Хоу-Хоу
Она и Аллан
Сокровище озера

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Генри Райдер Хаггард

**Священный цветок. Чудовище
по имени Хоу-Хоу. Она и
Аллан. Сокровище озера**

«Азбука-Аттикус»

1915, 1921, 1924, 1926

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хаггард Г.

Священный цветок. Чудовище по имени Хоу-Хоу. Она и Аллан. Сокровище озера / Г. Хаггард — «Азбука-Аттикус», 1915,1921,1924,1926 — (Мир приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-14959-5

Бесстрашный охотник Аллан Квотермейн по прозвищу Макумазан, что означает «человек, который встает после полуночи», никогда не любил сырости и чопорности родной Англии, предпочитая жаркий пыльный простор африканского вельда; его влекли неизведанные, полные опасностей земли Черного континента, где живут простодушные и жестокие, как все дети природы, люди, где бродят стада диких буйволов и рычат по ночам свирепые львы. Вот эта жизнь была по нраву Квотермейну — любимому герою замечательного писателя Генри Райдера Хаггарда, который посвятил отважному охотнику множество книг. Цикл приключений Аллана Квотермейна продолжают «Священный цветок», «Чудовище по имени Хоу-Хоу», «Она и Аллан», «Сокровище озера». Эти произведения выходят в новых или дополненных переводах, с сохранением примечаний английских издателей. Книга иллюстрирована классическими рисунками Мориса Грайфенхагена и замечательной графикой Елены Шипицыной.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14959-5

© Хаггард Г., 1915,1921,1924,1926

© Азбука-
Аттикус, 1915,1921,1924,1926

Содержание

Священный цветок	8
Глава I	8
Глава II	17
Глава III	26
Глава IV	34
Глава V	42
Глава VI	53
Глава VII	61
Глава VIII	68
Глава IX	76
Глава X	83
Глава XI	91
Глава XII	98
Глава XIII	107
Глава XIV	115
Глава XV	124
Глава XVI	131
Глава XVII	142
Глава XVIII	151
Глава XIX	161
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Генри Райдер Хаггард

Священный цветок; Чудовище по имени Хоу-Хоу; Она и Аллан; Сокровище озера

В оформлении книги использованы иллюстрации
Мориса Грайфенхагена (Maurice Greiffenhagen; «Священный цветок», «Она и Аллан»),
Елены Шипицыной («Чудовище по имени Хоу-Хоу», «Сокровище озера»)

*very sincerely yours
Allan Waterman*

Перевод с английского под редакцией Владимира Попова и Аллы Ахмеровой («Священный цветок»), Кирилла Королева («Чудовище по имени Хоу-Хоу»), Николая Непомнящего («Она и Аллан»), Натальи Машкиной («Сокровище озера»)

© К. Королев, перевод, 2018

© Н. Непомнящий, перевод, 2018

© Н. Машкина, перевод, 2018

© Е. Шипицына, иллюстрации, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство АЗБУКА®

Священный цветок

Глава I Брат Джон

Вряд ли человек, которому знакомо имя Аллана Квотермейна, связал бы его в своем представлении с цветами, особенно с орхидеями. Тем не менее мне, охотнику Аллану Квотермейну, суждено было однажды участвовать в поисках орхидей столь исключительных, что при описании их нельзя опускать подробностей. Я постараюсь обстоятельно рассказать об этих поисках, и если кто-либо впоследствии захочет издать мои записки, милости прошу. Случилось это в том году... впрочем, к чему нам знать, в каком именно году было дело? Случилось это очень давно, когда я еще сравнительно нестарым человеком участвовал в охотничьей экспедиции к северу от реки Лимпопо, граничащей с Трансваалем. Моим компаньоном был джентльмен по имени Скруп, Чарльз Скруп.

В Дурбан он приехал из Англии поохотиться. По крайней мере, это было одной из причин его приезда.

Другой причиной были его отношения с леди, которую я буду называть мисс Маргарет Маннерз, хотя это не настоящее ее имя. Кажется, они были помолвлены и действительно любили друг друга. К несчастью, они сильно повздорили из-за другого джентльмена, с которым мисс Маннерз протанцевала четыре танца подряд, включая два, обещанные жениху, на охотничьем балу в их родном Эссексе. Последовали объяснения, точнее, ссора. Мистер Скруп заявил, что не потерпит такого отношения от своей невесты. Мисс Маннерз ответила, что приказов не потерпит, мол, она сама себе хозяйка и намерена всегда оставаться таковой. Мистер Скруп воскликнул, что не возражает, поскольку его это не касается. Мисс Маннерз ответила, что после этого она больше не желает его видеть. Мистер Скруп заявил, что она не увидит его никогда, поскольку он уезжает в Африку охотиться на слонов. Мало слов – на следующий же день мистер Скруп покинул свой дом в Эссексе, не сообщив никому, куда именно едет.

Позднее, много позднее выяснилось, что дожидись Скруп почты, то получил бы письмо, которое могло бы изменить его планы. Но он и его невеста были горячими молодыми людьми, вот в пылу страсти и наделали глупостей.

Итак, Чарльз Скруп приехал в Дурбан, который был тогда порядочным захолустьем. Мы с ним встретились в баре отеля «Ройял».

«Если хотите охотиться на крупного зверя, – говорил кто-то (я его не запомнил), – то только один человек может показать вам, как это делается. Это охотник Квотермейн, лучший стрелок во всей Африке, превосходнейший человек».

Я сидел, покуривая трубку, и делал вид, что ничего не слышу. Неловко слушать, когда тебя хвалят, а я всегда был человеком скромным.

Мистер Скруп пошептался с посетителями бара, потом подошел ко мне и представился. Я отвесил поклон и оглядел его: высокий, темноволосый, романтичный, как все влюбленные.

Я сразу почувствовал к нему симпатию, которая усилилась, когда он заговорил.

Я всегда придаю большое значение голосу и изначально сужу о людях столько же по нему, сколько по лицу. В голосе Скрупа чувствовалась особенная приятность, хотя слова, с которыми он обратился ко мне, были самыми обыкновенными.

– Здравствуй, сэр! – сказал он. – Выпьете со мной?

Я ответил, что днем крайне редко употребляю крепкие напитки, но охотно выпью с ним пива.

Допив пиво, мы отправились в мой маленький домик, в тот самый, где я впоследствии принимал друзей – Куртиса и Гуда. Поужинали мы у меня, и с этого момента Чарли Скруп не покидал мой дом до тех пор, пока мы не отправились в охотничью экспедицию.

Остальное я должен изложить вкратце, так как оно только отчасти связано с той историей, которую я намерен рассказать.

Мистер Скруп, человек состоятельный, взял на себя все организационные расходы и предложил мне воспользоваться всей слоновой костью и другой возможной добычей нашего предприятия. Я, конечно, не отказался от такого предложения.

Все шло хорошо до тех пор, пока наше путешествие не закончилось несчастьем. Мы убили всего двух слонов, но зато встретили множество другой дичи. Беда случилась на обратном пути, когда мы находились недалеко от залива Делагоа.

Как-то под вечер мы вышли на охоту, чтобы подстрелить себе дичь к ужину. Скоро я заметил среди деревьев антилопу. Она скрылась за выступом скалы, примыкавшей к склону оврага. Мы направились туда. Я шел впереди и, обогнув скалу, увидел антилопу, точнее, бушбока шагах в десяти от меня.

Вдруг из кустарника, растущего на вершине скалы, футах в двенадцати у меня над головой, послышался шум, потом возглас Чарли Скрупа:

– Осторожнее, Квотермейн! Он приближается.

– Кто? – спросил я раздраженно, так как шум спугнул антилопу и она убежала.

Вдруг у меня мелькнула мысль, что Скруп не стал бы кричать из-за пустяков, ведь, спугнув бушбока, мы лишались ужина. Я обернулся и посмотрел вверх. До сих пор я отчетливо помню, что представилось тогда моим глазам. Надо мной был гранитный валун, обточенный водой, вернее, несколькими валунами, в расщелинах которых рос папоротник рода *адиантум*, с серебристым отливом на внутренней стороне листьев.

На листе, свесившемся вниз, сидел большой жук с красными крыльями и черным туловищем, потиравший усики передними лапками, а выше, на самой вершине скалы, вырисовывалась голова великолепного леопарда. Записывая эти строки, я как сейчас вижу на фоне вечернего неба четырехугольную морду. На клыках пенилась слюна.

Это было последним, что я видел, так как в следующий момент леопард – в Южной Африке мы называем их тиграми – бросился мне на спину и сбил с ног. Я полагаю, что он тоже караулил бушбока и мне не обрадовался. К счастью, я упал на мягкий мох.

«Все кончено!» – подумал я, почувствовав на спине тяжесть зверя, прижавшего меня к земле, и, что еще хуже, его горячее дыхание. Еще миг, и острые клыки сомкнутся на моем горле. Потом я услышал выстрел Скрупа и яростное рычание раненого леопарда. Зверь, вероятно, решил, что это я его ранил, и вцепился мне в плечо.

Его зубы скользнули по моей коже, но, к счастью, захватили только прочный бархат моей охотничьей куртки. Зверь начал трясти меня, потом остановился, очевидно решив взяться за добычу покрепче. Тут я вспомнил, что у Скрупа одностволка и он лишен возможности выстрелить вторично. Я понял: мне конец. Почувствовал я не страх, а близость больших перемен. Не могу сказать, что мне припомнилась вся моя жизнь, но во всяком случае мелькнули два-три эпизода из детства. Так, например, я увидел, как сижу на коленях у матери и играю маленькой золотой рыбкой, которую она носила на цепочке часов.

Я пробормотал молитву и, кажется, потерял сознание, правда обморок длился всего несколько секунд. Когда я очнулся, моим глазам предстало необычное зрелище: леопард дрался со Скрупом. Зверь стоял на одной задней лапе (другая была перебита), а передними буквально боксировал Скрупа, который колот его охотничьим ножом. Потом они повалились на землю – Скруп, а сверху леопард. Я вскочил со своего мшистого ложа – раздался сосущий звук, видно, место было топким.

Мое ружье лежало рядом в целости и сохранности, с взведенным курком, как и в тот момент, когда выпало из моих рук. Я поднял его и выстрелил зверю в голову, не дав ему схватить Скрупа за горло. Леопард рухнул замертво прямо на своего противника. Одно содрогание, одно судорожное сжатие его когтей на ноге бедного Скрупа, и все было кончено. Он лежал, будто спал, а под ним находился Скруп.

Освободить его оказалось непростым делом: леопард был очень тяжел. Но мне наконец удалось справиться с помощью сука, отломанного от дерева, должно быть, слоном.

Сук я использовал как рычаг. Скруп лежал весь в крови, в собственной или в звериной – неизвестно. Сперва мне показалось, что он мертв, но после того, как я плеснул на него водой из маленького ручейка, падавшего со скалы, он пришел в себя и пролепетал:

– Что со мной?

– Вы герой, – ответил я. Очень горжусь, что получилось в рифму.

Потом, дабы не провоцировать дальнейшие разговоры, я понес Скрупа в лагерь, который, к счастью, находился неподалеку.

Скруп безостановочно что-то бормотал. Правой рукой он обхватил меня за шею, я же левой держал его за пояс. Я прошел сотни две ярдов и вдруг почувствовал, что он потерял сознание. Нести раненого мне было не по силам, поэтому я оставил его и отправился за помощью.

В конце концов я с помощью кафров донес Скрупа на одеяле до палаток, где внимательно осмотрел его раны.

Он был весь исцарапан, но серьезными повреждениями можно было считать только прокушенные мышцы на левой руке и три глубокие царапины на бедре, нанесенные когтями леопарда.

Я дал Скрупу опийной настойки, чтобы он уснул, и, как сумел, перевязал его. Три дня все шло хорошо, и раны, казалось, начали заживать. Вдруг беднягу сразила лихорадка, вызванная, я полагаю, ядом с когтей или с зубов леопарда.

До чего же ужасной была следующая неделя!

Скруп весь горел и непрестанно бредил, особенно часто упоминая мисс Маргарет Маннерз. Я старался поддерживать его силы – поил крепким мясным бульоном, смешанным с

небольшим количеством бренди. Увы, Скруп становился все слабее и слабее. Кроме того, у него загноились раны на бедре. От кафров толку было мало, и ухаживать за раненым в основном приходилось мне. К счастью, леопард не причинил мне никакого вреда, если не считать потрясения, а в те времена я был человеком крепким. Но утомление сказывалось, ведь засыпать больше чем на полчаса я не осмеливался.

Наконец наступило утро, когда я окончательно выбился из сил. В маленькой палатке лежал и метался в бреду бедный Скруп, а я сидел около него, раздумывая, доживет ли он до следующего дня, и если доживет, то сколько времени еще я буду в состоянии ухаживать за ним. Я попросил кафра принести мне кофе, и едва поднес дрожащей рукой чашку к губам, как неожиданно явилась помощь...

Перед нашим лагерем росло два больших куста терновника, и вот при свете восходящего солнца я заметил между ними странную фигуру, медленно направлявшуюся ко мне. Это был мужчина неопределенного возраста. Длинные волосы и борода его поседели совершенно, а лицо казалось сравнительно молодым, если не считать пары морщинок у рта. Темные глаза излучали силу и энергию. На нем были охотничьи сапоги из недубленой кожи и сильно поношенное платье, поверх которого он накинул кожаную кароссу¹, нелепо болтавшуюся на его высокой костлявой фигуре. За спиной у него висел погнутый жестяной ящик, худые руки нервно сжимали длинный посох из черно-белого дерева, называемого туземцами умцимбити, и к концу его была привязана сетка для ловли бабочек. Позади шли несколько кафров, которые несли на голове ящики.

Я сразу узнал этого человека, так как мы с ним уже встречались в Зулуленде. Тогда он спокойно появился из гущи войска туземного племени, враждебно настроенного к белым.

Джентльмен в полном смысле этого слова, он был одной из самых странных личностей во всей Южной Африке. Никто не знал, кто он и откуда (сейчас-то мне известна его невероятная история), за исключением того, что он американец по происхождению. Последнее часто выдавал его выговор. Доктор по образованию, он, судя по навыкам, имел большие познания в медицине, включая хирургию. Для всех было тайной, откуда он получал средства к существованию. Много лет он скитался по Южной и Восточной Африке, ловил бабочек, собирал цветы.

Туземцы и белые считали его сумасшедшим. Такая репутация вместе с его врачебным искусством позволяла ему спокойно бродить где вздумается, так как кафры смотрят на безумных как на вдохновенных Богом. Они звали его Догитой (искаженный вариант английского слова «доктор»). Белые звали его Братом Джоном, Дядей Сэмом, Святым Джоном. Второе прозвище он получил за свое необыкновенное сходство (когда бывал выбрит и хорошо одет) с фигурой, которая в юмористических журналах символизирует великую американскую нацию, так же как Джон Буль – Англию. Первое и третье прозвища он получил за свою доброту и предполагаемую способность питаться «акридами и диким медом». Сам же он предпочитал, чтобы его называли Братом Джоном.

Как же я обрадовался встрече, с каким облегчением вздохнул! Когда он подошел, я налил ему кофе и, вспомнив, что он любит очень сладкий, положил в кружку побольше сахара.

– Здравствуйте, Брат Джон, – сказал я, протягивая ему кофе.

– Здравствуйте, брат Аллан, – ответил он, взял кофе, опустил в него длинный палец, чтобы проверить, насколько горяч напиток, и размешать сахар, потом выпил его залпом, словно то был не кофе, а лекарственный препарат. После этого он вернул мне кружку, чтобы я снова наполнил ее.

– Все собираете жуков? – спросил я.

Брат Джон утвердительно кивнул:

¹ Каросса – накидка из кожи или меха.

– Жуков и цветы. Кроме того, веду наблюдения над человеческой натурой и чудесными творениями природы.

– Откуда вы теперь? – поинтересовался я.

– С холмов, что миль за двадцать отсюда. Покинул их вчера вечером. Шел целую ночь.

– Зачем? – удивился я, посмотрев на него.

– Почудилось, что кто-то зовет меня. Признаться, мне казалось, что это были вы, Аллан.

– Значит, вы слышали, что я здесь и что со мной раненый товарищ?

– Нет, я ничего не слышал. Я собирался отправиться к побережью сегодня утром. Но вечером, в пять минут девятого, если быть совсем точным, я получил ваше послание и направился сюда. Вот и все.

– Мое послание... – Я осекся и попросил Брата Джона показать мне свои часы. Поразительно, но они показывали то же время, что мои, с разницей лишь в две минуты. – Вы не поверите, – медленно начал я, – но вчера в пять минут девятого я впрямь просил о помощи. Я решил, что товарищ мой умирает, а самого большой палец поранить угораздило. Только звал я не к вам и не к другому человеку, понимаете, Брат Джон?

– Понимаю. Вы просили помощи, и это главное. Вы просили, и вас услышали.

Я снова посмотрел на Брата Джона, но ничего не сказал. Все это было очень странно, если только он говорил правду. Но он никогда не лгал. Человек он был в высшей степени правдивый, порой даже чересчур. А ведь есть люди, не верящие в силу молитвы.

– Что с вашим товарищем? – спросил Брат Джон.

– Изранен леопардом. Раны не заживают, кроме того, у него лихорадка. Боюсь, долго он не протянет.

– Ну, об этом вы судить не можете. Позвольте мне взглянуть на раненого.

Он внимательно осмотрел Скрупа и сделал много чудесного. Жестяной ящик был наполнен разнообразными лекарствами и хирургическими инструментами, которые Брат Джон хорошо прокипятил, прежде чем ими воспользоваться. Потом он настолько тщательно вымыл руки, что едва не стер с них кожу, истратив на это очень много мыла. Сначала бедный Чарли получил дозу какого-то лекарства, которое, казалось, убило его. Брат Джон упомянул, что это кафрское снадобье. Потом он вскрыл раны на бедре у Скрупа, очистил, приложил какие-то травы и перевязал. Когда Скруп очнулся, лекарь дал ему питья, вызвавшего сильный пот и прекратившего лихорадку.

Через два дня пациент Брата Джона просил есть и уже сидел в постели, а через неделю настолько оправился, что его можно было нести к побережью.

– Ваше послание спасло жизнь брату Чарли, – сказал мне старый бродяга на пути к побережью.

Я не ответил. Хочу пояснить: через своих кафров я уточнил, чем Брат Джон занимался, когда якобы получил послание. Видимо, следующим утром он впрямь собирался на побережье, но часа через два после заката неожиданно велел носильщикам свернуть лагерь и следовать за ним. Те повиновались и, к своему большому неудовольствию, целую ночь брели за Догитой, как они его зовут. Кафры так устали, что, если бы не боялись остаться в чужих местах, да еще в темное время суток, бросили бы поклажу и отказались идти дальше.

Насколько я разобрал, случившееся можно объяснить внушением, инстинктом или просто совпадением. Пусть читатель решает сам.

За время нашей совместной жизни в лагере, путешествия в бухту Делагоа и переезда оттуда в Дурбан мы с Братом Джоном постепенно сделались большими друзьями. О своем прошлом (о котором я узнал впоследствии) и о цели своих скитаний он, как я уже упоминал, ничего не говорил. Но зато он часто рассказывал о своих естественно-научных и этнологических (по-моему, так они называются) занятиях. Я тоже интересовался этими вопросами и из своей личной практики немало знал об африканских племенах, об их нравах и обычаях.

Брат Джон показал мне много разнообразных предметов, собранных во время недавнего путешествия, жуков и бабочек, аккуратно приколотых к донышку специальных ящичков, и большое количество сухих цветов, переложенных листьями папиросной бумаги. Среди последних, по словам Брата Джона, было много орхидей.

Заметив, что они привлекают мое внимание, Брат Джон спросил, не желаю ли я посмотреть на самую замечательную орхидею в мире. Я, конечно, ответил, что желаю, после чего он достал из ящика плоский пакет размером около двух с половиной квадратных футов и начал развязывать. Сверху лежала тонкая травяная рогожка, какую плетут неподалеку от Занзибара, потом крышка упаковочного ящика, снова рогожка и несколько старых номеров «Кейп джорнал», несколько листов папиросной бумаги и, наконец, между двумя листами картона – цветок и лист одного и того же растения.

Даже в засушенном виде цветок казался чудом: двадцать четыре дюйма от края одного бокового лепестка до края другого, двадцать дюймов от верхушки до дна чашечки. Точного размера чашечки я не помню – как минимум фут в диаметре. Даже сейчас околоцветник сохранил ярко-золотистый оттенок. Чашечка была белой с черными полосами, а в самом центре цветка красовалось большое темное пятно в виде обезьяньей головы. Здесь было все: нависшие брови, глубоко поставленные глаза, сердитая полоска рта и огромные челюсти. До того времени я видел горилл только на раскрашенных иллюстрациях, и пятно на цветке показалось мне точной копией такого изображения.

– Что это? – удивленно спросил я.

– Сэр, – сказал Брат Джон (он употреблял это формальное обращение, когда волновался), – это замечательная орхидея рода *циприпедиум*, и открыл этот цветок я! Здоровое корневище такого растения стоит по меньшей мере двадцать тысяч фунтов!

– Это выгоднее золотоискательства, – заметил я. – Что же, удалось вам достать такое корневище?

– Нет, не посчастливилось, – ответил Брат Джон, печально покачав головой.

– Откуда же у вас такой цветок?

– Я расскажу вам об этом, Аллан. Год с небольшим тому назад я пополнял свои коллекции в глухом районе острова Килва и нашел там несколько чрезвычайно интересных вещей. Милых в трехстах от океана я встретил народ, до сих пор не видевший европейцев. Это многочисленное и воинственное племя смешанной зулусской крови называло себя мазиту...

– Слышал об этом племени, – перебил я Брата Джона, – полтора столетия тому назад, незадолго до времен Сензангаконы², оно поселилось на севере.

– Я легко понимал их язык, – продолжал Брат Джон, – так как мазиту говорят на немного искаженном зулусском, как и другие туземцы, живущие в тех местах. Сперва они хотели убить меня, но потом раздумали, так как решили, что я безумен. Все считают меня сумасшедшим, Аллан, но это глубокое заблуждение. Скорее, большинство других людей утратило рассудок.

– Насчет вас это единичное заблуждение, – торопливо возразил я, не желая продолжать разговор о безумии Брата Джона. – Ну и что же мазиту стали делать потом?

– Потом они узнали, что я обладаю медицинскими познаниями. Ко мне явился их король Бауси, страдавший от огромной опухоли. Я рискнул сделать ему операцию и вылечил его. Затея была очень рискованная, ведь, если бы умер король, мне тоже пришлось бы умереть. Но меня это не очень беспокоило, – прибавил он со вздохом. – С этого момента меня, конечно, стали считать великим чародеем. А Бауси сделался моим кровным братом – перелил немного своей крови в мои жилы и немного моей в свои. Я опасался, как бы он не заразил меня своим врожденным недугом. Итак, я стал Бауси, и Бауси стал мной. Другими словами, я такой же, как и он, вождь мазиту и всю свою жизнь останусь таковым.

² Сензангакона – вождь племени зулусов, правивший в конце XVIII – начале XIX века.

– Это может пригодиться, – задумчиво сказал я, – но, прошу, продолжайте.

– Потом я узнал, что на западной границе земли мазиту будто бы находятся большие болота, за ними есть озеро, называемое Кируа, а на озере – большой плодородный остров с горой посредине и владеет им племя понго, давшее острову название.

– Ведь это, кажется, туземное название гориллы? – спросил я. – По крайней мере, так говорил мне один человек, бывавший на восточном побережье.

– Как вы дальше увидите, это в самом деле очень странно. Говорят, что понго – великие маги, поклоняющиеся богу-горилле или, вернее, двум богам. Другой бог у них – цветок. Кто главнее, цветок ли с обезьяньей головой или горилла, я не знаю. Вообще, я знаю о понго лишь то, что слышал от мазиту и от человека, называвшего себя вождем понго.

– Что же они говорили?

– Мазиту утверждают, что понго – демоны, пробирающиеся секретными путями на лодках через тростники и похищающие женщин и детей для принесения в жертву своим богам. Иногда понго нападают по ночам, завывая при этом, как гиены. Мужчин убивают, женщин и детей забирают в плен. Мазиту тоже хотели бы напасть на понго, да не могут. У них нет лодок, чтобы добраться до вражеского острова – если это действительно остров. Кроме того, мне рассказывали о чудесном цветке, который растет там, где живет бог-горилла. Цветку тоже поклоняются как божеству. Об этом мазиту слышали от соплеменников, сбежавших из плена понго.

– А вы не пробовали добраться до этого острова? – спросил я.

– Пробовал, Аллан. Я подходил вплотную к тростниковым зарослям у самого края большой равнины, на берегу озера. Там я провел некоторое время – ловил бабочек, собирал растения. Однажды ночью я проснулся и почувствовал, что рядом кто-то есть. В лагере я был один, так как после заката солнца никто из моих людей не желал оставаться у границы владений понго. Я выглянул из палатки и при свете заходящей луны (рассвет уже близился) увидел человека, опершегося на длинное копьё с широким наконечником. Человек тот был очень высок, выше шести футов. Белый плащ ниспадал почти до земли, на голове была шапка с завязками, тоже белая, в ушах поблескивали медные или золотые кольца, на руках – браслеты из того же металла. Несмотря на темную кожу, черты лица казались слишком изящными для негроидной расы – нос не приплюснутый, губы тонкие. Этот воин скорее напоминал араба. На левой руке у него я заметил повязку. Лицо незнакомца омрачала тревога. Думаю, ему было лет пятьдесят. Он стоял столь неподвижно, что я начал гадать, не привидение ли это, из тех, что, по словам мазиту, понго посылают в их страну. Мы долго смотрели молча друг на друга, так как я решил не начинать разговора первым. Наконец он заговорил низким, глубоким голосом на языке мазиту или на похожем языке, поскольку я легко понимал его.

«Ты зовешься Догитой, о белый господин? Ты искусный врачеватель?»

«Да, – ответил я. – А кто ты, осмелившийся пробудить меня от сна?»

«Господин! Я – Калуби, вождь племени понго, на этой земле меня уважают и почитают».

«Зачем же ты, Калуби, вождь понго, явился сюда в ночное время и один?»

«А зачем ты, белый господин, пришел сюда один?» – уклончиво ответил он.

«Что же тебе угодно?» – спросил я.

«О Догита! Я ранен и хочу, чтобы ты излечил меня». – Он посмотрел на свою перевязанную руку.

«Отложи в сторону копьё и распахни плащ. Хочу убедиться, что у тебя нет ножа».

Вождь понго повинился, отбросив копьё.

«Теперь развяжи руку».

Я выглянул из палатки и при свете заходящей луны... увидел человека, опершегося на длинное копьё с широким наконечником.

Он развязал. Я зажег спичку – казалось, огонь сильно испугал вождя, хотя он не сказал ни слова, – и при свете ее осмотрел руку. Первый сустав указательного пальца отсутствовал. Судя по культе, прижатой и туго обвязанной травой, сустав откусили.

«Кто это сделал?» – спросил я.

«Обезьяна, – ответил он. – Ядовитая обезьяна. Отрежь мне палец, о Догита, иначе завтра я умру».

«Почему же ты, Калуби, вождь понго, не велел своим лекарям отрезать тебе палец?»

«Нет-нет, – отвечал он, покачав головой, – они не могут. Это запрещает закон. А мне самому трудно, ибо если дальше окажется черное мясо, надо будет отрезать кисть, а если и дальше будет черное мясо, надо будет отрезать всю руку».

Я сел на походный стул и задумался, ведь среди ночной тьмы оперировать невозможно. Калуби, думая, что я отклоняю его просьбу, пришел в сильное волнение.

«Помилосердствуй, белый господин, – взмолился он – не дай мне умереть. Я боюсь смерти. Жизнь тяжела, но смерть еще хуже. Если ты откажешь мне, я убью себя здесь, перед тобой, и мой призрак будет посещать тебя до тех пор, пока ты не умрешь от страха и не соединишься ко мне. Какую плату ты хочешь? Желаете золота, слоновой кости или рабов? Скажи, я дам тебе все».

«Молчи», – сказал я, так как понял, что, если вождь будет много говорить, у него начнется лихорадка, которая приведет операцию к роковому исходу. По той же причине я не стал расспрашивать его о многом, что интересовало меня. Я развел огонь и начал кипятить хирургические инструменты, а Калуби подумал, что я занялся магией. Тем временем взошло солнце.

«Ну, – сказал я, – теперь покажи, насколько ты храбр».

И вот, Аллан, я сделал операцию, отрезав ему палец у самого основания, так как решил, что в его словах о яде есть доля правды. И действительно, впоследствии в ампутированной части – она хранится у меня в спирту, могу показать, – обнаружился яд. Чернота, о которой говорил Калуби, что-то вроде гангрены, распространилась почти по всему пальцу, хотя выше

ткань кисти не пострадала. Вождь понго, без сомнения, был человеком мужественным. Во время операции он сидел неподвижно как скала и ни разу не поморщился. Увидев, что на месте разреза здоровая ткань, он вздохнул с большим облегчением. Когда все закончилось, он лишился чувств, но то был легкий обморок. Я дал ему немного винного спирта с водой, что подкрепило его.

«О господин Догита, – говорил он, когда я перевязывал ему руку, – на всю жизнь я твой раб. Но окажи мне еще одну услугу. В моих владениях водится ужасный дикий зверь, откусивший мне палец. Это демон. Он охотится на нас, мы его боимся. Я слышал, что у вас, белых, есть магическое оружие, которое убивает шумом. Приди на мою землю и убей того дикого зверя своим магическим оружием. Я молю тебя, приди, приди, ибо я в страхе».

Вождь действительно казался очень испуганным.

«Нет, – ответил я – я не проливаю крови. Я никого не убиваю, кроме бабочек, да и тех не так уж часто. Но если ты боишься этого зверя, почему ты не отравишь его? Вам, черным, известно много ядов».

«Без толку, без толку, – посетовал вождь. – Зверь умеет различать яды. Иные он глотает, и они не вредят ему, к иным он не прикасается. Ни один черный человек не может убить его. Нам издревле известно, что он падет только от руки белого».

«Очень странное животное...» – подозрительно начал я, уверенный, что Калуби лжет, и в этот самый момент моего слуха коснулись голоса.

Мои спутники с пением шли ко мне через высокую траву, но, по-видимому, были еще далеко. Калуби тоже услышал их и вскочил.

«Мне надо идти, – сказал он. – Никто не должен видеть меня здесь. Но какую плату желаешь ты, о кудесник-лекарь?»

«За лечение я не беру платы, – ответил я. – Но погоди... На вашей земле растет чудесный цветок, верно? Я хотел бы его иметь».

«Кто сказал тебе о цветке? – спросил Калуби. – Это Священный цветок, а для тебя, о белый господин, он может быть опасен. Не говори о нем, о белый господин, ибо говорить о нем для тебя рискованно. Лучше возвращайся, приведи с собой кого-нибудь способного убить зверя, и я сделаю тебя богатым. Вернись и позови Калуби из тростника, Калуби услышит твой зов и явится к тебе».

Потом он схватил свое копье и исчез в тростнике. Больше я его никогда не видел.

– Но откуда же вы, Брат Джон, достали этот цветок?

– Однажды утром, неделю спустя, я нашел его около своей палатки в узкогорлом глиняном сосуде с водой. Я, конечно, просил Калуби прислать мне корень растения, но он, вероятно, понял, что мне нужен только цветок. Или, может быть, он не посмел выкопать растение целиком. Во всяком случае, это лучше, чем ничего.

– Почему же вы сами не отправились в страну понго и не добыли его?

– По многим причинам, Аллан. Мазиту клялись, что любого, кто увидит этот цветок, умерщвляют. Когда они услышали, что у меня есть такой цветок, то заставили уйти миль за семьдесят, к другим границам своих земель. Поэтому я решил подождать, пока не найдутся люди, согласные меня сопровождать. Если честно, Аллан, я подумал, что вы охотно взглянули бы на странного зверя, способного откусить человеку палец и испугать до смерти. Удивительно, – прибавил Брат Джон, с улыбкой поглаживая длинную седую бороду, – что вскоре после этого я встретил вас.

– Вы так обо мне подумали? – спросил я. – Брат Джон, о вас болтают всякое, но я заключаю, что рассуждаете вы здраво.

Он снова улыбнулся и погладил длинную седую бороду.

Глава II

Аукционный зал

Мне помнится, что разговор о понго, почитателях гориллы и Священного цветка, не обновлялся вплоть до нашего приезда в мой дом в Дурбане. Туда я взял, конечно, с собою Чарльза Скрупа, туда же переехал и Брат Джон, который, за неимением свободных комнат у меня в доме, разбил палатку в саду.

Однажды вечером мы с ним сидели на крыльце и курили. Единственной слабостью Брата Джона было пристрастие к табаку. Он совершенно не пил вина, ел мясо только тогда, когда был принужден к этому обстоятельствами, но с удовольствием сообщая, что при всяком удобном случае он, как и большинство американцев, курил сигары.

– Джон, – сказал я, – я думал о вашем рассказе и сделал несколько выводов.

– Какие, Аллан?

– Во-первых, вы порядком сглупили, не расспросив Калуби как следует. У вас был для этого удобный случай.

– Согласен с вами, Аллан, но ведь я доктор, и тогда меня главным образом занимала операция.

– Во-вторых, я уверен: Калуби подвергся нападению своего бога-обезьяны, и обезьяна эта – горилла.

– Почему вы так думаете?

– Потому что я слышал об обезьянах соко, живущих в Центральной Африке, которые откусывают у людей пальцы на руках и ногах. Говорят, они очень похожи на горилл.

– Я тоже знаю этих обезьян, Аллан. Однажды я видел соко, огромную коричневую обезьяну, которая стояла на задних лапах, а передними барабанила в грудь. Я не успел хорошенько рассмотреть эту громадину, потому что пришлось уносить ноги.

– В-третьих, желтая орхидея может принести много денег тому, кто выкопает растение и перевезет в Англию.

– Я, кажется, говорил вам, Аллан, что такая орхидея стоит около двадцати тысяч фунтов. Таким образом, ваш вывод не новость.

– В-четвертых, я не прочь пуститься на поиски этой редкости и получить свою долю от двадцати тысяч фунтов.

К этим словам Брат Джон проявил чрезвычайный интерес.

– Ага! – воскликнул он. – Теперь мы наконец дошли до самой сути дела. Я все ждал, когда вы скажете это, Аллан. У вас во всем так – медленно, но верно.

– В-пятых, – продолжал я, – для организации такой экспедиции потребуется значительно больше денег, чем есть у нас с вами вместе. Нам нужны компаньоны, активные или пассивные, но непременно с деньгами.

Брат Джон бросил взгляд на окно комнаты Чарли Скрупа, который, еще не окрепнув после болезни, спать ложился рано.

– Нет, – сказал я, – с него довольно Африки. Да и вы сами говорили, что он окончательно оправится не раньше чем через два года. Кроме того, тут замешана леди. Я послал ей письмо от своего имени. Ее адрес назвал Скруп; правда, он в тот момент не понимал, что говорит. Я написал ей, что он все время бредил только ею и что он герой. Ох! Что скажет Чарли Скруп, когда узнает, как я расписал его! Письмо ушло с последней почтой, и я надеюсь, скоро дойдет по назначению. Теперь слушайте дальше. Скруп желает, чтобы я сопровождал его в поездке домой. Он, по-видимому, надеется, что я замолвлю за него словечко, если мне случится встретиться с той леди. Он берет на себя все расходы по путешествию и предлагает уплатить мне

за потраченное время. В последний раз я был в Англии в трехлетнем возрасте, поэтому мне не хотелось бы упускать такой случай.

Брат Джон помрачнел.

– А как же экспедиция? – спросил он.

– Сегодня первое ноября, – ответил я. – В тех местах начинается сезон дождей, который длится до апреля. Раньше не стоит и пытаться посетить ваших приятелей понго. Я же тем временем успею съездить в Англию и вернуться обратно. Если вы доверите мне ваш цветок, я возьму его с собой. Быть может, мне удастся найти человека, который согласится дать денег на организацию поисков этого растения. Если хотите, можете жить у меня и располагать моим домом как своим.

– Благодарю вас, Аллан, но несколько месяцев кряду мне на одном месте не усидеть. Я отправлюсь куда-нибудь, потом вернусь.

Брат Джон остановился, задумчиво устремив глаза в темноту. Потом предложил:

– Видите ли, брат, меня тянет бродить и бродить по этой земле, пока...

– Пока – что? – с нажимом спросил я.

Джон сделал над собой усилие и ответил с деланой беззаботностью:

– Пока не изучу каждый дюйм ее. Есть еще очень много племен, которых я не посетил.

– Включая понго, – сказал я. – Кстати, если я достану денег на экспедицию, то, полагаю, вы тоже отправитесь со мной? Ведь только с вашей помощью удастся пробраться к понго через земли ваших друзей мазиту.

– Конечно, я отправлюсь с вами. Более того, если вы не составите мне компанию, я пойду один. Я намерен исследовать страну понго, невзирая на смертельную опасность.

Я пристально посмотрел на него и произнес:

– Ради цветка вы, Джон, готовы рисковать многим. Или вы ищете что-то еще, кроме орхидеи? Если так, надеюсь услышать правду. – Я сказал это, памятуя, что Брат Джон не примет лжи даже по мелочи.

– Хорошо, Аллан. Если вы так настаиваете, скажу вам всю правду. О понго я слышал больше, чем рассказал вам. Это было после того, как я оперировал Калуби, или после того, как я попытался пробраться к понго один. Последнее, насколько вам известно, мне не удалось.

– Что же вы узнали?

– У понго, наряду с белым богом, есть и белая богиня.

– И что с того? Полагаю, это горилла-самка.

– Ничего, за исключением того, что богини всегда интересовали меня. Спокойной ночи!

«Старый чудак, – подумал я, – ты что-то скрываешь от меня. Хорошо. В один прекрасный день я узнаю, не ложь и не бред ли все это. Хотя вряд ли, существует же орхидея... Странный народ эти понго со своей белой богиней и Священным цветком. Поистине Африка страна необыкновенных людей и богов!»

Теперь место действия переносится в Англию. (Но не бойся, отважный читатель! Через несколько страниц мы снова окажемся в Африке.) Мистер Чарльз Скруп и я покинули Дурбан через день или два после моего последнего разговора с Братом Джоном. В Кейптауне мы сели на почтовый пароход, уютное суденышко, которое после долгого и утомительного плаванья доставило нас в Плимут целыми и невредимыми. Попутчиками нашими оказались люди скучные и неинтересные. Большинство из них я забыл, но одну леди помню хорошо. Судя по вульгарной внешности, в молодости она служила официанткой, а теперь стала женой богатого винооторговца из Кейптауна. На нашу беду, после обеда у нее неизменно развязывался язык, а меня она особенно невзлюбила. Помню, как она сидела в салоне, освещенном керосиновой лампой, которая качалась над ее головой (эта леди всегда садилась под лампой, чтобы всем были видны ее бриллианты), и говорила: «Вы же не на охоте, мистер Аллан (с ударением на Аллан) Квотермейн. Вульгарным не место в приличном обществе. Пойдите причешитесь!» А

ведь мои жесткие волосы не пригладишь! Ее маленький супруг испуганно бормотал: «Перестань, дорогая! Ты ведь можешь обидеть».

Но к чему ворошить все это по прошествии стольких лет, ведь даже имена тех людей забылись? Наверное, тот эпизод застрял в памяти занозой. Еще вспоминается остров Вознесения, который мы посетили, – буруны, хлещущие берег, обнаженный пик, увенчанный зеленью, водяные черепахи. Мы захватили с собой пару, и я часто смотрел, как они лежат на баке на спинах, слабо шевеля конечностями. Одна сдохла, и я велел мяснику очистить для меня ее панцирь. Его обработали, отполировали, и впоследствии я преподнес панцирь мистеру Скрупу и невесте в качестве свадебного подарка. Я предполагал, что это будет корзинка для рукоделия, и был весьма смущен, когда одна глупая леди во всеуслышание объявила на свадьбе, что никогда не видела столь красивой колыбели. Я, конечно, пытался объяснить ей назначение подарка, но все кругом посмеивались.

Только к чему я пишу о пустяках, не имеющих прямого отношения к моей истории?!

Я уже упоминал, что рискнул отправить письмо мисс Маннерз относительно мистера Скрупа и в этом послании, между прочим, сообщил, что «если герой останется в живых, то я, вероятно, привезу его домой со следующим почтовым пароходом». Мы прибыли в Плимут тихим ноябрьским утром, часов в восемь. Тут же подошел буксир за пассажирами, почтой и частью груза. Я смотрел, как судно подходит к нам, и увидел на его палубе полную леди, закутанную в меха, а рядом с ней молодую красивую блондинку в опрятном саржевом костюме и в круглой шляпе с плоской тульей и загнутыми сверху полями. Немного спустя ко мне подошел стюард и сказал, что меня просят в салон. Я отправился туда и нашел там двух упомянутых дам, стоявших рядом.

– Мистер Аллан Квотермейн? – осведомилась полная леди. – Скажите поскорее, где мистер Скруп, которого вы везете домой?

Что-то в ней и в ее манере обращения так встревожило меня, что я едва мог ответить:

– Внизу, мадам, внизу...

– Моя дорогая, – обратилась полная леди к своей спутнице, – я предупреждала: тебе нужно готовиться к худшему. Соберись с духом и не устраивай сцены перед всеми этими людьми. Пути Провидения неисповедимы. Не следовало отпускать бедного юношу в страну язычников. – Потом, обернувшись ко мне, она прибавила: – Я полагаю, он набальзамирован? Мы хотели бы похоронить его в Эссексе.

– Набальзамирован! – вскричал я. – Набальзамирован?! Да он в ванне или был в ней всего лишь несколько минут тому назад!

В следующую секунду молоденькая леди рыдала от радости у меня на плече.

– Маргарет! – воскликнула компаньонка, которая приходилась молодой особе кем-то вроде тетки. – Я просила тебя не устраивать публичных сцен. Мистер Квотермейн, ввиду того, что мистер Скруп жив, будьте добры попросить его сюда.

Я немедленно притащил Скрупа, не успевшего как следует побриться. Дальнейшую сцену несложно себе представить.

Хорошо быть героем. Благодаря мне Чарльз Скруп прослыл человеком отчаянной храбрости. Теперь у него есть внуки, и они уверены: дед в молодости только и делал, что совершал подвиги. Более того, Скруп этого не отрицает.

Потом я отправился в Эссекс к молодой леди, в ее имение с красивым домом. Я попал на большой званый обед на двадцать четыре персоны. Мне пришлось произнести речь о Чарльзе Скрупе и леопарде. По-моему, она удалась на славу. По крайней мере, все рукоплескали, включая слуг, собравшихся в глубине парадного зала.

Помню, что для украшения рассказа я добавил в него еще нескольких леопардов (самку и трех подросших детенышей) и раненого буйвола. Мол, всех их поочередно мистер Скруп прикончил охотничьим ножом. До чего интересно было смотреть на него во время этого рас-

сказа. К счастью, Скруп сидел рядом со мной, и я мог пинать его под столом. Я очень веселился и радовался за молодых, ведь они действительно любили друг друга. Хвала Всевышнему, что мне с помощью Брата Джона удалось их воссоединить.

Во время своего пребывания в Эссексе я впервые встретился с лордом Рэгноллом и очаровательной мисс Холмс, с которыми мне впоследствии суждено было пережить очень странные приключения.

После небольшой передышки я взялся за дело. Мне сказали, что в Сити есть фирма, занимающаяся аукционной продажей орхидей, которые в то время входили в моду у богатых садоводов. «Вот подходящее место, где мне следует показать свое сокровище, – подумал я. – Вне сомнений, господа из „Мэй и Примроуз“, – (так называлась эта всемирно известная фирма), – познакомят меня с богатыми орхидистами, которые пожелают вложить пару тысяч фунтов в поиски цветка, стоящего, по словам Брата Джона, неслыханных денег. По крайней мере, я попробую».

И вот в пятницу, около двенадцати часов дня, я направился в контору «Мэй и Примроуз», захватив золотистую орхидею *циприпедиум*, которая лежала теперь в плоской жестяной коробке. Для своего посещения я выбрал неудачное время, так как на вопрос, можно ли увидеть мистера Мэя, получил ответ, что он на выезде, оценивает растения.

– В таком случае я хотел бы видеть мистера Примроуза, – сказал я.

– Мистер Примроуз в аукционном зале, – бросил клерк, казавшийся очень занятым.

– А где это? – спросил я.

– За дверью налево, потом опять налево и под часы, – буркнул клерк, захлопывая окошечко.

Раздраженный такой грубостью, я едва не отказался от своей затеи. Впрочем, одумавшись, я все же пошел в указанном направлении и через пару минут попал в узкий коридор, ведущий в большой зал. Новичков этот зал удивлял до глубины души. Первое, что бросилось мне в глаза, было объявление на стене, запрещающее посетителям курить трубку. «Странные растения эти орхидеи, если отличают сигарный дым от трубочного», – подумал я, переступая порог. Длинный стол слева заставили горшками с самыми красивыми цветами, какие я когда-либо видел, – они поражали своим разнообразием. Столы вдоль стен завалили сухими корневищами, тоже, по-видимому, орхидейными. Моему неопытному глазу все эти корни казались не стоящими и пяти шиллингов: сухие же, мертвые.

Посреди зала высилась трибуна, за которой восседал джентльмен с очень приветливым лицом. Он так быстро вел аукцион, что клерк рядом с ним едва успевал записывать покупателей. Перед трибуной за столом в виде подковы сидели покупатели. Край стола никто не занял, так что носильщики могли выставлять цветы для каждого нового лота. На столике у самой трибуны уместили еще горшков двадцать с орхидеями; цветы были еще красивее, чем на большом столе. Судя по объявлению, их намеревались продавать ровно в половине второго. По всему залу тут и там стояли группы мужчин (всех дам усадили), большинство с орхидеями в петлице. Это, как я впоследствии выяснил, были продавцы и любители орхидей. Доброжелательные на вид орхидисты очень мне понравились.

Зал тоже казался чрезвычайно уютным, особенно по контрасту с улицами, тонувшими в ужасном лондонском тумане. Я пробрался в угол, чтобы никому не мешать, и наблюдал за аукционом. Вдруг чей-то приятный голос спросил, не желаю ли я заглянуть в каталог. Я посмотрел на говорившего и сразу почувствовал к нему чрезвычайную симпатию (я уже говорил, что принадлежу к людям, для которых первое впечатление очень важно). Рядом со мной сидел невысокий джентльмен, хорошо сложенный, крепкий с виду. Его трудно было назвать красавцем – обычный англичанин, лет двадцати четырех или двадцати пяти, светловолосый, голубоглазый, обаятельный. Я сразу понял, что передо мной милейший человек и добрая душа. В петлице его поношенного твидового костюма красовалась орхидея – знак принадлежности ко

всей этой компании. Как ни странно, грубый костюм шел к румянцу и взъерошенным волосам незнакомца. По правде говоря, я видел его растрепанную шевелюру, потому что он сидел на своей шляпе.

– Благодарю вас, но я пришел сюда не покупать. Я мало смыслю в орхидеях, – пояснил я, – за исключением некоторых видов, встречавшихся мне в Африке, и вот этой. – Я похлопал по жестяному ящику, который держал в руках.

– Африканские орхидеи меня очень интересуют, – сказал молодой человек. – Что у вас в этом ящике, растение целиком или только цветы?

– Всего один цветок. Он принадлежит не мне. Мой африканский друг просил меня... Впрочем, это длинная история, которая вряд ли вас увлечет.

– Напротив. Судя по величине, у вас там стебель или бутон *ципрпедиума*.

Я отрицательно покачал головой:

– Мой друг называл его иначе – *ципрпедиумом*.

Молодой человек чрезвычайно удивился.

– Один цветок *ципрпедиума* в целом ящике? Настолько крупный?

– Да, по словам моего друга, это самый крупный *ципрпедиум* на свете из всех, что когда-либо были найдены. Около двадцати четырех дюймов от края одного бокового лепестка, – кажется, так он их называл, – до края другого, ширина чашечки около фута.

– Двадцать четыре дюйма в поперечнике и фут в чашелистике! – потрясенно воскликнул молодой человек. – И это *ципрпедиум*! Сэр, вы шутите?!

– Ничего подобного, сэр! – возмутился я. – Ваши слова равнозначны обвинению во лжи. Впрочем, может действительно оказаться, что эта орхидея другого рода.

– Во имя богини Флоры, покажите мне ее скорее!

Я успел открыть ящик наполовину, когда к нам подошли двое джентльменов, которые либо слышали наш разговор, либо заметили волнение моего собеседника. В петлицах у них тоже были орхидеи.

– Ба, Сомерс! – начал один из них с фальшивой доброжелательностью. – Что там у вас?

– Что это у твоего друга? – вторил ему другой.

– Ничего, – ответил молодой человек, которого назвали Сомерсом. – В ящике у него... тропические бабочки.

– Ах бабочки... – отозвался номер один и пошел прочь.

А вот от господина номер два, напористого, с ястребиным взглядом, так легко было не отделаться.

– Давайте посмотрим на этих бабочек, – обратился он ко мне.

– Исключено! – воскликнул молодой человек. – Мой друг опасается, что сырость испортит их окрас, верно, Браун?

– Верно, Сомерс, – подыграл ему я и захлопнул ящик.

Мужчина с ястребиными глазами удалился, ворча, что сказки про бабочек уже встали ему поперек горла.

– Орхидист! – прошептал молодой человек. – Орхидисты народ ужасный. Оба этих джентльмена весьма богаты, мистер Браун... Простите, могу лишь надеяться, что угадал ваше имя, хотя, конечно, шанс невелик.

– Да уж, – усмехнулся я. – Меня зовут Аллан Квотермейн.

– А! Это лучше, чем Браун. Вот что, мистер Аллан Квотермейн. Здесь есть отдельная комната, и у меня имеется ключ от нее. Давайте переберемся туда с вашими... бабочками!

В этот момент мимо нас прошествовал господин с ястребиным взором.

– С удовольствием, – ответил я.

Мы вышли из аукционного зала, спустились по лестнице и в конце концов попали в комнатушку, по стенам которой стояли полки, уставленные книгами и гроссбухами.

Сомерс тщательно запер за собой дверь.

– Ну-с, – произнес он тоном романтического злодея, оставшегося наедине с добродетельной героиней, – теперь мы одни. Мистер Квотермейн, показывайте... ваших бабочек.

Я поставил ящик на сосновый стол у окна и открыл его. Под крышечкой лежал слой ваты, а под ним, между двумя стеклами, – золотистый цветок с широким зеленым листом, невредимый после долгих путешествий, прекрасный даже в засушенном виде.

Сомерс не мог оторвать от него глаз. Один раз он обернулся, пробормотал что-то, потом снова принялся рассматривать его.

– О Небо! Возможно ли, чтобы в нашем несовершенном мире существовал такой цветок? Ведь вы не подделали его, мистер Квотермейн?

– Сэр, – сказал я, – я во второй раз слышу оскорбительные намеки. Прощайте!

– Не обижайтесь! – воскликнул он. – Сжальтесь над слабостью бедного грешника! Вы не понимаете меня?

– Будь я неладен, если понимаю!

– Поймете это только тогда, когда начнете собирать орхидеи. Во всем, что не касается их, я человек абсолютно здравомыслящий. Мистер Квотермейн, – взволнованно продолжал он, понизив голос, – ваш друг прав. Это чудесная орхидея *циприпедиум*, и она стоит целой золотой копи.

– Охотно верю, учитывая мой опыт на золотых копиях, – заявил я колко и, как оказалось, пророчески.

– О золотой копи я говорил образно, а не буквально, не как участник кампании. Я имел в виду не один цветок, а растение, на котором он распустился. Где его можно найти, мистер Квотермейн?

– На юго-востоке Африки, – ответил я. – Место могу указать приблизительно, с точностью до трехсот миль.

– Это очень неопределенно, мистер Квотермейн. Конечно, расспрашивать вас я не вправе, мы же совсем незнакомы... Но уверяю вас, человек я порядочный. Может, вкратце расскажете мне историю этого цветка?

– Вряд ли мне следует это делать, – произнес я с некоторым колебанием.

Но все же, опустив имена и точные обозначения местности, я в общих чертах пересказал историю цветка и объяснил, что ищу тех, кто готов финансировать экспедицию в далекое место, где, вероятно, растет эта необыкновенная орхидея *циприпедиум*. Едва я закончил рассказ, как в дверь заколотили.

– Мистер Стивен! – позвали из-за двери. – Мистер Стивен, вы там?

– Господи, это Бриггс! – воскликнул молодой человек. – Бриггс, управляющий моего отца. Прячьте цветок, мистер Квотермейн. Входите, Бриггс, – сказал он, медленно открывая дверь. – Что-то случилось?

– Много чего, – взволнованно ответил худощавый мужчина, появляясь в дверях. – Ваш отец, я хочу сказать – сэр Александр, неожиданно заглянул в контору и сильно рассердился, не застав там вас, сэр. А когда услышал, что вы на аукционе орхидей, он разгневался еще пуще и послал меня за вами, сэр.

– Вот как? – невозмутимо произнес мистер Сомерс. – Хорошо, Бриггс, передайте сэру Александру, что я сейчас вернусь.

Бриггс неохотно удалился.

– Я вынужден покинуть вас, мистер Квотермейн, – вздохнул мистер Сомерс, запирая дверь за Бриггсом, – но обещайте мне не показывать никому цветок до тех пор, пока я не вернусь. Задержусь в конторе на полчаса, не более.

– Хорошо, мистер Сомерс. Я подожду вас в аукционном зале полчаса и обещаю, что до вашего возвращения никто этот цветок не увидит.

– Благодарю вас. Вы хороший человек. Даю слово, что сделаю все возможное, дабы вы ничего не потеряли из-за своей доброты.

Мы вместе вышли в аукционный зал, и вдруг мистер Сомерс о чем-то вспомнил.

– Господи! – воскликнул он. – Я чуть не забыл об *одонтоглоссуме*. Где же Вудден? Вудден, идите сюда, мне надо с вами поговорить!

Вудден повиновался. Я дал бы ему лет пятьдесят, хотя о его возрасте нельзя было судить ни по глазам, то ли светло-голубым, то ли светло-серым, ни по жестким рыжеватым волосам, ни по крупным натруженным рукам с мозолистыми ладонями и обломанными ногтями. Он был в костюме из блестящей черной ткани – из тех, что рабочие надевают на похороны. Я решил, что Вудден садовник.

– Вудден, – сказал Сомерс, – у этого джентльмена самая замечательная орхидея в целом мире. Присматривайте за ним, чтобы его не ограбили. В этом здании, мистер Квотермейн, есть люди, которые ради такого цветка не задумываясь убьют вас, а труп выбросят в Темзу, – мрачно прибавил он.

Получив указание, Вудден перекатился с носка на пятку, словно ощутил первые толчки землетрясения. Он делал так всегда, если что-то его удивляло. Потом он вперил в меня блеклые глаза, явно изумленный моей внешностью, потянул себя за рыжеватую прядь и проговорил:

– К вашим услугам, сэр. А где эта орхидея?

Я показал на жестяную коробку.

– Да, она там, – продолжал Сомерс, – и вы должны охранять ее. Мистер Квотермейн, если вас попытаются ограбить, позовите Вуддена, и он усмирит смутьяна. Вудден – мой садовник, я доверяю ему полностью, а в усмирении смутьянов – особенно.

– Ага, смутьяна я усмирю, – подтвердил Вудден, сжал кулачищи и подозрительно оглянулся по сторонам.

– Теперь слушайте дальше, Вудден. Видите вон ту орхидею *одонтоглоссум паво*? – Он указал на растение в центре столика под аукционной трибуной.

Оно цвело мелкими белыми цветками удивительной красоты. На верхнем лепестке и на нижней кромке каждого округлого цветочка переливалось пятно, очень напоминающее глаз на хвостовых перьях павлина. Наверное, поэтому цветок и назывался *паво*, то есть «павлиний».

– Вижу, хозяин. Цветов красивее я в жизни не видал. В Англии таких глоссумов не сыщешь, а это еще и павлиний глоссум, – убежденно ответил Вудден и снова перекатился с носка на пятку. – Тут многие вертятся вокруг него, крутятся, словно собаки около крысиной норы. И видно, неспроста! – В голосе садовника звучало торжество.

– Правильно, Вудден, вы сама логика. Послушайте, *паво* нужно заполучить во что бы то ни стало. Меня зовет отец. Я собираюсь скоро вернуться, но могу и задержаться. В таком случае от моего имени будете действовать вы, ибо местным агентам я не верю. Сейчас напишу доверенность.

Сомерс взял визитку и нацарапал на ней:

Садовник Вудден уполномочен мной действовать от моего имени.

С. С.

– Теперь, Вудден, – продолжал он, когда карточку передали аукционеру, – смотрите не опростоволосьтесь, не упустите *паво*. – С этими словами он ушел.

– Что имел в виду мой хозяин, сэр? – спросил меня Вудден. – Я должен приобрести павлинью орхидею, сколько бы она ни стоила?

– Да, – ответил я, – я тоже понял его так. Полагаю, стоит *паво* недешево, наверное несколько фунтов.

– Не знаю, сэр, не знаю. Знаю только то, что я должен купить его. Если речь об орхидеях, денежный вопрос моего хозяина не останавливает.

– Мистер Вудден, вам ведь тоже нравятся орхидеи?

– Нравятся? Сэр, да я их обожаю! – Вудден перекатился с носка на пятку. – Таких чувств нет больше ни к чему и ни к кому. Даже к старухе моей нет! Даже к хозяину, – добавил он с трепетом. – А хозяина я люблю, Бог свидетель. Прошу вас, сэр... – Вудден дернул себя за волосы. – Держите коробку крепче. Мне велено приглядывать не только за павлиньим глоссумом, но и за ней. Вон тот тип в большой шляпе кажется подозрительным.

На этом мы расстались. Я забился в свой угол, Вудден встал у стола, поглядывая одним глазом на «павлиньим глоссум», другим на мой жестяной ящик.

«Ну и чудак! – подумал я. – Теплое отношение к супруге, горячая любовь к хозяину, клочущая страсть к орхидеям – вот так шкала чувств. Интересный чудак, честный и отважный».

Торги понемногу стихли. Продавали так много засушенных орхидей одного особенного сорта, что на всех не нашлось покупателей и много растений пришлось унести. Наконец с трибуны к собравшимся обратился жизнерадостный мистер Примроуз.

– Джентльмены, – сказал он, – я прекрасно понимаю, что вы сегодня пришли сюда не для того, чтобы приобрести какую-нибудь *каттлею Мосси*. Вы пришли сюда, чтобы купить, попытаться купить или посмотреть, как покупают чудеснейший *одонтоглоссум* Англии, принадлежащий знаменитой фирме, которой я приношу свои поздравления как обладательнице исключительной редкости. Джентльмены, этому чудесному цветку впору украшать королевскую оранжерею. Но он достанется тому, кто заплатит за него наибольшую сумму. Я полагаю, что сегодня здесь собралось большинство крупнейших коллекционеров, – прибавил он, оглядывая присутствующих. – Правда, я не вижу молодого орхидиста мистера Сомерса, но он поручил достопочтенному мистеру Вуддену, своему главному садовнику, одному из лучших ценителей орхидей в Англии, выступить за него на аукционе замечательного цветка, о котором я говорил. – (Вудден лихорадочно закачался с носка на пятку.) – Сейчас ровно половина второго, и мы приступим к делу. Смит, пронесите *одонтоглоссум наво* по залу, чтобы все увидели, как красив этот цветок. Только не уроните! Джентльмены, прошу вас не трогать цветы руками и не портить их чистоту табачным дымом. Восемь распустившихся цветков и четыре – нет, пять! – бутонов. Совершенно здоровое растение. Шесть ложных луковиц с листьями и три без них. Два отростка, которые, как мне подсказывают, можно срезать в надлежащее время. Кто желает купить *одонтоглоссум наво*? Кому посчастливится стать обладателем этого чуда природы? Благодарю вас, сэр – триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, в трех местах сразу. Восемьсот, девятьсот, тысяча! Джентльмены, чуть быстрее! Благодарю вас, сэр, – тысяча пятьсот, тысяча шестьсот. Ставка против вас, мистер Вудден. Ага! Благодарю вас, тысяча семьсот.

Возникла короткая пауза, во время которой я, думая, что цифра 1700 означает шиллинги, занялся переводом последних в фунты. Получилось восемьдесят пять фунтов. «Ничего себе! – подумал я. – Восемьдесят пять фунтов – дороговато за одно растение, пусть даже редкое. Мистер Вудден слишком рьяно выполняет указание хозяина».

Молящий голос мистера Примроуза вывел меня из задумчивости:

– Джентльмены, джентльмены, вы же не допустите, чтобы это чудо природы, у которого, повторяю, нет аналогов, было продано по столь ничтожной цене? Активнее! Активнее! – восклицал он. – Если все-таки дойдет до такого позора, я лишусь сна. Раз! – (Молоток опустился в первый раз.) – Представьте, джентльмены, мое положение, если придется сообщить бесславную правду именитым владельцам цветка, которые не присутствуют здесь из деликатности. Два! – (Молоток опустился во второй раз.) – Смит, поднимите цветок вверх. Пусть джентльмены видят, что теряют!

Смит поднял цветок, и все на него уставились. Молоточек из слоновой кости описал круг над головой мистера Примроуза и уже опускался, как вдруг спокойный джентльмен с длинной бородой, доселе не принимавший участия в торгах, поднял голову и тихо произнес:

– Тысяча восемьсот.

– Ага! – воскликнул Примроуз. – Так я и думал. Владелец самой большой коллекции в Англии не выпустит это сокровище из рук без борьбы. Ставка против вас, мистер Вудден.

– Тысяча девятьсот, – решительно заявил Вудден.

– Две тысячи, – тут же отозвался джентльмен с длинной бородой.

– Две тысячи сто, – сказал Вудден.

– Правильно, мистер Вудден! – вскричал Примроуз. – Вы очень достойно представляете своего патрона! Уверен, из-за жалкой пары фунтов вы не остановитесь.

– А я не уверен! – запротестовал Вудден. – Мне просто даны указания, и я им следую.

– Две тысячи двести, – сказал длинноротый джентльмен.

– Две тысячи триста, – не сдавался Вудден.

– Черт возьми! – воскликнул джентльмен с длинной бородой и бросился вон из зала.

– *Одонтоглоссум паво* уходит за две тысячи триста, всего за две тысячи триста! – закричал аукционер. – Кто больше? Никто. Тогда мне следует исполнить свой долг. Раз. Два. В последний раз, кто больше? Три! Цветок остается за Вудденом, представляющим своего патрона, мистера Сомерса.

Молоток опустился, и в этот самый момент мой молодой друг вошел в зал.

– Ну, Вудден, – начал он, – *Паво* уже продавали?

– Продавали, сэр, и продали. Я его купил.

– За сколько же?

Вудден почесал затылок.

– Точно не знаю, сэр, с цифрами не дружу. Я же не шибко ученый. Вроде за двадцать три...

– За двадцать три фунта? Нет, *паво* наверняка дороже. Небось за двести тридцать! Ей-богу, это немного чересчур, хотя, может, покупка стоящая.

Тут Сомерса заметил мистер Примроуз, который, прислонившись к трибуне, беседовал с группой взволнованных орхидистов.

– А, мистер Сомерс! – сказал он. – От имени всего нашего общества позвольте поздравить вас с приобретением несравненного *одонтоглоссума паво*, доставшегося вам за очень умеренную цену – всего за две тысячи триста фунтов.

Право, молодой человек принял это известие очень стойко – лишь вздрогнул и немного побледнел. Вудден закачался, словно дерево, которое вот-вот рухнет. Что касается меня – я чуть было не рухнул в обморок. Да, от изумления у меня буквально подкосились ноги.

Все кругом заговорили, но среди шума я четко услышал негромкий голос молодого Сомерса:

– Вудден, вы круглый дурак!

На что последовал ответ:

– Моя мать постоянно говорила мне то же самое. Но в чем же я виноват? Я последовал приказу и купил павлиний глоссум.

– Вы правы, дружище. Вина моя, а не ваша. Это я круглый дурак! Но как мне теперь быть?!

Немного успокоившись, Сомерс подошел к трибуне и что-то сказал аукционеру. Мистер Примроуз закивал головой, и я услышал его слова:

– О, конечно, не беспокойтесь, сэр. Мы не рассчитываем, чтобы такие суммы выплачивались моментально. К вашим услугам целый месяц.

После этого торги возобновились.

Глава III

Сэр Александр и Стивен

В этот самый момент я увидел полного джентльмена с квадратной седой бородой и красивым, но сердитым лицом. Он озирался по сторонам с видом человека, попавшего в малознакомое место.

– Сэр, не подскажете, здесь ли джентльмен по имени Сомерс? – обратился он ко мне. – Я близорук, а в аукционном зале слишком людно.

– Да, он здесь, – ответил я, – и только что купил замечательную орхидею, называемую *одонтоглоссум паво*.

– В самом деле? Вот как! А не знаете ли вы, сколько он заплатил за нее?

– Огромную сумму, – ответил я. – Сначала я думал, что две тысячи триста шиллингов, а оказалось, что две тысячи триста фунтов.

Полный джентльмен так побагровел, что я испугался, как бы с ним не случился припадок. Он тяжело задышал.

«Коллекционер-конкурент», – подумал я и пустился рассказывать историю покупки, которая, как мне казалось, будет ему очень интересна.

– Видите ли, молодого джентльмена вызвали к отцу. Я слышал, как мистер Сомерс, перед тем как уйти, приказал своему садовнику Вуддену купить растение, сколько бы оно ни стоило...

– Сколько бы оно ни стоило! Великолепно! Продолжайте, сэр. История очень занимательная!

– Садовник буквально вырвал это растение на торгах из других рук. Смотрите, вон он упаковывает орхидею. Вряд ли его хозяин рассчитывал на такую большую сумму. А вот и Сомерс собственной персоной. Если вы его знаете...

Руки в карманах, незажженная сигара в зубах – молодой мистер Сомерс, слегка побледневший, с рассеянным видом направлялся ко мне, очевидно собираясь переговорить со мной. При виде пожилого джентльмена он сложил губы, как для свистка, и выронил сигару.

– Ба, отец! – воскликнул он своим приятным голосом. – Мне передали, что ты меня ищешь, но я помыслить не мог, что увижу тебя здесь. Орхидеи же тебя не интересуют?

– Нет! – сдавленно проговорил отец Сомерса. – Меня не интересует вся эта вонючая ерунда. – Он указал зонтиком на красивые цветы. – Но с тобой, Стивен, дело обстоит иначе. По словам этого маленького джентльмена, ты только что купил великолепный экземпляр.

– Я должен извиниться перед вами, – вмешался я, обращаясь к мистеру Сомерсу-старшему. – Я совсем не знал, что этот... видный джентльмен... ваш близкий родственник.

Сомерс-младший слабо улыбнулся.

– Пустяки, мистер Квотермейн, – сказал он. – К чему скрывать то, что напечатают в газетах? Да, отец, я купил великолепный экземпляр. Собственно, купил Вудден, а не я. Мне пришлось вас разыскивать. Но это не меняет сути, ведь он действовал от моего имени.

– И сколько ты заплатил за этот цветок? Мне назвали сумму, но я думаю, тут какая-то ошибка.

– Не знаю, что тебе передали, отец, но цветок достался мне за две тысячи триста фунтов. Это много больше того, чем я располагаю, и потому я прошу тебя одолжить мне эту сумму ради чести семьи, если не ради моей собственной. Впрочем, можно поговорить об этом потом.

– Конечно, Стивен, можно и потом. Но, по-моему, самое подходящее время – сейчас. Поедем ко мне в контору. И вас, сэр, – обратился он ко мне, – я прошу отправиться с нами, так как вам, кажется, известны обстоятельства дела. Поторапливайтесь, остолоп вы этакий, поедете

с нами. – Последние слова относились к Вуддену, который приблизился к нам с растением в руках.

Конечно, необязательно было принимать приглашение, высказанное в такой форме. Но я не отказался. Мне хотелось увидеть, чем все закончится, и, если представится случай, замолвить слово за молодого Сомерса. Мы вышли из аукционного зала под смешки орхидистов, которые слышали весь разговор.

На улице стояла великолепная карета, запряженная парой лошадей. Напудренный лакей открыл дверцу. Сэр Александр, чье лицо хранило свирепое выражение, кивком указал мне внутрь экипажа, и я занял заднее сиденье, где было больше места для моего жестяного ящика. Потом в карету сел мистер Стивен, затем Вудден, державший драгоценное растение перед собой, точно скипетр, последним вошел сэр Александр.

– Куда прикажете, сэр? – спросил лакей.

– В контору, – буркнул сэр Александр, и мы покатили.

Четыре безутешных родственника, возвращающихся с похорон, и те были бы разговорчивее нас. Казалось, нас обуревали чувства, которые словами было не передать. Впрочем, одно замечание сэра Александр сделал. Относилось оно ко мне.

– Буду премного благодарен вам, сэр, если вы перестанете жать мне в ребра своим проклятым ящиком.

– Извините, – сказал я и при попытке переставить ящик уронил его прямо на ноги сэру Александру. Не стану повторять его второго замечания. Но должен заметить, что он, по-видимому, страдал подагрой.

Маленькое происшествие чрезвычайно развеселило его сына. Он потихоньку толкнул меня в бок и едва удерживался от хохота. Я сидел как на иголках, ибо не знаю, что случилось бы, если бы молодой Сомерс расхохотался. К счастью, в этот момент карета остановилась у красивого здания. Не дожидаясь, пока лакей откроет дверцу, мистер Стивен выскочил из кареты и скрылся в доме – я полагаю, чтобы вволю посмеяться, – потом вышел я с жестяным ящиком, за мной – Вудден с цветком и, наконец, сэр Александр.

– Ждите меня, – сказал он кучеру, – я ненадолго. Прошу следовать за мной, мистер... как бишь вас, и вы, садовник.

Мы последовали за ним и очутились в большой комнате, обставленной массивной роскошной мебелью. Надо сказать, что сэр Александр был очень успешным маклером по золоту, чем бы там маклеры ни занимались. Мистер Стивен уже устроился: он сидел на подоконнике и болтал ногами.

– Ну вот мы и одни, – саркастически изрек сэр Александр.

– Сказал удав кролику, брошенному к нему в клетку, – продолжил я.

Язвить я не хотел, но сильно нервничал, вот слова и слетели с языка. Сэр Александр побагровел. Он отвернулся к окну, словно желая полюбоваться стеной дома напротив, но я-то видел, как у него дрожат плечи. Блеклые глаза Вуддена заблестели: не прошло и трех минут, как он понял шутку. Он что-то буркнул про удавов и кроликов и коротко хохотнул.

– Боюсь, я не уловил сути вашего замечания, – проговорил сэр Александр. – Не соблаговолите повторить? – Я просьбу не выполнил, но сэр Александр не унимался: – Тогда, может, повторите то, что рассказали мне в аукционном зале?

– Зачем? Выразился я ясно, и вы все поняли.

– Вы правы, – согласился сэр Александр. – Время тратить ни к чему. – Он обернулся к Вуддену, который так и стоял у двери, прижимая к груди завернутую в бумагу орхидею. – Говори, остолоп, зачем ты купил этот цветок?! – закричал сэр Александр.

Садовник ничего не ответил, только перекатился с носка на пятку. Сэр Александр повторил вопрос. Тогда Вудден поставил цветок на стол и сказал:

– Если вы обращаетесь ко мне, сэр, то меня зовут иначе. А если еще раз назовете меня так, я разобью вам голову и не посмотрю, что вы сэр. – Вудден демонстративно засучил рукава пиджака.

– Послушай, отец, – сказал Стивен, выступая вперед, – к чему ломать комедию? Все совершенно ясно. Я действительно приказал Вуддену купить этот цветок во что бы то ни стало. Более того, я написал ему доверенность и передал ее аукционеру. Отпираться не стану. Правда, на две тысячи с лишним я не рассчитывал, скорее фунтов на триста. Но Вудден только исполнил мой приказ. За это его бранить нельзя.

– Вот это господин, которому стоит служить, – вставил Вудден.

– Прекрасно, мой милый, – сказал сэр Александр, – ты купил этот цветок. Но, будь добр, скажи, чем ты заплатишь за него?

– Полагаю, отец, что деньги дашь ты, – вкрадчиво ответил мистер Стивен. – Две тысячи триста фунтов или в десять раз больше того значат для тебя одинаково мало. Впрочем, если ты мне откажешь, что вполне возможно, я расплачусь сам... Как тебе известно, моя мать оставила мне по завещанию некоторую сумму, с которой ты пожизненно получаешь доход. Под обеспечение этой суммы я деньги достану.

Если прежде сэр Александр злился, то теперь стал похож на взбешенного быка в лавке с китайским фарфором. Он в ярости метался по комнате, изрыгая отборную брань, от чего приличному маклеру следовало бы воздержаться, – в общем, делал то, что не соответствовало его положению. Утомившись, сэр Александр подбежал к письменному столу, выписал чек на предъявителя на две тысячи триста фунтов, вырвал его из книжки, промокнул, смял и бросил чуть ли не в лицо сыну.

– Никчемный бездельник, сопляк, негодяй! – взревел он. – Я взял тебя в эту контору, чтобы ты научился хорошему делу и со временем унаследовал от меня успешное предприятие. И что в ответ? Операции с золотом тебя ни капли не интересуют, по-моему, ты иознакомиться с ними не соизволил. Деньги свои, точнее, мои ты тратишь не по-людски – не на скачки, не на карты, не на... Впрочем, неважно! Ты скупаешь жалкие, мерзкие цветы, которые едят коровы, а продавщицы выращивают у себя на заднем дворе!

– Хобби древнее, со времен Аркадии, – вставил я. – Полагают, что Адам жил в саду...

– Может, попросишь своего приятеля со щетинистыми волосами немного помолчать? – надменно изрек сэр Александр. – Добавлю, что ради чести семьи я покрываю твои долги, но с меня довольно! Я лишаю тебя наследства, точнее, лишу, если доживу до четырех часов, когда закрываются нотариальные конторы. Слава богу, у нас нет заповедного имущества! Со службы я тебя тоже увольняю. Зарабатывай чем хочешь, хоть поисками орхидей! – Он замолчал, чтобы отдышаться.

– Это все, отец? – спросил мистер Стивен, вынимая из кармана сигару.

– Нет, холодный ты слизняк, голодранец! Дом в Туикенеме, который ты занимаешь, принадлежит мне. Будь любезен немедленно освободить его, я желаю им пользоваться.

– По закону я как любой арендатор имею право прожить в нем еще целую неделю, – сказал мистер Стивен, закуривая сигару. – Если ты откажешь мне в этом, я потребую от тебя судебного постановления о выселении. Ты же понимаешь, мне нужно подготовиться, прежде чем начинать жизнь с чистого листа.

– Вот наглец какой, бесчувственная колода! – бушевал разгневанный маклер. Вдруг его осенила какая-то мысль. – Мерзкий цветок для тебя дороже отца? Хорошо! Я положу этому конец!

Он бросился к орхидее, стоявшей на столе, явно решив ее уничтожить. Но порыв не укрылся от бдительного Вуддена. Один шаг – и он заслонил цветок от сэра Александра.

– Только троньте павлиний глоссум – с ног собью! – с расстановкой проговорил Вудден.

Сэр Александр посмотрел на «павлиний глоссум», потом на кулачищи Вуддена и... изменил свои намерения.

– Черт побери ваш «глоссум» и всех вас вместе с ним! – крикнул он и кинулся прочь, хлопнув дверью.

– Ну вот и конец, – спокойно сказал мистер Стивен, обмахиваясь носовым платком. – Забавный спектакль, да я его видел уже не раз. Мистер Квотермейн, что скажете относительно ланча? Ресторан Пима здесь рядом, а там превосходные устрицы. Только, думаю, надо заехать в банк и обналичить этот чек. В гневе мой отец непредсказуем. Он может передумать и распорядиться не выдавать денег по этому чеку. Вы, Вудден, отвезете орхидею в Туикенем. Сегодня морозно, так что держите цветок в тепле. Поставьте его на ночь в оранжерею и немного – слышите, чуточку! – полейте тепловатой водой, осторожно, не касаясь стебля. Наймите четырехколесный кеб, они медленные, но безопасные, закройте в нем окна и не курите. Я вернусь домой к ужину.

Вудден дернул себя за вихор, взял горшок с цветком в левую руку и вышел, подняв правый кулак – наверное, на случай, если сэр Александр караулит за углом. Мы же с Сомерсом заехали в банк, обналичили чек, который, невзирая на большую сумму, приняли без вопросов, потом поели устриц в переполненном ресторане, где было невозможно разговаривать.

– Мистер Квотермейн, – сказал Сомерс, – ясно, что здесь нельзя беседовать, тем паче рассматривать вашу орхидею, которую я хотел бы изучить без спешки. Еще с неделю у меня будет крыша над головой. Не погостите у меня пару дней? Я мало знаю вас, а обо мне вам известно только то, что я лишенный наследства сын, не сумевший угодить своему отцу. Однако мы сможем провести несколько приятных часов в разговоре о цветах и прочем. Соглашайтесь, если располагаете временем.

– Я совершенно свободен, – ответил я. – Я простой путешественник из Южной Африки, живу в отеле. Если позволите, я захвачу саквояж и с удовольствием переночую у вас.

В Туикенем мы приехали в элегантном двухколесном экипаже Сомерса, взятом из городской конюшни. До наступления темноты оставался примерно час. Небольшой дом, называвшийся Вербена-Лодж, был построен из красного кирпича в раннем георгианском стиле. Примыкал к нему сад площадью почти целый акр, очень красивый, точнее, наверняка красивый летом. В оранжерею мы не заглядывали, так как для осмотра цветов было слишком поздно. Следом за нами прибыл Вудден на четырехколесном кебе и вместе с хозяином стал устраивать «павлиний глоссум» на новом месте.

Ужин получился прекрасным. Для мистера Стивена тот день сложился не очень удачно, но он не позволил обстоятельствам испортить его лучезарное настроение. Еще он, очевидно, решил пользоваться благами жизни, пока они есть: за ужином подали шампанское и портвейн превосходного качества.

– Видите ли, мистер Квотермейн, – начал мистер Стивен, – сегодня произошла ссора, назревавшая уже давно. Мой почтенный отец сколотил огромное состояние и желает, чтобы я продолжал его дело. Я же смотрю на жизнь иначе. Я очень люблю цветы, особенно орхидеи, и терпеть не могу операций с золотом. В Лондоне единственные приятные места для меня – это аукционный зал, где мы с вами встретились, и ботанические сады.

– Понятно, – с сомнением проговорил я, – но мне кажется, дело серьезное. Ваш отец, по-видимому, не изменит своего решения. А как вы проживете без всего этого? – Я указал на дорогое серебро и вино.

– Не думайте, что я беспокоюсь, перемены пойдут мне во благо. Кроме того, отец может изменить свое решение, ведь в глубине души он любит меня – очень уж я похож на свою покойную мать. Но даже если этого не произойдет, дело обстоит не так уж скверно. Мама оставила мне шесть или семь тысяч фунтов. *Одонтоглоссум паво* я продам сэру Тредголду – тому самому длиннородому джентльмену, который, по вашим словам, начал набавлять цену с

тысячи восьмисот фунтов и не отставал от Вуддена, пока она не достигла двух тысяч трехсот. А может, найдется другой покупатель. Я напишу Тредголду сегодня же. Серьезных долгов у меня нет. Отец платил мне по три тысячи фунтов в год, – по крайней мере, так вознаграждались мои потуги в операциях с золотом, и если я тратил деньги, то только на цветы. К черту прошлое и да здравствует будущее!

Мистер Стивен потер стакан портвейна, который держал в руке, и весело засмеялся. Действительно, это был весьма симпатичный молодой человек, правда немного легкомысленный, но легкомыслие и молодость связаны друг с другом, как бренди с содовой.

Я поддержал его тост и выпил свой портвейн. Хорошее вино я люблю, как и любой, кто месяцами пьет скверную воду, хотя допускаю, что последняя для меня полезнее.

– Теперь, мистер Квотермейн, – продолжал Сомерс, – закуривайте свою трубку. Мы перейдем в другую комнату и хорошенько рассмотрим ваш *ципринедиум*. Я не усну, если снова его не увижу. Стойте, подождем растяпу Вуддена, а то потом он завалится спать.

– Вудден, – сказал хозяин, когда садовник вошел в комнату, – этот джентльмен, мистер Квотермейн, покажет вам орхидею, которая в десять раз красивее *паво*.

– Извините, сэр, – отозвался Вудден, – но если мистер Квотермейн утверждает это, то он говорит неправду. В природе не существует орхидеи красивее павлиньего глоссума.

Я открыл ящик и вынул из него золотистый *ципринедиум*. Вудден глянул на него и перекатился с носка на пятку. Затем посмотрел снова и ощупал себе голову, будто желая убедиться, на месте ли она. Потом воскликнул:

– Какой чудесный цветок, если только это не подделка! Я умер бы от счастья, если бы увидел растение, на котором он расцвел.

– Сядьте, Вудден, и помолчите, – велел ему хозяин. – Да, так, чтобы видеть *ципринедиум*. Мистер Квотермейн, пожалуйста, расскажите нам историю этой орхидеи полностью. О месте, где она растет, можно не упоминать, если желаете. Тайны выпытывать нечестно, хотя Вудден и я сумеем держать язык за зубами.

Я заметил, что вполне доверяю им, и добрых полчаса рассказывал об орхидее почти не прерываясь, не опуская ни одной подробности. Потом объявил, что ищу человека, согласного финансировать поиски этого замечательного, уникального растения, и выразил уверенность, что во всем свете существует единственный экземпляр.

– Дорого ли обойдется экспедиция? – спросил мистер Сомерс.

– По моим подсчетам, тысячи в две фунтов, – ответил я. – Нам понадобится много людей, ружей, припасов, различных вещей для подарков и на обмен.

– По-моему, сумма небольшая. Предположим, экспедиция будет удачной и вы добудете растение. Что дальше?

– Я полагаю, что Брат Джон, открывший это растение, получит треть суммы, вырученной от его продажи, треть достанется мне как начальнику и организатору экспедиции, а все остальное – тому, кто финансировал поход.

– Великолепно! Значит, решено.

– Что решено? – спросил я.

– Разделим стоимость орхидеи на три равные части. Только я ставлю условие получить свою часть, так сказать, натурой. Вы должны дать мне исключительное право на покупку всего растения, во сколько бы мы его ни оценили.

– Вы хотите сказать этим, мистер Сомерс, что дадите две тысячи фунтов на экспедицию и сами примете в ней участие?

– Ну да. Я думал, это ясно. Вы, ваш полубезумный друг и я будем искать этот золотой цветок и найдем его. Говорю же, решено.

На следующий день были расставлены все точки над «i» – мы составили договор в двух экземплярах и оба подписали его. Перед этим мистер Сомерс, по моему настоянию, повидался

с моим бывшим компаньоном Чарли Скрупом и тет-а-тет расспросил его обо мне. Очевидно, беседа прошла успешно: после нее молодой Сомерс стал относиться ко мне тепло, даже уважительно. Кроме того, я считал своим долгом указать Сомерсу в присутствии Скрупа (в качестве свидетеля) на опасности предприятия, в котором он вызвался участвовать. Я прямо сказал ему, что он может погибнуть от голода или лихорадки, попасть в руки дикарей или в когти дикого зверя, между тем как успех весьма сомнителен.

– Но ведь вы тоже рискуете, – заметил мистер Сомерс.

– Да, – ответил я, – но опасность – неотъемлемая часть профессии охотника и исследователя. Мне приходилось часто рисковать. Кроме того, я немолод и пережил много невзгод и лишений, о которых вы и представления не имеете. Поэтому я мало ценю свою жизнь. Мне совершенно безразлично, погибну я или проживу еще несколько лет. Наконец, приключения стали для меня потребностью. Не думаю, что я смог бы долго прожить в Англии. Помимо всего прочего, я фаталист. Я убежден, что умру в predetermined час, и ни приблизить, ни отложить его я не в силах. Что же до вас... Вы еще молоды. Если останетесь здесь и выберете удачный момент, ваш отец наверняка забудет резкие слова, которые сказал вам недавно. Тем более вы его сами спровоцировали и понимаете это. Стоит ли отказываться от таких перспектив и подвергать себя опасности ради поисков редкого цветка? Я убеждаю вас себе в ущерб, ведь мне трудно будет найти другого человека, который согласится вложить две тысячи фунтов в сомнительное предприятие. Но я настоятельно прошу вас обдумать сказанное мной.

Молодой Сомерс посмотрел на меня, весело рассмеялся и воскликнул:

– Кем бы вы ни были, мистер Аллан Квотермейн, вы джентльмен! Ни один маклер из Сити не разложил бы ситуацию по полочкам собственной выгоде вопреки.

– Благодарю вас, – сказал я.

– Что касается остального, мне надоела Англия, – продолжал он. – Я хочу посмотреть мир. Не золотистый *циприпедиум* ищу я, хоть и не прочь его найти. Орхидея только символ. Я ищу приключений и романтики. Кроме того, я, как и вы, фаталист. Господь посылает нас в этот мир, когда Ему угодно. Будет на то Его воля, Он заберет нас к Себе. Значит, и риск, и опасности – все по воле Всевышнего.

– Хорошо, мистер Сомерс, – торжественно сказал я. – В Африке вас ждет немало приключений и романтики. А может, безвестная могила в каком-нибудь малярийном болоте. Однако выбор вы сделали, и я его одобряю.

Впрочем, разговор с мистером Стивеном не принес мне удовлетворения. За неделю до нашего отъезда, после долгих размышлений, я написал сэру Александру Сомерсу письмо, в котором предельно ясно изложил дело, не умолчав об опасностях нашей затеи. В заключение я спрашивал его, считает ли он разумным отпустить своего единственного сына в такую экспедицию. Ведь мистер Стивен решил участвовать в ней после той небольшой размолвки между ними.

Ответ не приходил, и я занялся подготовкой к отъезду. Денег у нас было более чем достаточно. «Павлиний глоссум» с убытком продали сэру Джошуа Тредгольду, что дало мне возможность с легким сердцем покупать все необходимое. Никогда прежде меня не обеспечивали таким снаряжением, какое я теперь заблаговременно переправил на пароход.

Наконец наступил день отъезда. Мы стояли на платформе в Паддингтоне и ждали отправления поезда в Дартмут, ведь в те времена почтовые пароходы, отплывающие в Африку, уходили из этого порта. Минуты за две до отправления, когда мы собирались подняться в вагон, я заметил человека, лицо которого показалось мне знакомым. Он, по-видимому, искал кого-то в толпе. Это был мистер Бриггс, управляющий сэра Александра; я видел его в аукционном зале.

– Мистер Бриггс! – окликнул я клерка, когда он проходил мимо меня. – Наверное, вы ищите мистера Сомерса? Он здесь.

Клерк заскочил в вагон, метнулся в купе и вручил письмо мистеру Сомерсу. Потом вышел и в ожидании встал у двери. Сомерс прочел письмо и, оторвав от последнего листа чистый клочок, нацарапал ответ. Он попросил меня передать записку Бриггсу. Я не удержался и прочел ее. Вот содержание:

Слишком поздно. Храни тебя Господь, дорогой отец. Надеюсь, что мы еще свидимся. Если же нет, не поминай лихом своего беспутного сына.

Стивен

Через минуту поезд тронулся.

– Между прочим, – сказал Сомерс, когда мы отъехали от вокзала, – отец просил передать вам это письмо.

Я вскрыл конверт, надписанный четким округлым почерком, весьма подходившим его обладателю, и прочел следующее:

Милостивый государь!

Я высоко ценю мотивы, побудившие Вас написать мне, и сердечно благодарю за письмо, которое доказывает, что человек Вы честный и порядочный. Как Вы предполагаете, экспедиция, в которую собрался мой сын, представляется мне очень рискованной. Разногласия между мной и сыном для Вас не секрет: они достигли апогея в Вашем присутствии. Должен извиниться за то, что втянул Вас в неприятную семейную ссору. Ваше письмо попало ко мне в руки только сегодня: его переслали в деревню из конторы. Я хотел сразу же вернуться в город, но, увы, сильный приступ подагры лишает меня возможности двигаться. Поэтому я могу лишь написать сыну, в надежде, что письмо, переданное со специальным посыльным, вовремя попадет ему в руки и, быть может, заставит отказаться от путешествия. Хочу добавить: вопреки нашим многочисленным разногласиям, я горячо люблю сына и желаю ему добра. Я даже думаю боюсь о том, что с ним может случиться беда.

Я понимаю, что, если мой сын в последний момент откажется от экспедиции, вас ждут серьезные убытки и неудобства. Позвольте сообщить, что в таком случае покрою все расходы и возьму две тысячи фунтов, которые, насколько я понял, мой сын вложил в организацию экспедиции. Однако не исключено, что мой сын, унаследовавший мое упрямство, откажется изменить свое намерение. В таком случае прошу Вас опекать его и присматривать за ним, как за родным сыном. Попросите его при случае писать мне и, если можно, пишите сами. Кроме того, передайте ему, что я прикажу ухаживать за его цветами, оставленными в Туикенеме, хотя и ненавижу их.

Ваш покорный слуга Александр Сомерс

Это письмо глубоко тронуло меня и сильно смутило. Не говоря ни слова, я передал его своему компаньону, который внимательно прочел его.

– Хорошо, что он обещает присматривать за моими орхидеями – сказал он. – Мой отец вспыльчив, всю жизнь командует, но сердце у него доброе.

– Что же вы намерены делать? – спросил я.

– Конечно, продолжать путешествие. Я взялся за дело и не пойду на попятную. Иначе я распишусь в трусости и окончательно разочарую отца, что бы он ни говорил. Поэтому не пробуйте убеждать меня. Бесполезно!

Молодой Сомерс помрачнел, что случалось с ним нечасто. По крайней мере, он долго молчал, разглядывая зимний пейзаж за окном. Мало-помалу он оправился и к приезду в Дартмут стал весел, как всегда, – но я этого настроения не разделял. Перед отплытием парохода я написал сэру Александру письмо, в котором подробно изложил положение дел. Думаю, его сын сделал то же самое, хотя и не показал мне письма.

В Дурбане, когда мы уже собирались отправиться дальше, я получил от сэра Александра ответ, посланный со следующим пароходом. Что бы ни случилось, уверял сэр Александр, он ни в чем меня не винит и всегда будет питать ко мне самые дружеские чувства. Он просил

меня написать ему в случае денежных затруднений и сообщил, что связался по этому поводу с Африканским банком. В конце письма он прибавил, что его сын, по крайней мере, проявил твердость, за которую он уважает его.

Теперь мы надолго простимся с сэром Александром и всем, что относится к Англии.

Глава IV

Зулус Мавово и готтентот Ханс

В начале марта мы благополучно прибыли в Дурбан и поселились в моем доме в Береа, где нас должен был ждать Брат Джон. Но его там не оказалось. Старый хромой гриква³ Джек, который прежде со мной охотился, а теперь присматривал за моим домом, сообщил, что вскоре после моего отъезда Догита – так он звал Брата Джона – забрал свой жестяной ящик и ушел вглубь страны, не оставив ни письма, ни записки. Ящики с бабочками и засушенными растениями тоже исчезли. Их, как выяснилось, отправили в Америку на паруснике, плывшем в Соединенные Штаты и остановившемся в Дурбане, чтобы запастись провизией и пресной водой. Где сам Брат Джон, мне выяснить не удалось. Его видели в Марицбурге⁴, потом – по словам знакомых мне кафров – на границе страны зулусов. Дальше следы его терялись.

Сказать, что это путало нам карты, – не сказать ничего. Возник вопрос, что делать дальше. Брат Джон должен был стать нашим проводником. С племенем мазиту был знаком только он один. Он один пересекал границы таинственной страны понго. Без его помощи я в те края почти не наведывался.

Прошло две недели, Брат Джон не объявлялся, и мы со Стивеном устроили совещание. Я объяснил, что ситуация сложная, и вместо поисков орхидеи предложил поохотиться на слонов в известных мне районах страны зулусов, где в те времена эти животные водились в изобилии. Стивен мое предложение принял, так как охота на слонов его тоже привлекала.

– Удивительно, – сказал я, поразмыслив, – но я не помню ни одной экспедиции, сложившейся удачно, если план меняли в последний момент.

– Тогда бросим жребий, – предложил Стивен. – Пусть все решит Провидение. Орел – за золотистый *циприпедиум*, решка – за слонов.

Он подобрал полкроны. Монета упала на пол и закатилась под большой деревянный ящик желтого цвета, наполненный собранными мной редкостями. Сдвинуть ящик удалось ценой больших усилий. Сильно волнуясь – от положения монеты зависело многое, – я зажег спичку. Монета лежала в углу, в пыли.

– Ну что? – спросил я Стивена, растянувшегося животом на ящике.

– Орел. Значит, орхидея, – ответил он. – Итак, решено, беспокоиться больше не о чем.

Следующие две недели я был очень занят. Случилось, что в заливе стояла шхуна «Мария» вместимостью около ста тонн, принадлежавшая португальцу по имени Дельгадо, который возил товары в различные порты Восточной Африки и на Мадагаскар. Этот субъект совершенно не внушал мне доверия. Я подозревал, что он знает с работоторговцами, коих в то время было весьма много, а может, и сам он был из их числа. Но направлялся он в Килву, откуда мы намеревались пойти вглубь страны, и я решил воспользоваться его шхуной для перевозки нашего отряда и багажа. Договориться с ним оказалось нелегко по двум причинам: во-первых, ему, по-видимому, не хотелось, чтобы мы охотились в местности, лежащей за Килвой, где, по его словам, совершенно не было дичи. Во-вторых, он заявил, что желает отплыть немедленно. Однако я представил ему очень веский аргумент, против которого Дельгадо не возражал, – деньги, и в конце концов он согласился отложить отплытие на две недели.

Потом я принялся собирать команду, – по моему расчету, требовалось человек двадцать. Я вызвал в Дурбан из страны зулусов и верхних округов Наталя охотников, сопровождавших меня в прежних экспедициях. Набралось их около дюжины. Я всегда был в хороших отношениях со своими кафрами, и, куда бы ни собирался, они охотно сопровождали меня. Старшим

³ *Гриква* – этническая группа в Южной Африке; потомки смешанных браков между бурами и готтентотами.

⁴ *Марицбург* – краткое название города Питермарицбург.

в команде, непосредственным моим помощником, я назначил зулуса по имени Мавово, немолодого мужчину, высокого, широкогрудого, очень сильного физически. Рассказывали, что он способен повалить быка, если схватит его за рога. На глазах у меня Мавово пригнул голову раненого буйвола к земле и удерживал его до тех пор, пока я не подошел и не пристрелил его.

Когда я впервые встретил Мавово, он был вождем мелкого племени и колдуном на землях зулу. Вместе со мной он сражался за принца Умбелази в великой битве на реке Тугела⁵, чего Кечвайю ему не простил. Около года спустя Мавово получил предостережение, что его обвиняют в колдовстве и хотят убить. Тогда он бежал с двумя женами и ребенком. Убийцы настигли его прежде, чем он успел добраться до границы Наталья, и закололи его старшую жену и ребенка младшей. Злодеи напали вчетвером, но Мавово, обезумев от ярости, бросился на них и перебил всех. Вместе с уцелевшей женой, израненной так же, как и он, перебрался через пограничную реку в Наталь. Вскоре умерла и вторая его жена; она не смогла пережить потери ребенка. Мавово больше не женился, вероятно, потому, что обнищал, ведь Кечвайю забрал у него весь скот. Кроме того, его лицо было обезображено ассегаем, отхватившим ему правую ноздрю. После смерти своей второй жены он отыскал меня и сказал, что, став вождем без краля, желает быть у меня охотником. Я взял его на службу, о чем ни разу не пожалел. Несмотря на мрачный характер и пристрастие к диким колдовским обрядам, Мавово был очень верным слугой, отважным, как лев, вернее, как буйвол, ведь царь зверей далеко не всегда храбр.

За другим кандидатом в команду я не посылал, но он явился сам – старый готтентот по имени Ханс, спутник почти всей моей жизни. Когда я был ребенком, он прислуживал моему отцу в Капской колонии. Ханс сопровождал меня в военных походах и делил со мной опасности приключений, описанных в истории о Мари Марэ, моей первой жене. Так, например, мы с Хансом единственные избежали участи Ретифа и его товарищей, убитых зулусским королем Дингааном. В последующих схватках, включая битву у Кровавой реки⁶, он сражался бок о бок со мной и в итоге получил хорошую долю при дележе отбитого скота. После этого Ханс удалился на покой и открыл лавочку в городе под названием Пайнтаун, милях в пятнадцати от Дурбана. Увы, там он сбился с пути истинного – пристрастился к пьянству и азартным играм. Ханс потерял большую часть своего имущества, даже крышу над головой. Однажды вечером, после подведения счетов, я вышел из дому и увидел седого желтолицего старика, который на корточках сидел у меня на веранде и курил трубку из кукурузного початка.

– Добрый вечер, баас, – сказал он. – Это я, Ханс.

– Вижу, – холодно ответил я. – Что ты тут делаешь? Неужели у тебя осталось время от игры и пьянства в Пайнтауне, чтобы навестить меня? Ханс, мы же три года не виделись.

– С игрой я покончил, баас, потому что мне больше нечего ставить. С пьянством тоже покончил, потому что, выпив одну бутылку «Капского дыма», я на другой день становлюсь больным. Теперь я пью только воду, да и той немного, еще курю, чтобы придать ей вкус.

– Я рад это слышать, Ханс. Если бы мой отец, крестивший тебя предикант⁷, был жив, он многое сказал бы тебе относительно твоего поведения, что он, наверное, сделает, когда ты попадешь в яму, то есть в могилу, ибо он будет ждать тебя там, Ханс.

– Знаю, знаю, баас. Я думал об этом и очень тревожусь. Предикант, преподобный отец бааса, сильно рассердится на меня, когда мы встретимся в огненном месте⁸, где он сидит и

⁵ В битве на реке Тугела в 1856 году встретились войска претендентов на зулусский престол – принцев Кечвайю и Умбелази. В кровопролитном сражении верх одержал Кечвайю, ставший последним независимым зулусским правителем.

⁶ В 1836 году буры, возглавляемые Питером (Пьетом) Ретифом, вторглись на территории племени зулу, но встретили решительный отпор со стороны зулусского правителя Дингаана. Ретиф погиб в начале военной кампании. Потерпев ряд неудач, буры призвали на помощь англичан и в кровопролитном сражении 16 декабря 1838 года разбили армию Дингаана. Река Нкоме, в долине которой произошла эта битва, получила название Кровавой.

⁷ *Предикант* – проповедник (африканс).

⁸ Ханс говорит о том свете.

ждет. Поэтому я хочу примириться с ним, встретив смерть на службе у бааса. Говорят, баас собирается в дальний путь. Я хочу сопровождать бааса.

– Сопровождать меня? Но ведь ты стар и не стоишь кормежки и ежемесячного жалованья в пять шиллингов. Ты разохшийся винный бочонок, в котором нельзя держать даже воду.

По уродливому лицу Ханса скользнула улыбка.

– Ох, баас, я стар, да умен. Все эти годы я набирался мудрости. Я полон ею, как улей медом в конце лета. Я могу, баас, остановить течь в бочонке.

– Бесплезно, Ханс. Ты мне не нужен. Я отправляюсь в очень опасное путешествие. Мне нужны люди, которым можно доверять.

– Кому же, баас, можно доверять, если не Хансу? Кто предупредил бааса о нападении воинов Кваби на Марэфонтейн и спас...

– Тсс! – перебил я.

– Понимаю и имени не назову. Оно свято, имя той, которая с ангелами стоит у престола Господня, и полупьяному нищему Хансу называть его не след. Но кто был около бааса во время великой битвы? Ах, я снова молодею, вспоминая, как загорелась крыша, как сломали дверь, как мы встретили кафров копьями, как вы держали пистолет у виска той святой, чье имя нельзя упоминать напрасно, той великой, которая не знала страха смерти. Наши жизни, баас, переплелись, как вьюн с деревом. Куда пойдет баас, туда должен идти и я. Не гоните меня. Я не прошу никакого жалованья, только немного еды да горсть табаку. Мне всего и нужно, что изредка смотреть на светлое лицо бааса и перекинуться с ним словечком о нашем славном прошлом. Я еще достаточно силен и стреляю хорошо. Кто надоумил бааса целиться в хвост стервятникам на холме смерти в земле зулу и этим спас жизнь бурам и той, чье святое имя нельзя упоминать? Баас ведь не прогонит меня?

– Хорошо, – сказал я, – можешь идти со мной. Но ты должен поклясться духом моего отца, предиканта, что на протяжении всего путешествия не прикоснешься к спиртному.

– Клянусь духом вашего батюшки! – воскликнул он, бросившись на колени, поцеловал мне руку, потом поднялся и деловым тоном добавил: – Не соблаговолит ли баас дать мне два одеяла и пять шиллингов на табак и новый нож? Где ружья, баас? Их надо смазать. Пусть баас возьмет с собой маленькое ружье, которое мы зовем Интомби⁹, – то самое, из которого он стрелял по стервятникам на холме смерти и по гусям в овраге Груте-Клуф. Когда я заряжал Интомби для бааса, он вышел победителем в состязаниях с буром, которого Дингаан прозвал Двоглазым¹⁰.

– Хорошо, – сказал я, – вот тебе пять шиллингов. Кроме того, ты получишь два одеяла, новое ружье и все необходимое. Ружья ты найдешь в маленькой задней комнате. Там же хранятся ружья другого бааса – теперь ты будешь служить и ему. Пойди взгляни на них.

Наконец все было готово. Ящики с ружьями, боеприпасами, лекарствами, подарками и снедью доставили на борт «Марии». Туда же перевезли четырех ослов, которых я купил в надежде, что они пригодятся как верховые или вьючные животные. Следует заметить, что только человек и осел могут быть невосприимчивы к ядовитым укусам мухи цеце, за исключением, конечно, диких животных. Наступила наша последняя ночь в Дурбане (было полнолуние в конце марта), так как португалец Дельгадо заявил, что желает отплыть на следующий день. Мы с молодым Сомерсом сидели на крыльце, курили и разговаривали.

– Странно, что Брата Джона до сих пор нет, Стивен. – Мы сдружились, и я теперь называл его по имени. – Знаю, что он хотел устроить эту экспедицию не только из-за орхидеи, но и по другой причине, о которой он не желал распространяться. Сдается мне, старика уже нет в живых.

⁹ Девушка (зул.). – Примеч. англ. изд.

¹⁰ См. роман «Мари». – Примеч. англ. изд.

– Вполне вероятно, – ответил Стивен, – любой, кто останется один среди дикарей, рискует попасть в беду и сгинуть. Но постойте! Что там? – Он указал на кусты гардении, растущие около дома: оттуда слышался шорох.

– Собака или, быть может, Ханс. Он всегда бродит рядом или прячется где-нибудь неподалеку. Ханс, это ты?

Из-за куста гардении показалась чья-то фигура.

– Да, это я, баас.

– Что ты там делаешь, Ханс?

– То же, что и собака, баас, – охраняю своего хозяина.

– Прекрасно, – ответил я. Тут мне пришла в голову мысль. – Ханс, – сказал я, – не слышал ли ты о белом баасе с длинной бородой, которого кафры кличут Догитой?

– Я слышал о нем и видел его несколько лун тому назад, когда он проходил через Пайнтаун. Кафр, сопровождавший его, сказал мне, что Догита направляется куда-то через Дракенсберг¹¹ искать мелких тварей, которые ползают и летают. Но ведь он совсем сумасшедший, баас.

– А где он теперь, Ханс? Догита должен был прийти сюда, чтобы отправиться с нами.

– Разве я дух, чтобы возвестить баасу, куда ушел белый человек? Но погодите, Мавово вам поможет, он великий врачеватель и колдун, видит на расстоянии. Как раз сегодня вечером его змея-прорицательница вошла в него. Он гадает там, за домом. Я видел, как он очерчивает круг.

Я перевел с голландского слова Ханса и спросил Стивена, не желает ли он посмотреть на кафрское гадание.

– С удовольствием, – усмехнулся Сомерс, – но ведь все это вздор, не правда ли?

– Ну, так считают многие, – уклончиво ответил я. – Однако порой эти колдуны говорят необыкновенные вещи.

Под предводительством Ханса мы тихо обошли вокруг дома и остановились у стены футов в пять высотой, примыкавшей к задней части конюшни. За этой стеной, среди хижин, в которых жили мои кафры, было открытое место с подобием очага, где они готовили себе пищу. Здесь, лицом к нам, сидел Мавово, вокруг – охотники, которые должны были сопровождать нас, да еще хромой гриква Джек и двое домашних слуг. Перед Мавово горело с дюжину костерков. Если точнее, я насчитал четырнадцать – по числу наших охотников вместе с нами. Один из кафров подбрасывал в пламя кусочки щепок и сухую траву, чтобы пылало ярко. Остальные молчали, с благоговением наблюдая за обрядом. Сам Мавово словно спал – сидел на корточках, склонив огромную голову почти до коленей. Он опоясался змеиной кожей, а на шею повесил украшение, видимо собранное из человеческих зубов. Справа от него лежали перья из крыльев коршуна, а слева – серебряные монеты (я полагаю, плата охотников, которым он гадал).

Мы смотрели на Мавово из-за прикрытия – каменной стены. Вдруг он пробудился. Сперва что-то пробормотал, потом глянул на луну и прочел, очевидно, молитву, слов которой я не разобрал. Затем судорожно вздрогнул три раза и четко объявил:

– Моя змея пришла. Она во мне. Теперь я вижу! Теперь я слышу!

Напротив Мавово горели три костра, которые были чуть больше прочих. Колдун взял связку перьев грифа, выбрал перо, поднял его к небу, потом провел им через центр одного из трех костров, назвав при этом мое туземное имя – Макумазан. Вот он вынул перо из огня и внимательно осмотрел обгорелые края. У меня мурашки по спине пробежали: я знал, что он вопрошает своего духа о том, что случится со мной в нашей экспедиции. Что ответил дух, сказать не могу, так как Мавово отложил опаленное перо в сторону и, взяв другое, проделал с ним то же, что и с предыдущим. Только на этот раз он назвал имя Мвамвацела, сокращенная

¹¹ Дракенсберг – Драконовы горы, горная гряда в Натале.

форма которого, Вацела, была прозвищем, данным кафрами Стивену Сомерсу. Оно означало «улыбка», и, без сомнения, Стивена так нарекли за улыбчивость и обаяние.

Мавово провел пером через правый из трех костров, внимательно осмотрел и отложил в сторону. Так продолжалось и дальше. Одно за другим он называл имена охотников, начав с себя как со старшего. Мавово проводил пером через костер, символизовавший судьбу упоминаемого охотника, внимательно осматривал перо и откладывал. После этого черный великан, казалось, снова погрузился в сон. Через несколько минут колдун очнулся, зевнул и потянулся, как человек, пробуждающийся от естественного сна.

– Говори! – с превеликим волнением потребовали собравшиеся и закричали наперебой: – Что ты видел? Что слышал? Что сказала тебе змея обо мне? А обо мне?

– Я видел, я слышал, – ответил Мавово. – Моя змея говорит, что путешествие будет очень опасным. Шестеро погибнут от пули, копья или болезни. Другие получают ранения.

– Ох! – воскликнул один из охотников. – Но кто умрет и кто останется в живых? Об этом тебе змея не сказала?

– Да, конечно сказала. Но она велела мне держать язык за зубами, чтобы кто-нибудь из вас не струсил. Кроме того, она сказала мне, что первый, кто станет расспрашивать, будет в числе погибших. Ну, есть у кого вопросы? Задавайте, если хотите.

Странно, но никто ни о чем больше не спросил. Никогда я не видел людей, столь безразличных, во всяком случае внешне, к своему будущему. Все, казалось, были согласны со своей судьбой.

– Змея сказала мне еще кое-что, – продолжал Мавово. – Если среди вас есть трусливый шакал, который думает, что он в числе шести обреченных на смерть и собирается бежать от своей участи, то это бесполезно. Змея укажет мне его и научит, как поступить с ним.

Присутствующие хором заявили, что им в голову не приходило бросать Макумазана. Я убежден, что эти храбрые люди говорили правду и верили в гадание Мавово. Впрочем, обещанная гибель была еще далеко, и каждый из них надеялся попасть в число уцелевших. Кроме того, туземцы в те времена слишком часто видели смерть, чтобы бояться ее.

Один из зулусов предложил возвращать шиллинг, уплаченный за предсказание, ближайшим родственникам погибших.

– Зачем платить за то, что тебе предсказывают смерть? – недоумевал зулус. Это казалось ему бессмысленным.

Колдун взял связку перьев грифа, выбрал перо, поднял его к небу, потом провел им через центр одного из трех костров...

Мавово отнесся к его словам с презрением. Воистину, у этих кафров странное мировоззрение.

– Ханс, твой костер там тоже есть? – шепотом спросил я.

– Нет, баас, – прошелестел он мне на ухо. – Баас считает меня дураком? Если мне суждено погибнуть, я погибну; если суждено выжить, я выживу. Зачем же мне платить шиллинг за то, что покажет время? Кроме того, Мавово берет шиллинги, всех пугает, но толком ничего не говорит. По-моему, это обман. Но вы, баас, и баас Вацела бояться не должны. Вы денег не платили, потому Мавово, хотя он и великий колдун, вам предсказывать не может, ведь его змея бесплатно не работает.

Это замечание казалось вздорным. Однако у меня мелькнула мысль, что ни одна цыганка не станет гадать, если ей не «позолотить ручку».

– Мне кажется, Квотермейн, – лениво начал Стивен, – раз наш друг Мавово знает так много, его, по совету Ханса, следует расспросить о Брате Джоне. Потом расскажете мне, ладно? Я хочу пойти посмотреть кое-что.

Я прошел через маленькие ворота в стене и изобразил удивление, как будто впервые увидел костерки.

– Что, Мавово, опять гадаешь? – спросил я. – Мало неприятностей колдовские обряды принесли тебе в стране зулусов?

– Это так, баба́, – ответил Мавово, звавший меня отцом, хотя был старше меня, – гадание уже стоило мне звания вождя, скота, двух жен и сына. Оно превратило меня в странника, который рад сопровождать некоего Макумазана в неведомые земли, где со мной может случиться многое и даже то, – многозначительно прибавил он, – что случается последним. Но дар есть дар, им надо пользоваться. У тебя, баба́, есть дар стрелять. Разве ты перестанешь стрелять? У тебя есть дар странствовать. Ты перестанешь странствовать? – Мавово взял опаленное перо из кучки, лежавшей около него, и внимательно его осмотрел. – У меня острый слух, баба́, слова доносятся до меня по воздуху. Тебе, кажется, сказали, что мы, бедные кафрские колдуны, не можем предсказывать правильно, если нам не заплатят? Это, пожалуй, правда. Но

в колдуне сидит змея, она прыгает над камнем, заслоняющим настоящее, и видит тропинку, которая бежит по горам, по долам, пока не скроется в небесах. Так, на этом пере, опаленном волшебным огнем, я вижу твое будущее, о мой отец Макумазан! Путь твой дальний, очень дальний. – Мавово провел пальцем по всему перу. – Вот странствие, – он смахнул обуглившееся волокно, – вот еще одно, еще и еще, – он убирал одно обуглившееся волоконец за другим. – Вот очень удачный поход, он обогатит тебя. Вот еще одно удивительное странствие, в котором ты увидишь диковинные вещи и встретишь странный народ. Потом... – Он так сильно дунул на перо, что все обуглившиеся волоконец – бородки, как называет их Брат Джон, – осыпались. – Потом останется только шест, из тех, что некоторые люди моего племени втыкают в могилы и называют столбами воспоминаний. О мой отец, ты умрешь в далекой земле, но оставишь после себя великую память, которая проживет сотни лет. Ибо смотри, как крепко это перо, как мало повредил его огонь. Остальные перья – другая история, – прибавил он.

– Да, наверное, – отозвался я. – Будь добр, Мавово, перестань гадать для меня, ведь мне совершенно неинтересно, что со мной станет. Я живу сегодняшним днем и не желаю заглядывать в будущее. В нашей священной книге сказано: «...Довольно для каждого дня своей заботы»¹².

– Да, Макумазан, это хорошее изречение. Некоторые из твоих охотников теперь тоже думают так, хотя час тому назад они совали мне свои шиллинги, чтобы я предсказал им будущее. Ты тоже что-то хочешь узнать. Ведь ты прошел через эти ворота не для того, чтобы потчевать меня мудростью своей священной книги. В чем дело, баба? Говори скорее, ибо моя змея теряет силу. Она хочет вернуться в свою нору, в потусторонний мир.

– Хорошо, – смущенно ответил я, ибо Мавово обладал необыкновенной способностью угадывать тайные побуждения, – мне хотелось бы знать, что случилось с длиннобородым белым человеком, которого вы, туземцы, называете Догитой. Он должен был ждать здесь, чтобы отправиться вместе с нами в это странствие. Он обещал быть нашим проводником, но мы не можем его найти. Где он и почему его здесь нет?

– Нет ли у тебя, Макумазан, чего-нибудь, принадлежащего Догите?

– Нет, – ответил я, – но постой...

Я вытащил из кармана огрызок карандаша, который получил от Брата Джона и, будучи бережливым, сохранил.

Мавово взял его и тщательно осмотрел, как делал это с перьями. Потом мозолистой ладонью выгреб немного золы из самого большого костра, символизировавшего мою судьбу, размел по земле, выровнял и нарисовал человека. Такие фигурки, сделанные детской рукой, можно видеть на выбеленных стенах. Мавово созерцал изображение с удовлетворением художника. С моря прилетел ветерок и смешал золу, изменив очертания рисунка.

Некоторое время Мавово сидел зажмурившись. Потом открыл глаза, внимательно рассмотрел золу и остатки рисунка, взял лежавшее рядом одеяло и набросил его себе на голову и на золу. Вот он отшвырнул одеяло в сторону и указал на рисунок, который сильно изменился. Теперь при свете луны он больше походил на пейзаж.

– Все ясно, отец, – сказал Мавово деловым тоном. – Белый странник Догита не мертв. Он жив, но болен. Что-то случилось с его ногами, и он не может ходить. Возможно, сломана кость или его укусил дикий зверь. Он лежит в хижине, какие строят себе кафры, только вокруг нее идет веранда, похожая на крыльцо твоего дома. Стены хижины покрыты рисунками. Она находится далеко отсюда, где именно – я не знаю.

– Это все? – спросил я, так как он замолчал.

– Нет, не все. Догита поправляется. Он присоединится к нам в трудную минуту в стране, куда мы направляемся. Вот и все. Плата за это полкроны.

¹² Мф. 6: 34.

– Ты хочешь сказать, шиллинг? – уточнил я.

– Нет, отец мой Макумазан. Шиллинг платят простые зулусы за предсказание будущего. А за гадание для белых людей, в котором искусны лишь великие колдуны вроде Мавово, надо платить полкроны.

Я протянул ему полкроны и сказал:

– Слушай, дружище Мавово. Я считаю тебя хорошим охотником и бойцом, а вот в гадании ты, по-моему, привираешь. Я убежден в этом, и если Догита присоединится к нам в той стране, куда мы направляемся, да еще в трудную минуту, я подарю тебе свою двустволку, которая тебе так нравится.

В кои-то веки на изуродованном лице Мавово появилась улыбка.

– Тогда дай мне ружье сейчас, баба́, – сказал он, – ибо я его уже заработал. Моя змея не лжет, особенно за полкроны.

Я отрицательно покачал головой и отказал ему учтиво, но твердо.

– Эх, – сказал Мавово, – вы, белые люди, очень умны, вы думаете, что все знаете. Но это не так. От большой учености забываются древние знания. Тысячу тысяч лет назад, когда твоя змея жила в теле черного дикаря вроде меня, ты мог делать и делал то, что делаю я. Сейчас же ты только усмехаешься и говоришь: «Мавово, храбрый в битве, великий охотник, верный человек, становится лжецом, когда дует на обожженные перья или читает письма ветра на пепле».

– Я не утверждаю, что ты лжешь, Мавово, но говорю, что ты обманут собственным воображением. Человек не может знать того, что от него скрыто.

– Разве это так, о Макумазан, о Бодрствующий в ночи? Разве я, Мавово, ученик Зикали, Открывателя дорог, величайшего из колдунов, в самом деле обманут своим воображением? Разве нет у человека других глаз, кроме тех, которые на лице, чтобы видеть скрытое? Но ты так думаешь, а нам, туземцам, известно, что ты очень мудр. С чего бы мне, бедному зулусу, видеть то, чего не видишь ты? Завтра ты получишь тревожные вести с корабля, на котором мы должны отплыть: там беда, и тебя немедленно призовут на борт, тогда вспомни о нашем разговоре и о том, дано ли человеку видеть скрытое от него во мраке будущего. Ох, ружье твое уже принадлежит мне, хотя ты не хочешь дать его мне сейчас. За то, что ты, Макумазан, считаешь меня обманщиком, я никогда не буду ни дуть на перья, ни читать письма ветра на пепле для тебя и для всех, кто ест твой хлеб!

Мавово встал, сделал правой рукой прощальный жест, собрал деньги, мешок с лекарствами и удалился в свою хижину на ночлег.

На обратном пути в дом мы встретили старого хромого Джека.

– Баас, – сказал он, – белый вождь Вацела велел передать, что они с поваром Сэмом отправляются на корабль присмотреть за багажом. Сэм только что приходил и увел Вацелу. Сказал, что объяснит все завтра.

Я кивнул и вошел в дом, удивляясь, почему Стивен столь внезапно решил провести ночь на борту «Марии».

Глава V

Работорговец Хасан

Следующим утром, часа через два после рассвета, меня разбудил стук в дверь. Джек крикнул, что повар Сэм желает со мной поговорить.

«Как Сэм попал сюда? Он же на шхуне ночует?» – удивленно подумал я и велел Джеку впустить его. Сэм вырос в Кейптауне, в его жилах текла смешанная кровь. По-моему, среди его предков были малайцы, индийские кули, белые и, возможно, но я не уверен, готтентоты. В результате получился человек, обладающий многочисленными достоинствами и почти лишенный пороков. Однако скажу сразу: таких трусов, как Сэм, я в жизни не видывал. Трусость у него врожденная, и, как ни странно, она не мешала ему попадать в опаснейшие ситуации. Сэм прекрасно понимал, что ожидает нас в предстоящей экспедиции: зная его слабость, я все ему объяснил. Тем не менее он умолял взять его с собой. Может, причина тому – наша взаимная привязанность, такая же, как у нас с Хансом. За несколько лет до этого я выручил Сэма из большой беды, отказавшись свидетельствовать против него. Не стану вдаваться в подробности, скажу только, что исчезла некоторая сумма денег, доверенных Сэму. Следует заметить, что в то время Сэм был помолвлен с цветной леди, любившей дорогие удовольствия. Впрочем, он на ней так и не женился.

Когда я тяжело заболел, Сэм преданно ухаживал за мной. Тогда и возникла привязанность, о которой я упоминал.

Сэм – сын туземного миссионера, воспитанный, по его собственным словам, на Слове Божьем. Прекрасно образованный для человека своего класса, он владел несколькими туземными диалектами, которые выучил во время своей разнообразной деятельности, и великолепно говорил по-английски, хотя и самым напыщенным слогом. Он не употреблял коротких фраз, если длинная имела под рукой, точнее, вертелась на языке. Несколько лет Сэм учительствовал в кейптаунской школе для цветных. Свою «специальность» он называл «Английский язык и литература».

Не то Сэма утомила служба, не то его уволили, но он перебрался на острова Занзибара, где использовал свои лингвистические способности для изучения арабского и стал управляющим или шеф-поваром в отеле. Спустя несколько лет Сэм лишился этого места и снова появился в Дурбане – как он выразился, «на иной позиции». Здесь он снова встретился со мной, незадолго до начала экспедиции в страну понго.

Учтивый, искренне верующий, Сэм, как мне кажется, был баптистом. Невысокий смуглый денди неопределенного возраста, он носил аккуратнейший пробор и отличался исключительной опрятностью.

Я взял Сэма на службу не только потому, что он попал в беду. Он отлично готовил, прекрасно ухаживал за больными и, повторяю, был искренне привязан ко мне. Кроме того, он умел меня развлечь, а в длительных путешествиях это чего-нибудь да стоит.

Таков, в общих чертах, был Сэм.

Когда он вошел в комнату, я увидел, что на нем совершенно мокрое платье. Я спросил: не идет ли дождь или, быть может, он напился и уснул на сырой траве?

– Нет, мистер Квотермейн, – ответил Сэм, – погода стоит превосходная, а что касается спиртных напитков, то я, подобно бедному готтентоту Хансу, дал себе слово не прикасаться к ним. В этом мы сходимся с ним, хотя мало похожи друг на друга.

– В чем же дело? – прервал я поток его красноречия.

– Сэр, не все обстоит благополучно на корабле.

Я вспомнил слова Мавово и вздрогнул.

– Я ночевал там в обществе мистера Сомерса, по его настоятельной просьбе.

На самом деле было наоборот.

– Сегодня перед рассветом португальский шкипер и его арабы, думая, что мы спим, тайком начали поднимать якорь и паруса. Мы вышли из каюты. Мистер Сомерс уселся на кабестан¹³ с револьвером в руке и сказал... Сэр, я не могу повторить его слова.

– Ну хорошо. А дальше что?

– Потом, сэр, поднялась большая суматоха. Португалец и арабы грозили мистеру Сомерсу, но он продолжал сидеть на кабестане с твердостью скалы среди бурного потока. Он сказал, что уложит любого, кто попробует коснуться кабестана. Что произошло дальше, я не знаю. Я стоял у фальшборта, и кто-то толкнул меня в воду. Я, будучи, к счастью, хорошим пловцом, добрался до берега и поспешил сюда, чтобы известить вас об этом.

– А ты кого-нибудь еще известил, идиот?! – крикнул я.

– Да, сэр. По дороге я сообщил портовому офицеру, что на «Марии» творятся серьезные беспорядки, с чем ему следует разобраться.

Я уже оделся и позвал Мавово и охотников. Явились они быстро: наряд их состоит из набедренной повязки и накидки, так что много времени на сборы не нужно.

– Мавово, – начал я, – на корабле беда...

– О баба, – прервал он меня, и его губы шевельнулись в подобии улыбки, – ты не пове-ришь, но сегодня мне приснилось, как я говорю тебе...

– Да черт с твоими снами! – не вытерпел я. – Собери людей и беги... Нет, стой! Сейчас либо уже поздно, либо на корабле все уладилось. Готовь охотников, я пойду вместе с вами. Багаж переправим потом.

Менее чем через час мы были на набережной, недалеко от верфи, на которой стояла «Мария». Теперь там великолепный Дурбанский порт, но в прежние времена портовые сооружения удивляли примитивностью. Странное же сборище представляли мы! Впереди шел я, одетый более или менее прилично, следом ковылял Ханс, в грязной широкополой шляпе и засаленных вельветовых брюках, затем напوماженный Сэм, в европейском костюме, при котелке и ярко-синем галстуке в красную полоску. Он выглядел бы щеголевато, если бы не недавнее купание. За ним шагал суровый Мавово с отрядом охотников. На голове у каждого красовалось исикоко, черное восковое кольцо, прикрепленное к коротким волосам. Вид у туземцев был весьма свирепый. По новому закону они не имели права появляться в городе вооруженными, поэтому мы уже отправили на «Марию» ружья и копья, которые обернули циновками, а их широкие наконечники обмотали сухой травой.

Каждый охотник держал в руках дубину из красного дерева. Шли они по-военному, по четыре в ряд. Правда, едва мы сели в большую лодку, чтобы переправиться на корабль, их воинственный пыл испарился: эти люди, бесстрашные на суше, панически боялись незнакомой им стихии – воды.

Мы достигли «Марии», шхуны совершенно непримечательной, и взобрались на палубу. Первым я увидел Стивена Сомерса, который, как и рассказывал Сэм, сидел на кабестане с пистолетом в руке. Рядом, опираясь на фальшборт, стоял португалец Дельгадо, – похоже, он пребывал в сквернейшем настроении. Окружали его матросы-арабы такой же подозрительной наружности, как и он, одетые в грязное белое платье. Тут находился и начальник порта Като. Этот знаменитый и уважаемый джентльмен, подобно мне, отличался невысоким ростом и, как и я, пережил множество приключений.

Мистер Като сидел около люка со своей свитой и курил, не спуская глаз со Стивена и португальца.

– Приветствую вас, Квотермейн, – сказал он. – Я тоже только что прибыл сюда. Тут что-то стряслось, но я не говорю по-португальски, а джентльмен на кабестане ничего не объясняет.

¹³ Кабестан – ворот или шпиль для подъема якоря.

– В чем дело, Стивен? – спросил я, пожав руку мистеру Като.

– В чем дело? – повторил Сомерс. – Этот человек, – он указал на Дельгадо, – хотел улизнуть в море со всем нашим багажом. Без сомнения, нас с Сэмом выбросили бы за борт, едва земля скрылась бы из виду. Но Сэм знает португальский, он подслушал их разговор, разобрался в их подлом плане, и я, как видите, нашел контраргументы.

Первым я увидел Стивена Сомерса, который, как и рассказывал Сэм, сидел на кабестане с пистолетом в руке.

Дельгадо попросили объясниться, и он, как я и думал, заявил, что хотел лишь подвести судно ближе к берегу и ждать нас там. Он, конечно, лгал и понимал, что нам ясны его намерения: скрыться с нашим добром и продать его, а Стивена и беднягу повара убить или высадить на необитаемый остров. Но где взять доказательства? Мы же были в большинстве, могли постоять за себя и защитить свое имущество, так к чему спорить? Я с улыбкой выслушал рассказы Дельгадо и пригласил всех пропустить по рюмочке.

Потом Стивен доложил мне, что, когда я накануне вечером разговаривал с Мавово, Сэм, стороживший багаж на судне, прислал весточку с просьбой дать ему кого-нибудь в подмогу. Стивен знал, сколь боязлив наш повар, и, к счастью, сразу решил отправиться на «Марию» и заночевать там. Дальше все было так, как поведал мне Сэм, только за борт его не выбрасывали – он спрыгнул сам, когда столкновение с Дельгадо стало неизбежным.

– Вполне понятно, – проговорил я. – Все хорошо, что хорошо кончается. Счастье, что вы решили заночевать на шхуне.

Далее все пошло спокойно. Я послал нескольких кафров в сопровождении Стивена за остальным багажом, который был благополучно доставлен на борт «Марии». Вечером мы отплыли. До Килвы добрались прекрасно. Бриз гнал нас по морю, такому спокойному, что даже Ханс, по моему мнению, худший моряк на свете, и зулусские охотники не чувствовали тошноты, хотя, как выразился Сэм, «отвергали пищу».

Не то на пятый, не то на седьмой день нашего путешествия мы пришвартовались у острова Килва, недалеко от старого португальского форта. Дельгадо, с которым в пути мы почти

не общались, подал какой-то сигнал. В ответ на него пришла лодка с пассажирами, – по словам Дельгадо, это были портовые чиновники. Они оказались бандой напористых черных головорезов под предводительством немолодого рябого полукровки. Дельгадо представил его как бея Хасана бен Магомета. Что мистер Хасан бен Магомет категорически против нашего присутствия на судне и особенно предполагаемой нами высадки в Килве, я понял, едва увидев его неприятное лицо. Кратко переговорив с Дельгадо, он выступил вперед и обратился ко мне на арабском языке, которым я совершенно не владею. К счастью, наш Сэм, блестящий лингвист, как я уже упоминал, неплохо понимал по-арабски, вероятно научившись языку во время службы в занзибарском отеле. Не доверяя Дельгадо, я попросил Сэма быть переводчиком.

– Сэм, о чем он речь ведет? – спросил я.

Повар поговорил с Хасаном и сказал:

– Сэр, Хасан вас нахваливает, мол, он слышал от своего друга Дельгадо много хорошего. Кроме того, вы и мистер Сомерс – англичане, а эту нацию он очень любит.

– В самом деле? – воскликнул я. – А по виду и не скажешь. Поблагодари его за любезность и передай, что мы намерены здесь высадиться и отправиться вглубь страны на охоту.

Сэм повиновался, и наш разговор продолжился в таком духе:

Хасан. Я убедительно прошу вас не сходить на берег. Эти края – неподходящее место для таких благородных джентльменов. Здесь нечего есть, а дичи нет уже много лет. Тут обитают дикари, которых голод довел до каннибализма. Ваша кровь будет на моей совести. Умоляю вас отправиться на этом корабле в бухту Делагоа, где есть хорошие отели, или в какое-нибудь другое место.

Аллан Квотермейн. Позвольте поинтересоваться, какое положение вы, сэр, занимаете в Килве, раз так заботитесь о нашей безопасности?

Х. Досточтимый английский лорд, я португальский торговец, но воспитывался среди магометан, ибо моя мать – арабка высокого происхождения. На материке у меня сады, где работают слуги-туземцы, которые мне как родные дети. Я выращиваю пальмы, маниоку, земляные орехи, смоквы и прочее. Все местные племена считают меня вождем и почитают как отца.

А. К. В таком случае, благородный Хасан, ты можешь допустить нас на остров, ведь мы мирные охотники, вреда никому не желаем.

Хасан долго совещался с Дельгадо, а я тем временем велел Мавово вывести на палубу наших зулусов с ружьями.

Х. Досточтимый английский лорд, я не могу позволить вам высадиться.

А. К. Благородный сын пророка, завтра утром я намерен сойти на берег со своим другом, спутниками, с ослами и всем багажом. Я буду рад заручиться твоим позволением. Если же нет... – Я посмотрел на грозную группу охотников, стоявших позади меня.

Х. Досточтимый английский лорд, мне будет крайне неприятно применять силу, но позволь сообщить, что в моей мирной деревне найдется по крайней мере сотня стрелков с ружьями, меж тем как вас – меньше двадцати человек.

А. К. (*после некоторого размышления и переговоров со Стивеном Сомерсом*). Подскажи, о благородный господин, не видать ли из твоей мирной деревни английских солдат с военного корабля «Крокодил»? Он занимается поимкой дау¹⁴, принадлежащих подлым работорговцам. Я получил письмо от его капитана. Он должен был прибыть в эти воды еще вчера, но, по всей вероятности, запоздает дня на два.

Пожалуй, если бы в ногах у почтенного Хасана взорвалась бомба, был бы не меньший эффект. Лицо бея, вместо того чтобы побледнеть, стало ужасно желтым, и он воскликнул:

¹⁴ Дау – арабское одномачтовое судно с косым треугольным парусом.

– Английское военное судно «Крокодил»! Я думал, он ремонтируется в Адене¹⁵ и на Занзибар вернется не раньше чем через четыре месяца.

А. К. Тебя дезинформировали, о благородный Хасан. «Крокодил» не будет ремонтироваться до октября. Прочешь тебе письмо? – Я вынул из кармана лист бумаги. – Оно тебя заинтересует, ведь мой друг капитан – его зовут Флауэрс, помнишь? – упоминает твое имя. Он пишет...

Хасан махнул рукой:

– Довольно. Вижу, досточтимый лорд, что ты человек решительный, от задуманного не откажешься. Во имя Аллаха милостивого и милосердного, высаживайся на берег и иди куда пожелаешь.

А. К. Я лучше подожду прихода «Крокодила».

Х. Нет-нет, высаживайся на берег. Капитан Дельгадо, вели грузить багаж в лодку. Моя лодка тоже к услугам этих лордов. Тебе, капитан, стоит уйти отсюда с вечерним отливом. Еще светло, лорд Квотермейн, и я буду счастлив оказать тебе скромный прием.

А. К. Бей Хасан, так ты шутил, настойчиво отправляя меня в другое место? Превосходная шутка для человека, славящегося гостеприимством. Отлично, мы исполним твое желание и высадимся на берег сегодня же вечером. Если капитан Дельгадо случайно увидит военный корабль «Крокодил», не соблаговолит ли он дать нам сигнал ракетой?

– Конечно, конечно, – заторопился Дельгадо, прежде притворявшийся, что не понимает английского языка, на котором я говорил с Сэмом.

Он отвернулся и отдал приказание своим арабам-матросам перенести поклажу из трюма в лодку. Никогда я не видел столь быстрой погрузки. Через полчаса на шхуне не осталось наших вещей. Стивен Сомерс наблюдал за их переноской. Наш личный багаж погрузили в шлюпку с «Марии», остальной как попало свалили на плоскодонную баржу Хасана, сверху поставили четырех ослов. На этой барже поместился я с половиной наших людей, остальные под командой Стивена заняли места в меньшей лодке.

Наконец все было готово, и мы отчалили.

– Прощайте, капитан, – крикнул я Дельгадо, – если встретите «Крокодил»...

Тут Дельгадо разразился таким потоком брани на португальском, арабском и английском, что, боюсь, не услышал конец моей фразы. Пока мы плыли к берегу, я заметил, что Ханс, сидящий рядом со мной и ослами, по-собачьи обнюхивает борта и дно баржи. Я спросил его, в чем дело.

– Странный запах у этой лодки, – прошептал он по-голландски, – она пахнет кафрами так же, как и трюм «Марии». Думаю, на этой лодке перевозили невольников.

– Сиди мирно и перестань обнюхивать борта, – велел я, подумав при этом, что Ханс прав: очевидно, мы попали в гнездо работорговцев и Хасан их предводитель.

Мы плыли мимо острова, на котором я углядел развалины старого португальского форта и несколько длинных хижин, крытых соломой, где, должно быть, держали невольников до продажи. Перехватив мой пристальный взгляд, Хасан поспешно объяснил мне через Сэма, что это склады, где он сушит рыбу и шкуры, а также хранит товар.

– Как интересно! – воскликнул я. – А мы сушим шкуры на солнце...

По узкому каналу мы доплыли до убогой пристани и сошли на берег. Оттуда Хасан повел нас не в деревню, которая теперь оказалась слева, а к красивому, хоть и ветхому дому, стоявшему ярдах в ста от берега. Глядя на тот дом, почему-то казалось, что его строили не работорговцы. Веранда и сад указывали на хороший вкус и цивилизованность строителей. Судя по всему, здесь жили культурные люди. Дальше я увидел заброшенную апельсиновую рощу в

¹⁵ Адена – порт в Аравийском море, на Аравийском полуострове, в те времена – опорная военно-морская база Великобритании в Индийском океане.

окружении старых пальм, а недалеко – развалины церкви. То, что это церковь, не вызвало сомнений, так как тут же стояла небольшая часовня, увенчанная каменным крестом. Под крышей висел колокол, некогда призывавший к молитве.

– Передай английскому лорду, – сказал Хасан Сэму, – что это постройки христианской миссии, покинутые более двадцати лет назад. Ко времени моего приезда тут уже никого не было.

– Вот как! – воскликнул я. – Кто же здесь жил?

– Я не знаю, – ответил Хасан. – Эти люди ушли задолго до моего появления.

В течение следующего часа мы занимались багажом, который был выгружен в саду. Для охотников я велел поставить две палатки перед окнами комнат, предназначенных для нас. Эти комнаты были замечательны в своем роде. Моя, должно быть, раньше служила гостиной, судя по разбитой мебели, по-видимому, американского производства. Комната, занятая Стивеном, некогда была спальней, так как в ней стояла железная кровать. Кроме того, тут на полу валялись книжные полки и несколько разодранных книг. Впрочем, одна из них, «Христианский год» преподобного Джона Кебла, хорошо сохранилась, вероятно, потому, что белым муравьям и подобным им существам не понравился вкус ее сафьянового переплета. На титульном листе было написано: «Дорогой Лизбет в день рождения от мужа». Я осмелился спрятать эту книгу в карман. На стене висел небольшой акварельный портрет очень красивой молодой женщины, светловолосой и голубоглазой. В углу портрета тем же почерком, что и в книге, было написано: «Лизбет в возрасте двадцати лет». Портрет я тоже взял себе, решив, что со временем он пригодится как вещественное доказательство.

– Сдается мне, Квотермейн, что обитатели покинули свое жилище в большой спешке, – сказал Стивен.

– Верно, мой мальчик. Хотя, может, они не покинули его. Не исключено, что они остались здесь...

– Убитыми?

Я кивнул и продолжил:

– По-моему, нашему приятелю Хасану кое-что об этом известно. Давайте осмотрим церковь, пока светло, да и ужин еще не готов.

Через пальмы и апельсиновую рощу мы прошли к возвышению, на котором стоял храм. Построили его из камня, похожего на коралловый. Как стало ясно с первого взгляда, церковь была опустошена пожаром – цвет стен красноречиво говорил об этом. Внутри здание поросло кустарником и вьюном; с остатков каменного алтаря скользнула мерзкая желтая змея. Снаружи полуразрушенная стена окружала погост, но могил не было видно. Зато недалеко от ворот высился неровный холмик.

– Если разрыть эту насыпь, – сказал я, – мы найдем кости тех, кто здесь жил. Стивен, о чем вам это говорит?

– Только о том, что их убили, – ответил Сомерс.

– Вам нужно научиться делать выводы. Это ценнейший навык, тем более в Африке. Если вы правы, то, полагаю, убийство совершено не туземцами, которые никогда не утруждают себя погребением мертвых. Это могли сделать арабы, особенно если среди них затесались полукровки-португальцы, именующие себя христианами. В любом случае произошло это давно. – Я кивнул в сторону росших на насыпи деревьев, которым было не менее двадцати лет.

Мы вернулись в дом, где нас ждал ужин. Хасан приглашал нас за свой стол, но я, по понятной причине, предпочел, чтобы еду готовил Сэм, и предложил бею отужинать с нами. Тот рассыпался в любезностях, хотя в глазах его горели ненависть и подозрение. Мы принялись за жаркое из козленка, купленного у Хасана, так как подарков от этого человека я не желал. Пили мы джин, разбавленный водой, которую я, опасаясь отравления, велел Хансу набрать из источника, протекавшего недалеко от дома.

Поначалу Хасан, как подобает доброму магометанину, отказывался от спиртного, потом дал слабину, и я налил ему хорошую порцию. Как говорится, аппетит приходит во время еды. Выражение это вполне применимо и к выпивке, по крайней мере в отношении Хасана. Он, видимо, полагал, что количество выпитого алкоголя не увеличивает тяжести греха. После третьей порции джина бей стал чрезвычайно любезен и болтлив. Я решил использовать удобный момент – послал за Сэмом и передал Хасану, что нам нужно нанять двадцать носильщиков для багажа. Хасан объявил, что носильщиков здесь за сотню миль не сыщешь, а я в ответ подлил ему джина. В конце концов мне удалось сговориться с ним (не помню, за какую сумму), и он обещал найти двадцать человек, которые останутся при нас столько времени, сколько понадобится.

Потом я расспросил Хасана о разрушенной миссии, но ничего не добился, невзирая на то что бей изрядно выпил. Он обмолвился лишь о том, что двадцать лет назад свирепый народ мазиту напал на побережье и перебил всех, кто здесь жил, за исключением белого человека и его жены. Они бежали вглубь острова, и с тех пор о них ничего не слышно.

– Сколько человек похоронено у церкви? – быстро спросил я.

– Кто сказал, что там есть могила? – отозвался Хасан, вздрогнув, но почувствовал свою ошибку и продолжил: – Я не понимаю, о чем ты толкуешь. Я никогда не слышал, что там кто-нибудь похоронен. Спите спокойно, досточтимые лорды. Я должен пойти присмотреть за погрузкой товара на «Марию».

Он встал, низко поклонился и вышел, точнее, выкатился из столовой.

– Итак, «Мария» стоит неподалеку, – сказал я и по-особому свистнул.

Тотчас же в столовую проскользнул Ханс: свист был для него условным знаком.

– Ханс, на острове я слышал подозрительные звуки, – начал я. – Прoberись к берегу и посмотри, что там происходит. Если будешь осторожен, тебя никто не заметит.

– О баас, – готтентот оскалился, – если Ханс будет осторожен, никто не увидит его, особенно ночью.

С этими словами он покинул комнату так же тихо, как и вошел. Я отправился к Мавово, приказал ему поставить караульных и проследить, чтобы наши люди держали свои ружья наготове, так как опасался ночной атаки работорговцев. В этом случае зулусам было велено занять оборону на веранде, но не стрелять до тех пор, пока я не скаманую.

– Хорошо, отец мой, – ответил Мавово. – Наше путешествие очень удачное. Я никогда не думал, что война начнется так скоро. Моя змея забыла сказать об этом в тот вечер. Спи спокойно, Макумазан. Ни одно существо, которое ходит на ногах, не проберется к тебе, пока мы живы.

– Не будь так самонадеян, – буркнул я.

Мы легли в спальне не раздеваясь и положили ружья возле себя.

Дальше я помню, как кто-то потряс меня за плечо. Я думал, это Стивен, который согласился бодрствовать первую половину ночи и обещал разбудить меня ровно в час. Он впрямь не спал, так как во тьме светился огонек его трубки.

– Баас, – раздался шепот Ханса, – я все разузнал. Большая лодка действительно перевозит невольников на «Марию».

– Ясно, – проговорил я. – Но как ты сюда пробрался? Разве наши охотники спят?

Ханс захихикал:

– Нет, они не спят. Они смотрят во все глаза и слушают во все уши. Однако старый Ханс проскользнул мимо них. Даже баас Сомерс его не заметил.

– Верно, – отозвался Стивен. – Я думал, это крыса.

Я вышел на веранду и при свете костра, разведенного охотниками, увидел Мавово, сидящего с ружьем на коленях, и позади него двух часовых. Я позвал его и указал на Ханса.

– Какие вы сторожа, если Ханс прямо через вас перешагнул и пробрался ко мне в комнату! – возмутился я.

Мавово глянул на готтентота, ощупал его одежду, обувь и убедился, что они влажны от росы.

– О! – угрюмо вскричал Мавово. – Я сказал, что ни одно живое существо, которое ходит на ногах, не проберется к тебе, Макумазан. Но эта желтая змея проползла мимо нас на брюхе. Посмотри на свежую грязь, которая облепила его платье.

– Да, но змеи могут жалить и убивать, – с усмешкой заметил Ханс. – Вы, зулусы, считаете себя очень храбрыми! Вы кричите, размахиваете копьями и боевыми топорами. Но все же одна бедная готтентотская собака стоит целого вооруженного отряда зулу. Нет, не пытайся ударить меня, воинственный Мавово! Мы оба, каждый по-своему, служим одному и тому же господину. Твое дело – сражение, а разведку предоставь Хансу. Взгляни-ка, Мавово... – Он показал роговую табакерку, из тех, что зулусы носят в ушах. – Чья она?

– Это моя табакерка, – признался Мавово. – Ты украл ее!

– Да, – насмешливо сказал Ханс, – я вытащил ее у тебя из уха, когда в темноте пробирался мимо. Помнишь, вокруг тебя кружил комар и укусил в лицо?

– Помню, – проворчал Мавово. – Ты, готтентотская змея, велик в своем низком искусстве. Учти, в следующий раз от мошки я отмахнусь не рукой, а копьём.

После этого я отпустил обоих, заметив Стивену, что этот случай – отличный пример извечной борьбы между храбростью и хитростью. Теперь я не сомневался, что Хасан и его друзья сильно заняты и этой ночью нас не тронут. Мы улеглись и заснули сном праведников.

Проснувшись на следующее утро, я увидел, что Стивен Сомерс уже встал и куда-то ушел. Вернулся он, когда я наполовину покончил с завтраком.

– Где вы были? – спросил я его, заметив, что его одежда изорвана и облеплена мокрым мхом.

– На верхушке самой высокой из здешних пальм, Квотермейн. Я видел, как один араб взбирался на дерево с помощью веревки, и заставил другого араба научить меня. Это совсем нетрудно, хотя и кажется опасным.

– Господи, но зачем... – начал я.

– Ради главного увлечения моей жизни, – перебил Сомерс. – В бинокль мне показалось, что я вижу орхидею – чуть ли не на верхушке дерева. Я взобрался на него. Оказалось, это была не орхидея, а масса желтой пыльцы. Но благодаря своим стараниям я кое-что выяснил. С верхушки пальмы я увидел, что «Мария» выходит в море из-за подветренной стороны острова. Вдали мелькнула струйка дыма, и в бинокль я различил нечто, удивительно похожее на военное судно, медленно идущее вдоль берега. Я убежден, что это английский корабль. Потом поднялся туман и скрыл все из виду.

– Господи, это наверняка «Крокодил»! – воскликнул я. – Не все, что я говорил Хасану, было ерундой. Мистер Като, начальник порта в Дурбане, упоминал, что в ближайшие две недели «Крокодил» должен зайти туда за припасами, после чего отправится вдоль побережья искать суда работорговцев. Забавно получится, если он случайно встретит «Марию» и экипаж осмотрит ее груз. Не правда ли?

– Они не встретятся, Квотермейн, если в ближайший час какой-нибудь из кораблей не изменит курса. Очень надеюсь, что изменит. Я не прощу этому мерзавцу Дельгадо попытки удрать с нашим багажом, не говоря уж о несчастных невольниках. Передайте мне кофе.

Следующие десять минут мы завтракали молча, так как Стивен обладал превосходным аппетитом и, кроме того, проголодался после утреннего лазания по деревьям.

Едва мы окончили завтрак, явился Хасан, показавшийся мне еще гнуснее вчерашнего. Держался он агрессивно, наверное, мучился похмельем после обильных возлияний. Или его поведение изменилось, потому что «Мария» ушла с невольниками благополучно и якобы неза-

метно для нас. Или же он намеревался убить нас прошлой ночью, но выполнить свой план не сумел.

Мы вежливо поздоровались с ним, а в ответ он без единого поклона грубо спросил через Сэма, когда «христианские собаки, оскверняющие его жилище», намерены убраться, так как дом нужен ему самому.

Я ответил, что мы уйдем не раньше, чем явятся двадцать носильщиков, которых он нам обещал.

– Вы лжете, – сказал он. – Я никогда вам их не обещал. Здесь нет никаких носильщиков.

– Ты хочешь сказать, что в прошлую ночь отправил их на «Марию» вместе с невольниками? – вкрадчиво спросил я.

Видели ли вы, о читатель, что творится с котом солидного возраста и угрюмого нрава, когда он внезапно встречает собачонку? Наблюдали ли вы, как он выгибается дугой, раздувается, становясь почти вдвое больше обычного, как ерошится его шерсть, сверкают глаза, а из пасти вырывается целый поток неприятных звуков? Если вы наблюдали такую картину, то легко можете представить, как повел себя Хасан в ответ на мое последнее замечание. Казалось, сейчас он лопнет от ярости. Он перекатился с носка на пятку, и налитые кровью глаза его едва не вылезли из орбит. Всячески проклиная нас, бей схватился за позолоченную рукоять своего огромного ножа и наконец сделал именно то, что делают коты, – зашипел, а затем плюнул.

Стивен, невозмутимо-насмешливый, стоял рядом, но чуть ближе к Хасану, чем я, и неожиданно остро отреагировал на грубую выходку. Воистину, он буквально взвился, проборотал что-то весьма энергичное, тигром бросился на Хасана и ударил его в нос. Хасан отшатнулся и выхватил нож, но Стивен левой рукой нанес бью удар в глаз, сбил с ног и заставил выронить нож, который я поспешно подхватил. Неблаговидный поступок был совершен, вмешиваться было поздно, и я удержал зулусов, прибежавших на шум.

Хасан встал и, к своей чести, двинулся на Стивена, низко опустив голову, – ответил на вызов, как и подобает мужчине. Он боднул легкого Сомерса в грудь, тот покатился кувырком, однако мигом вскочил, так что бей не успел воспользоваться ситуацией. Завязалась горячая схватка. Хасан дрался руками, ногами, головой, Стивен же пускал в ход только кулаки. Он уклонялся от атак араба, стремительно контратаковал, и вскоре от его хладнокровия и невозмутимости не осталось и следа. Раз – хуком в челюсть Хасан сбил его с ног, два – от удара Стивена араб полетел вверх тормашками. Зулусы заплодировали, а я от восторга буквально пустился в пляс. Хасан поднялся, выплюнул несколько зубов и, сменив тактику, схватил Стивена за пояс. Они закружились, как в танце, араб пинал Стивена и кусал, даром что передних зубов уже лишился. В какой-то момент он почти повалил противника, но «почти» не считается – араб схватил Сомерса за ворот и начал душить, однако ткань треснула, да еще в суматохе тюрбан съехал Хасану на глаза, на миг ослепив его.

Стивен вцепился в пояс Хасана левой рукой и принялся тузить его правой, да так немилосердно, что араб, осевший на землю, поднял вверх ладонь в знак капитуляции.

– Благородный английский лорд победил меня, – прохрипел он.

– Проси прощения! – закричал Стивен и зачерпнул горсть земли. – Не то заткну твою грязную глотку!

Видимо, Хасан понял его слова – он принялся низко кланяться и извиняться на все лады.

– Раз с этим закончили, как насчет носильщиков? – весело спросил я.

– Нет у меня никаких носильщиков, – буркнул бей.

– Ты мерзкий лгун! – воскликнул я. – Мой человек наведался к тебе в деревню и говорит, что там полно людей.

– Тогда пойд и набери их сам, – злобно ответил араб, так как знал, что деревня окружена частоколом.

Я не знал, что предпринять. Конечно, работорговца следовало бы проучить, но нам пришлось бы очень туго, вздумай он напасть на нас со своими арабами. Пристально глядя на меня уцелевшим глазом, Хасан, по-видимому, чувствовал мою растерянность.

– Меня избили, как собаку! – заревел он. Ярость вернулась к нему, когда восстановилось дыхание. – Но Аллах справедлив и милостив. Настанет день, и Он отомстит за меня!

Едва он так сказал, с моря раздался пушечный выстрел. В следующую минуту с берега прибежал араб, крича:

– Где бей Хасан?

– Вот, – ответил я, указывая на Хасана.

Во взгляде посланника мелькнуло удивление, поскольку бей Хасан выглядел довольно жалко. Затем араб испуганно пролепетал:

– Господин, английский военный корабль преследует «Марию».

Снова послышался пушечный выстрел. Хасан молча разинул рот, и я увидел, что у него осталось ровно три зуба.

– Это «Крокодил», – медленно произнес я, велел Сэму переводить мои слова. Потом вынул из кармана английский флаг, который положил туда, когда узнал о появлении корабля. – Стивен! – продолжал я, расправив флаг. – Если остались силы, не можете ли вы снова влезть на пальму и просигнализировать этим флагом «Крокодилу»?

– Ей-богу, великолепная идея! – воскликнул Стивен, и его веселое, хоть и распухшее лицо расплылось в улыбке. – Ханс, принеси мне длинную палку и кусок бечевки.

Хасану эта мысль великолепной не показалась.

– Английский лорд, – прохрипел он, снова тяжело задышав, – будут у тебя носильщики. Я их приведу.

– Нет, ты никуда не пойдешь, – заявил я. – Останешься здесь заложником. Отправь за носильщиками этого человека.

Хасан дал гонцу несколько коротких указаний, и тот поспешил прочь, к обнесенной частоколом деревне, что находилась справа от нас.

Вскоре после его ухода появился новый посланник и изумленно воззрился на своего господина.

– Бей – если я не ошибаюсь, обращаясь к тебе так, – неуверенно начал араб, ибо любезнейшая физиономия Хасана распухла и побагровела, – мы видели в подзорную трубу, что английский военный корабль выслал шлюпку и она пристала к «Марии».

– Всемогущий Аллах! – взволнованно пробормотал Хасан. – Этот вор и предатель Дельгадо расскажет всю правду. Английские дети шайтана здесь высадутся. Все погубло! Вели людям взять рабов и бежать в лес. То есть не рабов, а слуг... Я присоединюсь к ним.

– Нет, не присоединишься, во всяком случае не сейчас, – возразил я через Сэма. – Ты пойдешь вместе с нами.

Несчастный Хасан задумался, потом спросил:

– О лорд Квотермейн! – (Титул мне запомнился, потому что ближе к сословию пэров я не подбирался ни до, ни после того случая.) – Если я выделю вам двадцать носильщиков и несколько дней буду вас сопровождать, обещаешь ли ты не сигнализировать кораблю и не призывать соотечественников на этот остров?

– Что вы на это скажете? – обратился я к Сомерсу.

– По-моему, следует согласиться, – ответил он. – Этот негодяй уже получил хорошую трепку. Если же «Крокодил» высадит сюда солдат, то нашей экспедиции конец. Нас повезут на Занзибар или в другое место, чтобы мы выступили свидетелями в суде. Мы ничего не выиграем, ведь, пока моряки сюда плывут, все эти мерзавцы разбегутся, за исключением нашего приятеля Хасана. Еще вопрос, повесят ли его. Он может вывернуться. Международные законы, иностранный подданный, отсутствие прямых улик – ну, вы понимаете...

– Дайте мне минуту подумать, – сказал я.

Пока я думал, происходило следующее. Подчиненные Хасана пригнали к нам туземцев двадцать: очевидно, то были обещанные носильщики. Тем временем народ из деревни спешил укрыться в лесу. Прибежал третий посланник с сообщением, что «Мария» уходит, на борту распоряжается призовая команда, а военный корабль, по-видимому, собирается сопровождать судно. Очевидно, «Крокодил» не хотел высаживать солдат на территорию, которая, по крайней мере номинально, являлась португальской. Поэтому если что-либо и нужно было предпринять, то немедленно.

В результате я сделал глупость и последовал совету Стивена – проявил пассивность. Этот способ всегда самый легкий и ведет к самым серьезным проблемам. Через десять минут я передумал, но уже было поздно. «Крокодил» ушел далеко и не мог заметить нашего сигнала. Решение я изменил после разговора с Хансом.

– Я думаю, что баас совершил ошибку, – начал Ханс осторожно, как всегда. – Он забыл, что эти желтые дьяволы в белом платье могут вернуться и отомстить нам. Если бы английский корабль разрушил их поселение вместе с невольничьими хижинами, они ушли бы в другое место. Впрочем, – прибавил он, взглянув на избитого Хасана, – их предводитель у нас в руках. Давайте его повесим. Если баас желает, я могу это сделать. Я здорово умею вешать людей. В молодости я помогал кейптаунскому палачу.

– Убирайся вон! – рявкнул я, хотя понимал, что Ханс прав.

Глава VI

Невольничья дорога

Под конвоем пяти или шести арабов с ружьями явились двадцать носильщиков. Мы отправились посмотреть на них, взяв с собой Хасана и охотников. Это была толпа исхудалых запуганных людей, принадлежавших, судя по их внешнему виду и прическам, к разным племенам. Передав их нам, конвоиры (вернее, один из них) вступили в оживленный разговор с Хасаном. О чем они говорили, я не знаю: Сэма с нами не было. Тем не менее я догадался, что обсуждается план освобождения Хасана. Впрочем, в итоге от плана они отказались, и арабы поспешили прочь. Один из них, явно самый смелый, обернулся и выстрелил. Пуля просвистела мимо в нескольких ярдах от меня, так как стреляют арабы отвратительно. Я был весьма рассержен и решил не оставлять покушение безнаказанным. При мне было маленькое ружье Интомби, то самое, из которого, как напомнил мне Ханс, я много лет тому назад стрелял по грифам в краале Дингаана. Конечно, я мог бы убить араба, но мне не хотелось делать этого. Если бы я пальнул ему в ногу, нам пришлось бы либо ухаживать за ним, либо оставить его умирать. Поэтому я прицелился в правую руку. Убегающий араб вскинул ее, а я шагов с пятидесяти прострелил ему плечо.

– Этот низкий человек больше не возьмет в руки ружья, – объявил я зулусам.

– Хорошо, Макумазан, очень хорошо! – сказал Мавово. – Но почему ты не целился в голову, раз так здорово стреляешь? Эта пуля наполовину пропала.

После этого я вступил в переговоры с носильщиками. Бедняги думали, что они проданы новому хозяину. Поясню, что предназначались они не для продажи, а для работы в садах Хасана. Двое из них принадлежали к племени мазиту, родственному зулусам, хотя и отделившемуся от них много лет назад. Они говорили на наречии, которое я с грехом пополам понимал. Основу его составлял зулусский язык, смешанный с диалектами других племен, женщин которых мазиту брали себе в жены.

Один из носильщиков настолько хорошо говорил по-арабски, что Сэм мог с ним объясняться. Я спросил мазиту, знают ли они дорогу в их страну. Они ответили утвердительно, однако, по их словам, эти земли лежали очень далеко отсюда – в целом месяце пути. Я пообещал свободу и щедрую плату проводникам, коли таковые найдутся, а кроме того, поклялся отпустить и всех добросовестных носильщиков, когда в них не будет надобности. Услышав это, бедняги печально заулыбались, и кое-кто покосился на Хасана бен Магомета. Тот сидел на ящике под охраной Мавово и метал на нас свирепые взгляды.

«Разве стать нам свободными, пока жив этот человек?» – вопрошали глаза несчастных. Будто стремясь укрепить их сомнение, Хасан, понявший смысл моих слов, осведомился, по какому праву мы сулим свободу его рабам.

– Вот что дает мне такое право, – ответил я, указав на английский флаг, который Стивен все еще держал в руках. – Помимо того, мы заплатим тебе, когда вернемся обратно, соответственно тому, как они нам послужат.

– Да, – пробормотал он, – ты заплатишь мне, англичанин, когда вернешься или даже раньше!

Мы смогли выступить не раньше трех часов пополудни. Забот набралось столько, что разумнее было бы дожидаться утра. Но нам не хотелось проводить в этом месте еще одну ночь. Каждый носильщик получил по накидке – бедняг, совершенно лишенных одежды, наши дары сильно обрадовали. Багаж еще в Дурбане разложили по ящикам, и каждый весил столько, сколько мог унести один человек. Нам оченьгодились и животные – на четырех ослов навьючили по сто фунтов груза в непромокаемых кожаных мешках вместе с тыквенными бутылками и циновками, которые раздобыл Ханс. Вероятно, он украл циновки в брошенной деревне,

но мы в них нуждались, и я, скажу честно, промолчал. Мы взяли шесть или восемь коз, бродивших неподалеку, чтобы не голодать, пока не найдем дичь. За них я хотел заплатить Хасану, но когда вручил ему деньги, он в ярости швырнул их на землю. Я поднял их и с чистой совестью спрятал обратно в карман.

Наконец все было более или менее готово, и возник вопрос, что делать с Хасаном. Зулусы, равно как и Ханс, хотели убить его, что Сэм объяснил ему на превосходном арабском. Тогда этот жестокий человек раскрыл свою трусливую сущность – бросился на колени, плакал и взывал к нам во имя милостивого Аллаха, который, как уверял Хасан, на деле неотличим от Бога христиан. Это продолжалось до тех пор, пока уставший от чужой истерики Мавово не пригрозил Хасану дубинкой, после чего тот замолчал. Добродушный Стивен настаивал на том, чтобы отпустить Хасана, – такой вариант имел свои плюсы, ведь тогда мы, по крайней мере, избавились бы от его неприятного общества. Однако я поразмыслил и решил, что разумнее держать его в заложниках хоть пару дней, на случай если арабы последуют за нами и нападут на нас. Сперва Хасан упирался, но один из охотников показал ему ассегай, который стал неопровержимым доводом.

Наконец мы тронулись в путь. Впереди шел я с двумя проводниками, следом носильщики, за ними половина охотников, затем четыре осла под присмотром Ханса и Сэма, Хасан и остальные охотники, за исключением Мавово, замыкавшего процессию вместе со Стивеном. Разумеется, мы зарядили ружья и приготовились к любой случайности. Дорога, которую указали наши проводники, тянулась по берегу, а через несколько сотен ярдов сворачивала к деревне, где жил Хасан: старым миссионерским домом он, по-видимому, не пользовался. Когда огибали невысокую, высотой футов десять, скалу над глубоким каналом, ярдов пятьдесят шириной, отделявшим материк от острова, с которого невольников перевозили на «Марию», осла запрямили. Один сбросил поклажу, другой начал брыкаться с явным намерением кинуться в воду вместе с добром. Охотники из арьергарда бросились к нему, чтобы удержать. Вдруг раздался плеск.

«Осел свалился в канал!» – подумал я, но ошибся. Это Хасан воспользовался нашим замешательством и, будучи превосходным пловцом, прыгнул в воду. Ярдах в двадцати от берега он вынырнул, потом снова нырнул, направляясь к острову. Я, даже не целясь, мог бы попасть из ружья ему в голову, но как палить по человеку, спасающему свою жизнь, словно по гиппопотаму или по крокодилу?.. Более того, дерзкая выходка мне понравилась. Поэтому я не стал стрелять и удержал от этого других.

Когда наш бывший хозяин подплыл к острову, со скалистого берега спустились арабы, чтобы помочь беглецу выйти из воды. Либо они не покидали остров, либо снова заняли его, едва «Крокодил» скрылся из виду со своим трофеем. Чтобы снова захватить Хасана в плен, следовало организовать новую атаку на гарнизон острова, что было нам не по силам. Поэтому я приказал идти дальше. С ослами мои люди уже справились и мой приказ исполнили сразу.

Счастье, что мы не замешкались, ибо, едва наш караван двинулся дальше, арабы с острова открыли огонь. Но ни одна пуля не достигла цели, ведь вскоре мы повернули и оказались вне досягаемости выстрелов. Кроме того, арабы, по своему обыкновению, стреляли очень скверно. Впрочем, одна дробинка попала в тюк, навьюченный на осла, разбила бутылку хорошего бренди и повредила жестянку с консервированным маслом. Это так рассердило меня, что я, велев остальным продолжать путь, спрятался за дерево и ждал до тех пор, пока из-за скалы не показался грязный и изорванный тюрбан Хасана. Я прострелил этот тюрбан, но, к сожалению, не голову, на которой он был. Послав прощальный привет бею, я спустился со скалы и догнал спутников.

Теперь мы шли мимо деревни. Пересекать ее я не решился, опасаясь засады. Деревня оказалась большой, ее окружал крепкий палисад, а со стороны моря скрывали холмы. В центре стоял просторный дом в восточном стиле – несомненно, обитель Хасана и его гарема. Немного

погода я, к своему удивлению, увидел пламя, пробивавшееся сквозь пальмовые ветки на крыше этого дома. Я не мог понять, как это могло случиться, но когда пару дней спустя увидел у Ханса в ушах красивые золотые серьги, а на руке золотой браслет и выяснил, что он и один из охотников обладают изрядным количеством английских соверенов, в моей душе поселились сомнения... Со временем открылась правда. Ханс и охотник, оба горячие головы, проникли за ворота брошенной деревни, подобрались к дому Хасана, похитили из женской половины украшения и деньги, а на прощание подожгли дом – в отместку за разбитую бутылку бренди, как объяснил Ханс.

Я рассердился, но ведь арабы в нас стреляли, значит поступок Ханса не кража, а военное действие. В итоге я приказал ему и его товарищу поделиться золотом с остальными охотниками, которые якобы знать ничего не знали, и с Сэмом. Каждому досталось по восемь фунтов, что их очень обрадовало. Еще я выдал по фунту, точнее, добра на эту сумму каждому носильщику – им тоже полагалась доля.

Чувствовалось, что Хасан рачительный и умелый хозяин. Его сады были роскошны – безусловно, за счет рабского труда. Они поражали красотой и наверняка приносили бею хороший доход.

За садами начинался склон, поросший кустарником и вьюном. Идти было тяжело. Я очень обрадовался, когда на закате мы достигли гребня холма – очутились на открытой равнине, тянущейся до самого горизонта. В кустах на нас могли запросто напасть, а на открытом месте я боялся этого меньше, ведь арабы, прежде чем подавить нас численностью, понесли бы огромные потери. Лазутчики наверняка наблюдали за нами, однако время шло, а атаковать караван никто не спешил.

На ночлег мы расположились в удобном месте у ручья. Ночь выдалась такая дивная, что мы решили не ставить палатки. Впоследствии я сожалел, что мы не ушли дальше от воды, так как над болотами, прилегавшими к ручью, кружили мириады москитов, отравлявших нам существование. На бедного Стивена, непривычного к ним, они набросились с особенной яростью, и на следующее утро он, избитый Хасаном, а теперь и искусанный насекомыми, являл собой печальное зрелище. Кроме того, наш покой нарушался необходимостью выставлять стражу на тот случай, если арабы вздумают напасть среди ночи, а носильщики сбегут, похитив у нас багаж. Перед тем как они улеглись спать, я недвусмысленно объяснил им, что любого, кто попытается бежать, застрелят, зато оставшимся гарантировано хорошее обращение. Через двух мазиту они ответили, что бежать им некуда и у них нет желания снова попасть в руки Хасана, которого они вспоминали с содроганием, показывая на спины в шрамах и на шеи со следами невольничьих ошейников. Казалось, говорят они искренне, но уверенности, конечно, не было.

Следующим утром я проверил, все ли благополучно, не разбежались ли ослы, и вдруг сквозь легкий туман заметил ярдах в пятидесяти от лагеря белый предмет, который сначала принял за маленькую птичку, сидящую на тростинке. Я направился туда и увидел, что это не птица, а бумажный листок, вложенный в расщепленную на конце и воткнутую в землю палку – приспособление для туземной почты. Я развернул листок и с большим трудом прочел письмо, написанное на плохом португальском.

Английские шайтаны!

Не надейтесь, что избавились от меня. Я знаю, куда вы направляетесь, и если вы не погибнете в пути, то все равно умрете от моей руки. У меня три сотни вооруженных храбрцев, которые почитают Аллаха и жаждут крови христианских собак. Они последуют за вами, и если вы попадетесь мне живыми, то узнаете, что значит умереть от огня или от солнца, когда вас привяжут к муравейнику. Посмотрим, поможет ли вам тогда ваш воен-

ный корабль или ваш лжебог. Пропадите вы пропадом, белые разбойники, грабящие честных людей!

Сие приятное послание не было подписано, но разве трудно догадаться, кто его анонимный автор? Я показал письмо Стивену, и тот разозлился настолько, что случайно мазнул уголок глаза нашатырным спиртом, которым обрабатывал укусы. Сомерс промыл глаз, и, когда боль стихла, мы сочинили ответ.

Убийца, известный среди людей под именем Хасана бен Магомета!

Поистине мы совершили грех, не повесив тебя, когда ты был в нашей власти. Такой ошибки мы больше не сделаем. О волк, питающийся кровью невинных! Твоя смерть близка, и мы уверены, что ты примешь ее от наших рук. Приводи своих приспешников, когда пожелаешь. Чем больше их явится с тобой, тем лучше: мы уничтожим больше негодяев и сделаем мир чище.

До скорого свидания.

Аллан Квотермейн, Стивен Сомерс

– Превосходно, – похвалил я, перечитав письмо, – хоть и не по-христиански.

– Да, – ответил Стивен, – но не слишком ли хвастливо по тону? Вдруг этот господин явится к нам с тремя сотнями вооруженных людей?

– Так или иначе, дорогой мой, – ответил я, – мы одолеем его. Предчувствия у меня возникают редко, но сейчас кажется, что мистеру Хасану осталось недолго. Вот увидите караван невольников, тогда поймете, о чем я. Я этих людей знаю. Наше предсказание отлично действует Хасану на нервы и даст представление о том, что его ждет. Ханс, пойдись и вложи это письмо в расщепленную палку. За ним скоро явится почтальон.

Спустя несколько дней мы действительно увидели невольничий караван, принадлежавший благородному Хасану.

Мы следовали по красивой местности, направляясь на запад, вернее, на северо-запад. Земля здесь была плодородная, ухоженная, хорошо орошенная. Кустарник рос только по соседству с ручьями, более высокие участки оставались открытыми, кое-где виднелись деревья. Не вызывало сомнений, что еще недавно здесь жило много людей, ведь мы проходили мимо деревень, точнее, крупных поселений с большими рыночными площадями. Иные спалили, иные просто покинули, в иных остались старики, добывающие себе пропитание в заброшенных садах. Эти бедняги сидели на солнце, бурча себе под нос, или вяло работали на некогда плодородных полях, а при нашем приближении разбежались, так как думали, что вооруженные люди наверняка работорговцы.

Время от времени нам удавалось поймать кого-то из местных и с помощью членов нашего отряда узнать их историю. По сути, история не менялась. Арабы-работорговцы стравливали племена под тем или иным предлогом, вставали на сторону сильного племени и, разумеется, побеждали слабое. Стариков и младенцев убивали, а молодых мужчин, женщин и детей угоняли в рабство. По-видимому, все это началось лет двадцать назад, когда Хасан бен Магомет и его товарищи прибыли в Килву и заставили бежать миссионера.

Вначале ремесло Хасана шло как по маслу: живого товара хватало с избытком. Постепенно арабы истребили все окрестные общины – многих поубивали, уцелевших увезли на кораблях в неведомые страны. Тогда работорговцам пришлось двигаться вглубь страны и совершать свои набеги почти у самых границ земли великого народа мазиту, о котором я уже упоминал. По слухам, вскоре работорговцы собирались напасть на мазиту, рассчитывая одолеть их с помощью ружей и открыть новый, почти неисчерпаемый запас живого товара. Пока

они истребляли небольшие племена, которые могли спастись лишь тем, что прятались среди холмов, поросших непроходимым кустарником.

Тропа, по которой мы следовали, оказалась оживленной невольничьей дорогой. Это мы скоро поняли по множеству человеческих скелетов, усеявших высокую траву у обочины. На запястьях у некоторых остались тяжелые кандалы. Вероятно, кто-то из этих несчастных умер от истощения, а иные, судя по разбитому черепу, были убиты в пути.

На восьмой день мы набрали на следы невольничьего каравана. Он направлялся к берегу, но по той или иной причине повернул обратно. Возможно, его предводителей известили о приближении нашего отряда. Или же им сообщили о караване, шедшем из другого места, и караванщики решили соединиться с ним.

С такого следа не собьешься. Сперва мы увидели труп мальчика лет десяти. Потом – стервятников, пировавших останками двух юношей. Одного из них застрелили, другого зарубили топором. Неизвестно почему, но их тела кое-как спрятали в траву. Еще через две мили мы услышали плач ребенка и скоро нашли девочку лет четырех, хорошенькую, но похожую на живой скелет. При виде нас она уползла прочь на четвереньках, словно обезьяна. Стивен поспешил за ней, а я – за банкой консервированного молока из наших запасов. Сердце у меня было не на месте. Вдруг Стивен окликнул меня, он явно был напуган. Я побрел к нему через кусты, понимая, что он обнаружил нечто ужасное. Там сидела молодая женщина, привязанная к стволу дерева, очевидно мать девочки: малышка цеплялась за ее ногу.

Слава богу, женщина была еще жива, хотя, наверное, умерла бы на заре следующего дня. Мы освободили ее, и зулусские охотники (добрейшие люди, когда не воюют) перенесли ее в лагерь. Мать и ребенка мы спасли, хотя и с трудом. Я послал за двумя мазиту, с которыми теперь сносно объяснялся, и спросил, зачем работоторговцы так поступили.

Там сидела молодая женщина, привязанная к стволу дерева, очевидно мать девочки: малышка цеплялась за ее ногу.

Мазиту пожали плечами, и один из них ответил, криво усмехнувшись:

– Господин, эти арабы черны душою. Они убивают тех, кто не в силах идти дальше, или привязывают их к месту, обрекая на смерть. Если отпустить слабых, они могут окрепнуть и спастись. Свобода и счастье невольников – мука для арабов.

– Неужели? – гневно воскликнул Стивен, напомнив мне своего отца. – Неужели? При случае я покажу им, что такое мука!

Стивен, юноша добрый и мягкосердечный, в гневе становился неуправляем.

Через сорок восемь часов ему такой случай представился. В этот день мы рано разбили лагерь по двум причинам. Во-первых, спасенные женщина и дитя настолько ослабли, что не могли идти без отдыха, а нести их было некому. Во-вторых, мы нашли идеальное место для ночлега – покинутую деревню, через которую протекал ручей. Мы заняли несколько крайних хижин, огороженных забором, и благодаря Мавово, подстрелившему канну с подростком теленком, предвкушали отличную трапезу. Пока Сэм варил бульон для несчастной рабыни, а мы со Стивеном наблюдали за ним и курили трубки, в сломанных воротах бомы, или терновой ограды, показался Ханс и объявил, что приближаются два отряда арабов с многочисленными невольниками.

Мы выбежали посмотреть и увидели два каравана, которые уже входили в деревню с другого конца и устраивали стоянку на бывшей рыночной площади. За одним из караванов мы следовали, хотя последние несколько часов шли стороной, поскольку зрелища, подобные тем, что я описывал выше, были невыносимы. Он состоял приблизительно из двухсот пятидесяти невольников и сорока с лишним стражников с ружьями – судя по платью, в большинстве своем арабов или полукровок. Во втором караване, который подошел с другой стороны, было не более сотни невольников и двадцать-тридцать стражников.

– Давайте поужинаем, – предложил я, – ну а потом навестим этих джентльменов, покажем, что мы их не боимся. Ханс, возьми флаг и привяжи его к верхушке этого дерева. Пусть увидят, к какой нации мы принадлежим.

Мы подняли английский флаг и вскоре в бинокль увидели, как забежали работорговцы, а рабы изумленно уставились на развевающееся знамя и оживленно заговорили между собой. Вероятно, иные из невольников уже видели такие флаги в руках английских путешественников или слышали, что их поднимают на кораблях и на побережье. Что английский флаг значит для рабов, они тоже наверняка понимали. Или же они уловили смысл фраз, которыми перекидывались надсмотрщики. В любом случае рабы не сводили глаз с флага до тех пор, пока не прибежали арабы с шамбоками, то есть с кнутами из кожи бегемота, и хлесткими ударами не оборвали их разговоры.

Вначале я думал, что арабы снимутся с лагеря и уйдут. В самом деле, они начали готовиться к этому, но потом передумали, вероятно, потому, что обессилевшие невольники засветло не дошли бы до другого источника. В конце концов арабы остались и развели костры. Кроме того, я заметил, что они приняли меры предосторожности на случай нашего нападения – расставили часовых и велели невольникам окружить лагерь бomaми.

– Ну что, навестим соседей? – спросил Стивен, когда мы отужинали.

– Нет! – ответил я.

Поразмыслив, я решил, что лучше на рожон не лезть. Возможно, арабам уже известно, как мы поступили с их достойным хозяином, Хасаном, ведь он наверняка посылал к ним гонцов. Если пойдем к ним в лагерь, нас могут перебить без промедления. Или сначала примут как дорогих гостей, а потом отравят или перережут глотки. Лучше оставаться здесь и ждать, что будет дальше.

Стивен буркнул что-то относительно моей чрезмерной осторожности, но я пропустил его слова мимо ушей. Сделал я вот что: послал за Хансом и велел ему взять одного мазиту (обоими проводниками рисковать я не решился) и туземца из Хасановых рабов, смельчака, владевшего несколькими местными наречиями. Когда стемнеет, все трое должны были про-

браться в лагерь работорговцев, разведать как можно больше, а если удастся, подобраться к невольникам и объяснить, что мы им друзья.

Ханс кивнул – ему нравились именно такие задания – и занялся необходимыми приготовлениями.

Мы со Стивеном тоже не сидели без дела: укрепили ограду, развели большие сторожевые костры, расставили часовых.

Наступила ночь. Ханс и его товарищи отправились на разведку, бесшумные, как змеи. Тишина изредка нарушалась меланхоличным пением, сменявшимся ужасными криками, когда арабы хлестали кнутами бедных певцов. Один раз грянул выстрел.

– Они заметили Ханса, – сказал Стивен.

– Вряд ли, – ответил я. – В таком случае стреляли бы не один раз. Это либо случайный выстрел, либо арабы убили невольника.

Затем надолго воцарилась тишина, пока наконец не появился Ханс – он вырос как из-под земли. За ним я увидел мазиту и другого туземца.

– Ну рассказывай, – велел я.

– Дело ясное, баас. Арабам все известно. Хасан направил им приказ убить бааса. Хорошо, что баас не пошел к ним. Они собираются напасть завтра на заре, если мы не оставим эту деревню.

– А если оставим? – спросил я.

– Тогда, баас, они нападут, едва мы построимся или снимемся с места.

– Понятно. Еще что-нибудь скажешь, Ханс?

– Да, баас. Наши охотники подползли к невольникам и говорили с ними. Рабы очень грустны. Многие умирают от тоски, потому что каждого увели из дому и они не знают, куда их гонят. Я сам видел, как умерла одна женщина. Она разговаривала с подругами и казалась здоровой, только сильно усталой. Вдруг она громко объявила: «Я умираю, но сюда вернется мой дух, чтобы терзать этих демонов, пока они сами не сделаются духами». Потом она призвала бога своего племени, сложила руки на груди и пала мертвой. Только, – прибавил Ханс, задумчиво сплевывая на землю, – она не совсем упала, потому что ошейник удержал ее голову. Арабы сильно рассердились за то, что она прокляла их и умерла. Один из них пнул труп, потом в наказание застрелил ее больного сынишку. К счастью, тот араб не заметил нас, потому что мы были в темноте и далеко от огня.

– Еще что, Ханс?

– Мои спутники, баас, отдали свои ножи двум самым сильным невольникам, чтобы те перерезали путы себе и помогли освободиться другим. Но арабы могут найти эти ножи. Тогда мазиту и другой охотник лишатся их навсегда. Вот и все. Чуток табаку у бааса не найдется?

Ханс ушел, а я перевел его слова Сомерсу.

– Теперь у нас два варианта, – добавил я. – Либо немедленно сбежать от этих джентльменов – правда, тогда придется бросить на произвол судьбы женщину с ребенком, – либо остаться здесь и ждать нападения.

– Я никуда не уйду, – мрачно заявил Стивен. – Бросать женщину с ребенком подло. Было бы низостью покинуть эту несчастную женщину. Кроме того, в пути нам будет тяжелее. Ханс ведь говорит, что арабы следят за нами.

– Вы за то, чтобы ждать нападения?

– Есть третий выход, Квотермейн: напасть на них самим.

– Отличная мысль! – похвалил я. – Пошлем за Мавово.

Мавово пришел и сел перед нами. Я изложил ему суть дела.

– У моего народа есть обычай не ждать, пока нападут на тебя, а нападать самому. Впрочем, отец, на сей раз мое сердце против этого. Инблату говорит, что этих желтых собак шестьдесят и что все они вооружены винтовками. – (Мавово и другие кафры звали Ханса Инблату,

что означает «пятнистая змея» в переводе с зулусского.) – Между тем нас лишь пятнадцать, ибо на носильщиков полагаться нельзя. Кроме того, по словам Инблату, вражеский лагерь укреплен и охраняется часовыми. Поэтому трудно будет застигнуть их врасплох. Но мы, отец, тоже в укрепленном месте, нас тоже голыми руками не возьмешь. Кроме того, люди, которые войну не ведут, но мучат и убивают женщин и детей, наверняка трусы и не дадут достойный ответ хорошим стрелкам, если вообще ответят. Поэтому я говорю: «Подожди, пока буйвол либо нападет сам, либо убежит». Но окончательное слово не за мной, а за тобой, о мудрый Макумазан, Бодрствующий в ночи. Молви, о состарившийся в войнах, я повинуюсь тебе!

– Говоришь ты убедительно, – признал я. – Но я подумал: если арабы спрячутся за спины невольников, мы будем стрелять по этим беднягам, а не по врагам. Стивен, по-моему, над этим нужно как следует поразмыслить.

– Да, Квотермейн. Только я надеюсь, что Мавово неправ относительно того, что эти негодяи могут изменить свои намерения и удрать.

– Вы, молодой человек, становитесь слишком кровожадным для орхидиста, – заметил я, глядя на него. – Что касается меня, то я искренне надеюсь, что Мавово не ошибся. В противном случае нам придется нелегко.

– До сих пор я считал себя очень мирным, – ответил Стивен. – Но эти невольники, эта бедная женщина, которую привязали к дереву и обрекли на голодную смерть...

– Вынуждают брать промысел Божий в свои руки. Порыв вполне естественный, и в такой ситуации Всевышний не прогневается, – сказал я. – Однако, раз мы определились с планом действий, нужно претворить его в жизнь, чтобы, когда заглянут арабские джентльмены, встретить их готовым завтраком.

Глава VII

Натиск невольников

Мы подготовились как могли – постарались укрепить бому, а для света снаружи развели большие костры. После этого я указал каждому охотнику его пост, осмотрел ружья и удостоверился, что патронов достаточно. Потом я уговорил Стивена лечь спать, мол, я разбужу и он сменит нынешних стражников. Однако я не собирался этого делать: пусть выспится к своей первой битве.

Едва Стивен закрыл глаза, я сел на ящик и задумался. Сказать правду, тревожные мысли одолевали меня. Прежде всего, я не знал, как наши двадцать носильщиков поведут себя при перестрелке. Вдруг растеряются, начнут метаться? В таком случае я решил выпустить их за бому, ведь паника заразительна.

Куда больше меня беспокоила неудачная позиция нашего лагеря. Вокруг него росло много деревьев, которые послужат нападающим отличным прикрытием. Они спрячутся от наших пуль и в камышах у ручья. Но особенно меня пугал склон холма за лагерем: там и густая трава, и кустарник, и двухсотъярдовый подъем до гребня. Если арабы обойдут нас с этой стороны, то смогут стрелять прямо в бому и сделают из нее решето. При благоприятном ветре противники либо спалят лагерь, либо нападут под прикрытием дымовой завесы. Но, по особой милости Провидения, ничего такого не произошло. Сейчас объясню почему.

Если грядет ночная, вернее, предрассветная атака, последний темный час для меня всегда самый трудный. Как правило, к тому времени все, что нужно приготовить, уже готово, остается сидеть без дела, тело и воля слабеют. Все в человеке опускается к низшей точке, словно ртуть в термометре. Ночь умирает, день еще не родился. Вся природа под влиянием этого часа. Снятся дурные сны, просыпаются и плачут дети, вспоминаются безвозвратно ушедшие, мятежный дух рвется в глубины неведомого. Поэтому неудивительно, что для меня время тянулось невыносимо медленно. Чувствовалось, что утро близко. Спящие носильщики ворочались и бормотали во сне; лев перестал рычать и ушел в свое логово; где-то прокричал бдительный петух; ослы поднялись и начали теребить свою привязь. Однако было еще совсем темно. Ко мне подкрался Ханс. При свете сторожевого костра я отчетливо видел его морщинистое желтое лицо.

– Я чувствую приближение зари, – сказал он и исчез.

Из мрака проступила массивная фигура Мавово.

– Ночь прошла, о Бодрствующий в ночи, – сказал он. – Враг если появится, то скоро.

Он поклонился и тоже пропал в темноте. Вскоре я услышал скрежет взводимых курков и бряцание копий.

Я разбудил Стивена. Тот сел, зевая, пробормотал что-то про оранжереи, потом окончательно очнулся и сказал:

– Что, идут арабы? Мы наконец сражаемся! Здорово, старина, правда здорово?!

– Здорово, что вы такой глупец! – невпопад рявкнул я и ушел рассерженный.

Я очень беспокоился за этого неопытного юношу. Если со Стивеном случится беда, что я скажу его отцу? Впрочем, нас, вероятно, постигнет одинаковая участь. Вполне возможно, что через час нас обоих убьют. Я, конечно, не имел ни малейшего намерения сдаваться живым в руки гнусных работорговцев. Слова Хасана об огне и муравейниках слишком сильно меня впечатлили.

Через пять минут все были на ногах, хотя носильщиков пришлось будить пинками. Бедняги привыкли к тому, что смерть бродит неподалеку, и ее близость не могла нарушить их сон. Впрочем, сейчас я заметил, что они встревожены и перешептываются между собой.

– При малейших признаках измены убивай подстрекателей, – велел я Мавово, и тот кивнул, как всегда молча и серьезно.

Не разбудили мы лишь спасенную нами женщину и ее ребенка. Обессиленные, они спали в дальнем углу лагеря. Что толку их тревожить?

Сэм, которому было явно не по себе, принес нам со Стивеном по кружке кофе.

– Мистер Квотермейн, мистер Сомерс, наступил исключительно важный момент, – объявил Сэм, передавая нам кофе, и я заметил, что руки у него трясутся, а зубы стучат. – Холод стоит чрезвычайный! – продолжал он на своем канцелярском английском, объясняя симптомы, которые я не мог не заметить. – Мистер Квотермейн, вольно вам «в порыве и ярости» глотать землю и издалека чуют битву, как написано в Книге Иова, а я к сражениям не привык и отношусь к ним иначе. Мое желание – оказаться сейчас в Кейптауне, пусть даже в беленых стенах городской тюрьмы.

– Я тоже тебе этого желаю, – пробормотал я, с трудом удерживаясь, чтобы не дать ему хорошего пинка.

Но Стивен расхохотался и спросил его:

– Сэм, что же ты будешь делать, когда начнется сражение?

– Мистер Сомерс, я затратил несколько часов на копание ямы вон за тем деревом, которое, я надеюсь, защитит от пуль. В той яме я, будучи человеком мирным, стану молиться о нашей победе.

– А если арабы проникнут сюда, Сэм?

– Тогда, сэр, мне придется положиться на свое умение бегать.

Я больше не мог вытерпеть и пнул Сэма туда, куда целился. Тот мигом исчез, глянув на меня с укоризной.

Тут в лагере работарговцев, до сих пор чрезвычайно тихом, поднялся ужасный шум, и в этот самый миг первый отблеск зари заиграл на стволах наших ружей.

– Смотрите! – закричал я, моментально проглотив остатки кофе. – Там что-то происходит!

Шум нарастал, пока небо не заполнили дикие вопли и проклятия. Отчетливо слышались возгласы гнева и команды боевой тревоги, затем выстрелы, страдальческие стоны и топот.

Рассвело стремительно, что для этих широт не редкость. Еще минуты три – и сквозь серую дымку проступили десятки черных фигур, карабкавшихся вверх по склону по направлению к нам. У кого-то к спине было привязано полено, кто-то полз на четвереньках, кто-то тащил за руку ребенка – и каждый кричал во весь голос.

– Невольники атакуют нас, – сказал Стивен, хватая ружье.

– Не стреляйте! – крикнул я. – Думаю, что они вырвались на свободу и ищут у нас защиты.

Я оказался прав. Бедняги воспользовались двумя ножами, тайком переданными им нашими лазутчиками. За ночь рабы разрезали путы и теперь бежали под защиту англичан и английского флага. Приближались они ужасной толпой, многие так и не избавились от деревянных ошейников – не хватило времени, ведь арабы шли по пятам и стреляли. Опасность нам грозила серьезнейшая: если туземцы ворвутся в лагерь, то сметут его и оставят нас беззащитными перед пулями работарговцев.

– Ханс! – позвал я. – Возьми охотников, которые сопровождали тебя вчера, и попробуй провести невольников в обход лагеря. Торопись, торопись, не то нас растопчут!

Ханс умчался, и скоро я увидел его и охотников бегущими навстречу приближавшейся толпе. Чтобы привлечь внимание, Ханс размахивал чем-то белым, кажется рубашкой. Невольники в первых рядах остановились, разглядели дула наших ружей, закричали:

– Англичане, сжальтесь! Англичане, спасите нас!

Получилось очень удачно, ведь Ханс и его товарищи не остановили бы толпу. Потом рубашка метнулась влево от нашей бомы, к кустам за лагерем. Рабы следовали за белым пятном, как овцы за бараном-вожаком.

Итак, опасность миновала. Кто-то из невольников пал от пули арабов, кого-то затоптали, кто-то свалился от изнеможения. Уцелевших обстреливали преследователи. Одна женщина не выдержала тяжести ошейника и опустилась на четвереньки. Араб выстрелил в нее, но пуля попала в землю, не причинив вреда невольнице, которая быстро поползла прочь. Я знал, что теперь он постарается не промахнуться, и приготовился. Видимость стала хорошей, и я разглядел стрелка: высокий мужчина в белом выступил из-за бананового дерева ярдах в ста пятидесяти от нас и тщательно целился в свою жертву. Но я тоже взял его на мушку, а стрелок я неплохой. Ружье араба так и не выстрелило, а сам он подскочил на пару футов и навзничь упал на землю, получив пулю в голову – она-то и была моей мишенью.

Охотники восхищенно ахнули, а Стивен воскликнул:

– Отличный выстрел!

– Неплохой, только мне стрелять не следовало, – отозвался я. – Арабы нас не атаковали, вышло, что мы объявили войну. А вот и ответ, – добавил я, когда пуля сбила пробковый шлем с головы Стивена. – Всем лечь на землю и стрелять через бреши!

Сражение началось. Если не считать развязки, его и полноценным сражением не назовешь, особенно по сравнению с теми схватками, что ожидали нас в будущем. С другой стороны, пришлось нам солоно. Вначале арабы с криком «Аллах!» бросились в атаку, но, смелости своей вопреки, повторить ее не решились. Благодаря удаче или ловкости Стивен уложил пару врагов из двустволки, я тоже не без результата разрядил крупнокалиберную централку (свою первую), между тем как охотники сделали одно или два удачных попадания.

После этого арабы попрятались за деревьями и, как я и опасался, в камыши у ручья. Спокойно целясь из укрытия, противники здорово нас потрепали, так как среди них были приличные стрелки. Плохо пришлось бы нам, если бы мы не приняли мер предосторожности и не обложили нашу терновую изгородь землей и дерном. Убили одного нашего охотника: пуля пролетела через брешь и попала ему в горло, когда он приготовился стрелять. Несчастные носильщики стояли выше и пострадали куда больше: двоих сразили наповал, четверых ранили. После этого я велел остальным залечь пластом у изгороди, чтобы мы стреляли поверх них.

Скоро стало ясно, что арабов куда больше, нежели думалось вначале, чуть ли не пятьдесят человек палили из разных мест. Они постепенно приближались к нам с явным намерением обойти с фланга и занять более высокую позицию в нашем тылу. Некоторых мы остановили, когда они перебежали от одного прикрытия к другому, но ведь это все равно что отстреливать кроликов, скачущих через лесную тропу и ныряющих в заросли. Не без гордости скажу, что получалось лишь у меня: сказались сноровка и меткость.

Через час наше положение усугубилось настолько, что пришлось обсуждать дальнейшую тактику. Я заявил, что небольшими силами атаковать рассредоточенных стрелков бесполезно и наивно надеяться, что бома продержится до ночи. Если арабы обойдут наш лагерь, они быстро перестреляют нас с более высокой точки. В течение последующего получаса нам удавалось удерживать позиции, и враги не могли прорваться в обход лагеря. К счастью, с одной стороны от нас был ручей, с другой – открытое место, и арабы несли большие потери.

– Боюсь, у нас есть единственный выход, – сказал я, когда арабы приостановили атаку, чтобы посоветоваться или дожидаться новой партии боеприпасов. – Нужно бросить лагерь со всем, что в нем есть, и бежать вверх по холму. Арабы наверняка устали, а мы бегуны хорошие, спасемся.

– Как же быть с ранеными? – спросил Стивен. – А с женщиной и ее ребенком?

– Не знаю, – ответил я, потупившись.

Разумеется, я знал, но здесь возникал извечный вопрос: следует ли жертвовать собой ради случайных людей, которых все равно не спасти? В лагере наша гибель неизбежна, если же попробуем бежать, может, и скроемся. Но в последнем случае мы должны бросить на произвол судьбы раненых носильщиков и женщину с ребенком, которых мы избавили от голодной смерти. Их, возможно, пощадят, а вот мужчин наверняка убьют.

Пока эти мысли мелькали у меня в голове, я вспомнил француза Леблана, изрядного выпивоху, которого знал в юности. Леблан водил дружбу с Наполеоном (по крайней мере, он так утверждал) и рассказывал, что великий полководец осаждал Акру на Святой земле, но был вынужден отступить. Он не мог взять раненых с собой и оставил их в монастыре на горе Кармель, каждого с дозой яда. Очевидно, яд солдаты не приняли, так как, по словам Леблана (он там был, но не в числе раненых), их перерезали турки. Итак, Наполеон предпочел спасти свою жизнь и армию ценой некоторых потерь. Только разве его поступок – хороший пример для христианина, да и где сейчас искать яд? Я вкратце объяснил Мавово наше положение (опустив, конечно, историю Наполеона) и попросил у него совета.

– Нужно бежать, – ответил он. – Я не любитель спасаться бегством, но жизнь дороже. Тот, кто сохранил ее, может со временем вернуть свой долг.

– А раненые, Мавово? Мы не можем взять их с собой.

– Я останусь с ними, Макумазан. Война есть война. Или, если им угодно, пусть остаются одни и ждут милости арабов.

Такой вариант – повторение истории Наполеона. Признаюсь, я уже был готов согласиться на него, но тут произошло нечто неожиданное.

В течение последующего получаса нам удавалось удерживать позиции, и враги не могли прорваться в обход лагеря.

Напомню, что вскоре после рассвета Ханс, размахивая рубашкой, как флагом, увлек невольников на холм за нашим лагерем. Там он спрятался вместе с ними, и с тех пор мы их не видели. Теперь Ханс снова появился, по-прежнему размахивая рубашкой. За ним неслась

огромная, сотни в две, толпа нагих людей с дубинами, камнями и обломками невольничьих ошейников. У самой бомы, из-за которой мы удивленно за ними наблюдали, невольники разделились на два отряда. Один из них побежал налево, очевидно под командованием мазиту, который сопровождал Ханса в невольничий лагерь, второй бросился направо под предводительством старого готтентота собственной персоной. Я молча смотрел на Мавово, от изумления утратив дар речи.

– Ах! – воскликнул он. – Пятнистая змея по-своему велик. Он сумел наполнить души рабов смелостью. Отец мой, ты же понимаешь, что они хотят напасть на арабов, как дикие псы на буйволенка?

Святая правда, в этом и заключался блестящий план готтентота. Больше того, этот план сработал. Ханс с вершины холма наблюдал за ходом битвы и понял, чем она закончится. Тогда он через переводчика обратился к невольникам и объяснил, что нас, белых друзей, скоро одолеют, поэтому рабам следует либо проявить храбрость, либо снова сунуть шею в ярмо. Некоторые из невольников были воинами в своем племени, с их помощью Ханс растормошил остальных. Они захватили палки, камни – все, что попало под руку, – и по сигналу бросились в атаку. В стороне остались только женщины и дети.

Завидев толпу, арабы начали стрелять. Несколько человек они уложили наповал, но тем самым обнаружили свое укрытие. Рабы атаковали. Они раздирали врагов на части, вышибали им мозги с такой яростью, что через пять минут было убито почти две трети арабов. Уцелевшие обратились в бегство, многие из них падали под нашими пулями.

Воздаяние было ужасным. В жизни не видел, чтобы мстили с такой беспощадностью. Когда почти всех арабов перебили, отыскался старший из погонщиков – он прятался в сухих камышах у ручья. Рабы ухитрились поджечь сухостой. Думаю, спички им дал Ханс, который в начале побоища осмотрительно отступил, а к концу его вернулся на передовую позицию. Едва несчастный араб показался из горящих камышей, рабы набросились на него, как муравьи на гусеницу, и, вопреки мольбам о пощаде, буквально разорвали на куски. Упрекнуть мстителей язык не поворачивался. Если бы мы видели, как убивают наших стариков и грудных детей, как жгут наши дома, как женщин и молодежь угоняют, чтобы продать в рабство, поступили бы мы иначе? Думаю, нет, несмотря на то что не считаем себя дикарями.

Так нам спасли жизнь те, кого мы сами пытались спасти. На сей раз справедливость возторжествовала даже в африканской глуши, каковой являлся Занзибар в ту пору. Если бы не Ханс, сумевший вдохнуть мужество в сердца измученных рабов, не сомневаюсь, что к ночи мы все лежали бы мертвыми. Нам бы вряд ли удалось бежать. Да и что, даже при невероятном везении, случилось бы с горсткой чужаков в дикой стране, где на каждом шагу враги? Тем более у нас кончились боеприпасы. . .

– Как хорошо, что баас внял моей мольбе и взял меня с собой, – чуть позже сказал готтентот, скосив на меня глаза-бусинки. – Да, старый Ханс был пьяницей, игроком и, быть может, пойдет в ад. Но старый Ханс умеет хорошо думать, как некогда думал перед сражением у Мар-эфонтейна, или на холме смерти около крааля Дингаана, или сегодня утром в кустарнике. Старый Ханс знал, чем все должно закончиться! Он видел, как эти собаки-арабы рубят дерево, чтобы перекинуть мост через глубокий ручей и пробраться на холм позади лагеря, откуда они в пять минут перестреляли бы всех. Теперь, баас, в животе у меня урчит. Завтрака на холме не было, а солнце так и пекло. Мне бы каплю бренди. . . Знаю, я обещал не пить. Но если баас меня угостит, грех будет не мой, а бааса.

Вопреки своим правилам, я угостил верного слугу неразбавленным бренди. Он сделал глоток и закрыл бутылку. Еще я пожал старику руку и поблагодарил его. Растроганный Ханс бормотал: мол, все это пустяки, а если бы погиб баас, то и Хансу конец, так что он пекся в первую очередь о себе самом. При этом с его курносого носа скатились две крупные слезы, хотя, может, на готтентота подействовал бренди.

Итак, мы стали победителями и чувствовали себя в безопасности, ибо понимали, что горстка бежавших работорговцев больше не нападет на нас. Первым делом мы подумали о еде, ведь перевалило за полдень и животы у всех подвело с голоду. Но чтобы приготовить обед, нужен повар, и это напомнило нам о Сэме. Стивен, который от ликования пританцовывал, так что шлем, пробитый пулей, съехал ему на самый затылок, отправился искать Сэма и вскоре окликнул меня. В его голосе слышалась тревога. Я пошел на зов вглубь лагеря и увидел Сомерса у похжей на могилу норы, вырытой за одиноко растущим терновым кустом. На дне кто-то лежал, и, судя по всему, то был Сэм. Мы вытащили его, почти бесчувственного. Сэм едва держался на ногах, но не выпускал из рук Библию в переплете. В самом центре Библии зияла дыра от пули, застрявшей, помнится мне, в Первой книге Царств.

В общем, бедняга отделался испугом. После того как мы побрызгали на него водой – а воды Сэм не любил, – он довольно быстро пришел в себя и рассказал, что случилось.

– Джентльмены, будучи, как я уже говорил, человеком мирным, я сидел в своем убежище и искал утешения в религии. – (В минуты опасности он становился чрезвычайно религиозным.) – Наконец стрельба утихла, и я, думая, что враг бежал, решил выглянуть наружу. На всякий случай я держал Библию перед собой. Далее ничего не помню.

– М-да, – хмыкнул Стивен, – пуля попала в Библию, Библия стукнула вас по голове и оглушила.

– Ах! – воскликнул Сэм. – Верно меня учили: «Библия – щит праведников». Теперь я понимаю, почему предчувствие заставило меня взять старую толстую Библию, принадлежавшую моей покойной матери, а не тоненькую, подаренную мне учителем воскресной школы, – ту вражеская пуля пробила бы насквозь.

После этого Сэм ушел варить обед.

Воистину, спасение чудесное, а вот считать ли его наградой за благочестие Сэма – другое дело.

Подкрепившись, мы обсудили создавшееся положение и главный вопрос: что делать с невольниками. Они группами сидели за бомой, многие были ранены в недавней схватке. Туземцы тупо смотрели на нас, а потом чуть ли не хором потребовали еды.

– Чем же нам кормить несколько сотен человек? – спросил Стивен.

– Работорговцы как-то справлялись, – ответил я. – Надо пойти и обыскать их лагерь.

Мы отправились туда в сопровождении голодных подопечных и обрадовались, обнаружив, помимо множества полезных вещей, большой запас риса, кукурузы и прочего зерна, смолотого в муку. Молотое зерно мы смешали, добавили соль, и вскоре котелки наполнились кашей. Господи, как несчастные набросились на еду! Им следовало быть осторожнее, но у нас не хватало духу пенять за жадность людям, которые недоедали неделями. Когда они наконец насытились, мы поблагодарили их за храбрость, сказали, что они свободны, и поинтересовались, каковы их намерения.

Бывшие невольники ответили единодушно: они хотят идти с нами. Последовал большой индаба, или совет, который, за нехваткой времени, описывать не стану. В конце концов мы согласились, чтобы все желающие сопровождали нас до знакомых мест, а затем отправились домой. Потом мы разделили между ними одеяла и другие вещи арабов и удалились, приставив стражу к пищевым запасам. Что касается меня, я от всей души желал, чтобы к утру подопечные нас покинули.

После этого мы вернулись в лагерь, как раз к началу грустной церемонии погребения нашего охотника, убитого в сражении. Его товарищи выкопали глубокую яму за изгородью, в нескольких ярдах от места, где он пал. Убитого посадили в яму лицом к стране зулусов, рядом поставили две тыквенные бутылки, принадлежавшие ему. Одну бутылку наполнили водой, другую зерном. Кроме того, товарищи снабдили покойного одеялом и двумя ассегаями. Одеяло разорвали, древки копий сломали – «убитому убитое», приговаривали участники обряда.

Потом туземцы деловито забросали могилу землей, а сверху навалили больших камней, чтобы гиены не разрыли яму. Охотники поочередно прошли мимо могилы, каждый останавливался, называя убитого по имени. Мавово был последним и сказал небольшую речь. Он пожелал погибшему «намба качле», то есть благополучно добраться до земли духов, и прибавил, что это обязательно случится, ибо охотник погиб, как подобает воину. Кроме того, Мавово потребовал, чтобы погибший, сделавшись духом, приносил нам удачу. В противном случае он обещал строго потолковать с ним, когда сам станет духом. Мавово напомнил, что предсказал гибель охотника еще в Дурбане. Мол, слова вещей змеи исполнились, и погибший не может жаловаться, что напрасно заплатил шиллинг за гадание.

– Да! – испуганно воскликнул один из охотников. – Но твоя змея говорила о шестерых.

– Так и будет, – ответил Мавово, поднося к здоровой ноздре понюшку табаку, – наш брат – первый из шести. Не бойтесь, остальные пять присоединятся к нему в свое время, ибо моя змея говорит только правду. Но если кто-нибудь из вас торопится, – он окинул взглядом небольшое собрание, – пусть поговорит со мной. Быть может, я устрою, чтобы его черед... – Мавово замолчал, так как охотники начали расходиться.

– Я очень рад, что Мавово не гадал для меня, – сказал Стивен, когда мы вернулись за бому. – Но зачем они зарыли вместе с умершим горшки и копья?

– Чтобы дух его пользовался ими во время своего путешествия, – ответил я. – Зулусы верят, что после смерти человек переходит в иной мир.

Глава VIII

Магическое зеркало

Той ночью я спал плохо: опасность миновала, но бесконечные тревоги сказались на моих нервах. Кроме того, кругом стоял порядочный шум. Тела убитых носильщиков, переданные их товарищам, теперь валялись в кустах и привлекали гиен. Четверо раненых, лежащих недалеко от меня, громко стонали, а когда не стонали, то истово молились своим богам. Мы сделали все, что могли, для этих несчастных. Добросердечный трусишка Сэм, некогда служивший медбратом в госпитале, обработал их раны, к счастью не смертельные, и периодически их навещал.

Но особенно меня беспокоил невообразимый шум из невольничьего лагеря. Многие племена тропической Африки ведут ночной образ жизни, вероятно, потому, что ночь прохладнее дня. В данном случае эта привычка давала о себе знать.

Казалось, каждый из освобожденных невольников воет, надрывая горло, под аккомпанемент грохота железной посуды, в которую они, за неимением барабанов, колотили палками.

Кроме того, туземцы развели огромные костры, и темные фигуры зловеще мелькали среди языков пламени, как на средневековом изображении ада в старинной книге.

Наконец я не выдержал, разбудил Ханса, который спал, по-собачьи свернувшись у моих ног, и поинтересовался, что происходит. Услышав ответ, я очень пожалел о своем любопытстве.

– Среди тех невольников, баас, много людоедов. Небось едят арабов, вот и веселятся, – сказал он, зевая.

Я не стал продолжать этот разговор, и Ханс снова уснул.

Следующим утром, когда мы пустились в путь, солнце стояло уже высоко. В одночасье лагерь не свернешь, забот хватало. Следовало собрать ружья и патроны убитых арабов, зарыть в землю слоновую кость, которую караван вез в большом количестве, так как взять ее с собой не представлялось возможным¹⁶, и распределить багаж между носильщиками. Также пришлось сделать носилки для раненых и призвать к порядку освобожденных невольников. В подробности их ужасного пиршества вдаваться не хотелось. Собрав туземцев вместе, я увидел, что за ночь многие исчезли. Остались двести с лишним человек, в основном женщины и дети. Казалось, этой толпой бывших рабов руководило одно желание: сопровождать нас, куда бы мы ни отправились. Наконец сборы были окончены, и мы снялись с места.

Описать события следующего месяца трудно, более того, невозможно: за столько лет они перепутались в памяти. Непросто было кормить многочисленных подопечных, ведь за запасами зерна не уследишь, и они быстро истаяли. К счастью, местность, по которой мы следовали, после сезона дождей изобиловала дичью, и мы, продвигаясь медленно, успевали подстрелить ее достаточно, чтобы утолить голод. Но охота хороша лишь в удовольствие, а по принуждению это занятие быстро надоедает. Да и патронов мы истратили изрядно.

Зулусские охотники зароптали: заботы о пище в основном были возложены на них, поскольку мы со Стивеном не могли часто отлучаться из лагеря. В конце концов я разрешил этот вопрос следующим образом. Выбрав тридцать-сорок невольников способнее прочих, я дал каждому по трофейному ружью с патронами и, как мог, научил стрелять. Потом я сказал обученным, что теперь они сами должны добывать пропитание себе и своим товарищам. Разумеется, не обошлось без потерь: в одного невольника попала случайная пуля, троих растерзали слониха и раненый буйвол. Но в итоге туземцы настолько хорошо научились обращаться с оружием, что снабжали дичью весь лагерь. Почти каждый день исчезали маленькие группы

¹⁶ К сожалению, больше мы этих запасов слоновой кости не видели. – А. К.

наших темнокожих спутников – полагаю, они уходили, чтобы разыскать свой дом. Когда мы подошли к границам земли мазиту, при нас осталось не более пятидесяти человек, включая пятнадцать из числа обученных стрелять.

Тут начинаются наши настоящие приключения.

Однажды вечером, после трехдневного пути через густой кустарник, где львы унесли невольницу, разорвали одного осла и настолько изранили другого, что его пришлось пристрелить, мы оказались на краю большого, поросшего травой плоскогорья, поднимавшегося, согласно показаниям моего anerоида¹⁷, на 1640 футов над уровнем моря.

– Что это за местность? – спросил я у двоих проводников-мазиту, тех самых, которых мы взяли у Хасана.

– Это земля нашего народа, господин, – отвечали они. – С одной стороны она ограничена кустарником, с другой – большим озером, на котором живет народ понго.

Я посмотрел на пустынное плоскогорье, уже начинавшее буреть, но увидел лишь большие стада антилоп – они часто встречаются южнее. Пейзаж выглядел весьма унылым из-за мороси с туманом и холодным ветром.

– Я не вижу ни ваших соплеменников, ни их краалей, – сказал я. – Только траву и диких животных.

– Наши сородичи придут, – нервно произнес проводник. – Дозорные наверняка следят за нами из высокой травы или из норы.

– Да и черт с ними! – буркнул я и перестал об этом думать.

Если с тобой может случиться что угодно – а я привык к неожиданным поворотам судьбы чуть ли не с рождения, – перестаешь беспокоиться о будущем. Я давно считаю себя фаталистом. Верю, что человек, точнее, его душа появилась из источника жизни сотни тысяч или миллионов лет назад. Когда миссия будет исполнена – через сотни тысяч или миллионов лет, а может быть, завтра, – обогащенный опытом человек вернется к источнику жизни. Еще я верю, что жизнь человека в любом из миров предопределена и предначертана свыше. Человек своими поступками способен лишь менять ее ход, но не удлинять и не укорачивать даже на час. Поэтому я уповаю на волю Творца и о завтрашнем дне не думаю.

Однако в этот, очередной, раз «завтрашний день» пошел по собственному плану. Еще не рассвело, когда Ханс, чей сон обычно был недолог, как у собаки, разбудил меня со зловещим известием, что слышит топот сотен ног.

– Где? – спросил я, потому что ничего не услышал, хотя насторожился.

Увидеть я тоже ничего не увидел, ведь темно было, хоть глаз выколи.

– Здесь! – воскликнул он, прижавшись ухом к земле.

Я последовал его примеру, но опять ничего не услышал, несмотря на то что слух у меня острый.

Тогда я послал за часовыми, но они недоуменно помотали головой, и я «умыл руки», то есть лег спать. Однако Ханс был прав. В таких случаях он никогда не ошибается: органы чувств у него, как у дикого зверя. На заре меня снова разбудили – на сей раз Мавово, сообщивший, что нас окружает «целый полк или несколько полков». Я встал и сквозь туман увидел ряды вооруженных людей. Даже на расстоянии я заметил, как копыта поблескивают в свете зари.

– Что делать, Макумазан? – спросил Мавово.

– Завтракать, – ответил я. – На сытый желудок и умирать легче.

Я позвал дрожащего от страха Сэма и приказал ему приготовить кофе. Потом разбудил Стивена и объяснил ему положение дел.

– Великолепно! – ответил он. – Это, без сомнения, мазиту. Они нашлись неожиданно легко. А то ведь в этой бескрайней глухомани без труда никого не сыщешь!

¹⁷ *Анероид* – металлический барометр.

– Интересный взгляд на вещи, – отозвался я. – Прошу вас, обойдите лагерь и объясните всем, что без моего приказа стрелять нельзя. Погодите! Лучше отберите ружья у этих неумех, а то они бог знает что натворят, если испугаются.

Стивен кивнул и ушел с тремя или четырьмя охотниками. После его ухода я, посоветовавшись с Мавово, занялся кое-какими приготовлениями, о которых нет нужды распространяться. Словом, при наихудшем раскладе хотелось продать свою жизнь максимально дорого. В Африке необходимо производить впечатление на врагов. Ты сможешь этим если не себе, то будущим путешественникам.

Спустя некоторое время Стивен и четверо охотников вернулись с ружьями, вернее, с большей частью розданных ружей и сообщили, что невольники перепуганы и хотят сбежать.

– Пусть бегут, – сказал я. – Толку от них мало, а вот испортить дело они могут. Позовите зулусов, которые их караулят.

Стивен кивнул, и через пять минут я услышал голоса и топот. Увидеть бегущих мешал густой туман, нависший над кустарником в восточной части лагеря. Невольники, включая носильщиков, сбежали все до единого, даже раненых с собой захватили. Окружавшие нас воины постепенно смыкали кольцо, но беглецы успели шмыгнуть в кусты, через которые мы пробирались накануне. С тех пор мне часто хотелось узнать, что с ними случилось. Без сомнения, некоторые из них погибли, остальные вернулись в свои хижины или нашли себе новый дом в другом племени. Испытания, пережитые теми, кому удалось спастись, наверняка пробудили жгучий интерес у их соплеменников. Я представляю себе легенды, которые будут рассказывать об этих событиях два-три поколения туземцев.

После побега невольников и носильщиков, которых дал нам Хасан, нас осталось только семнадцать, а именно: одиннадцать зулусских охотников, включая Мавово, двое белых, Ханс, Сэм и двое мазиту, пожелавших остаться с нами. Тем временем вокруг нас медленно смыкалось кольцо воинов племени мазиту.

В это пасмурное утро туман рассеивался медленно, но по мере того, как прояснялось, я украдкой рассматривал этих людей. Все они были выше и стройнее среднего зулуса, их кожа отличалась более светлым оттенком. Вооружились они по-зулусски – копьями с широкими наконечниками и кожаными щитами. Метательных ассегаев я не заметил, зато за спиной у каждого висели лук и колчан со стрелами. На старейшинах были кароссы из кожи, на подчиненных – из древесной коры.

Мазиту приближались очень медленно и очень тихо. Никто не говорил ни слова, – очевидно, приказы отдавали знаками. Огнестрельного оружия я не увидел ни у одного из воинов.

– Если начнем стрелять и уложим пару воинов, остальные могут испугаться и убежать, – сказал я Стивену. – Хотя могут и не убежать. А могут убежать и вернуться.

– В любом случае после выстрелов мы вряд ли встретим на их земле теплый прием, – рассудительно заметил Стивен. – Думаю, лучше не предпринимать ничего, пока положение не заставит.

Я кивнул, понимая, что сотни воинов нам точно не одолеть, и приказал бледному от страха Сэму подать нам завтрак. Неудивительно, что бедняга перепугался: опасность нам грозила нешуточная. У мазиту дурная слава, если нападут, нам и пяти минут не протянуть.

Кофе и холодную козлятину Сэм поставил на походный столик перед палаткой, которую мы разбили по случаю дождя. Мы начали есть. Зулусские охотники ели из общей миски кашу, сваренную накануне. Каждый из них держал на коленях заряженное ружье. Наше поведение сильно озадачило мазиту. Они приблизились – теперь нас разделяло ярдов сорок, – сомкнули круг и тарасились на нас круглыми глазами. Происходящее напоминало сон, который я никогда не забуду.

Мазиту удивляло абсолютно все – наше внешнее безразличие, цвет нашей со Стивеном кожи (до сих пор они встречали только одного белого – Брата Джона), палатка и два уцелев-

ших осла. Когда один из ослов заревел, мазиту испуганно переглянулись и даже отступили на несколько шагов.

Нервы у меня не выдержали, когда я увидел, что некоторые воины натягивают луки. Их предводитель, высокий одноглазый старик, явно решил что-то предпринять. Я вызвал одного из проводников (забыл сказать, что мы назвали их Томом и Джерри¹⁸) и вручил ему кружку кофе.

– Джерри, передай кофе вождю с моими наилучшими пожеланиями и спроси его, не желает ли он отведать этот напиток вместе с нами, – сказал я.

Смельчак Джерри повиновался. Кружку с дымящимся кофе он поднес прямо к носу старика. Очевидно, Джерри знал его по имени, так как я услышал следующее:

– О Бабемба, белые господа Макумазан и Вацела приглашают тебя отведать с ними их священный напиток!

Я отлично понял фразу, ведь Джерри говорил на диалекте, очень близком к зулусскому, который хорошо мне знаком.

– Их священный напиток! – воскликнул старик и отпрянул. – Это красная вода, только горячая! Белые колдуны решили отравить меня мвави?

Мвави, или мказа, как ее порой называют, – крепкая настойка из коры мимозы особого сорта, которую туземные колдуны дают обвиняемым в преступлении. Если обвиняемого стошнит, значит он невиновен, если же начнутся судороги или оцепенение, он объявляется виновным и умирает либо от яда, либо иначе.

– Это не мвави, о Бабемба, – сказал Джерри. – Это чудесная жидкость, благодаря которой белые господа метко стреляют из своих удивительных палок, убивающих на расстоянии тысячи шагов. Смотри, я проглочу немного. – Джерри сделал глоток и наверняка обжег себе язык.

Это придало смелости старому Бабембе. Он понюхал кофе и нашел его ароматным. Потом подозвал мужчину, судя по наряду, колдуна, и заставил его хлебнуть из кружки. Тот начал пить и вошел во вкус. Бабемба с негодованием отнял кружку и выпил кофе сам. Напиток ему понравился, так как я не пожалел сахара.

– Действительно священное питье! – похвалил Бабемба, причмокивая. – У тебя еще есть?

– У белых господ его много, – сказал Джерри. – Они приглашают тебя поесть с ними.

Бабемба сунул палец в чашку и, подцепив сладкий осадок, лизнул его и задумался.

– Дело налаживается, – шепнул я Стивену. – Вряд ли он убьет нас после того, как испробовал наш кофе. Он и завтракать придет.

– Вдруг это ловушка? – сказал Бабемба и принялся вылизывать из кружки сахар.

– Нет, – ответил Джерри с похвальной находчивостью, – белые господа легко убили бы тебя, но они не причиняют вреда тем, кто пил их священный напиток, разумеется, если те ведут себя мирно.

– Не принесешь ли сюда еще немного священного напитка? – спросил Бабемба, в последний раз облизывая кружку.

– Нет, – произнес Джерри, – ты должен идти туда, если хочешь еще. Не бойся. Могу ли я, сын твоего племени, предать тебя?

– Правда! – воскликнул Бабемба. – По твоей речи и лицу видно, что ты мазиту. Но о том, как ты попал сюда, мы поговорим после. Я хочу пить и пойду туда. Воины! Сядьте и будьте настороже. Если со мной что-нибудь случится, отомстите за меня и обо всем доложите королю.

Пока шли переговоры, я велел Хансу и Сэму открыть один из ящиков и достать оттуда большое зеркало в деревянной раме и на подставке. К счастью, оно не сломалось. Мы упаково-

¹⁸ Том и Джерри – герои очерков Пирса Игана «Жизнь в Лондоне». Благодаря этому в XIX веке появилось сленговое выражение «tom and Jerry», означающее «выпивать, драться и создавать проблемы окружающим».

вали все так тщательно, что бинокли и другие хрупкие вещи оказались в целости. Зеркало я тщательно вытер и поставил на стол.

Старый Бабемба опасно приблизился, косясь на нас и на наши пожитки. Когда он подошел совсем близко, его взгляд упал на зеркало. Он замер, удивленно посмотрел в него, отступил, но любопытство пересилило, старик снова шагнул вперед и снова остановился.

– В чем дело? – окликнул его военачальник, оставшийся за главного.

– Здесь большое колдовство, – ответил он. – Я вижу себя, идущего навстречу. Ошибки быть не может, потому что у двойника тоже нет одного глаза.

– Подойди ближе, о Бабемба, и посмотри, в чем дело! – крикнул колдун, который пробовал кофе и пытался выпить всю кружку. – Копье держи наготове и, если двойник попытается напасть, убей его!

Ободрившись, Бабемба поднял копье, но торопливо опустил.

– Этого нельзя делать, глупец! – закричал старик колдуну. – Он тоже поднял копье. Кроме того, все вы должны стоять позади меня, а находитесь передо мной. Священное питье опьянило меня. Я околдован! Спасите!

Я понял, что шутка зашла слишком далеко: воины зароптали и натянули луки. К счастью, в эту минуту взошло солнце.

– О Бабемба, мы дарим тебе магический щит, который позволяет раздваиваться. Отныне труд твой уменьшится наполовину, а твое удовольствие удвоится, ибо при взгляде на этот щит у тебя появится двойник. Щит имеет еще одну особенность. Смотри!

Я поднял зеркало и, пользуясь им как гелиографом¹⁹, пустил зайчик прямо в глаза воинам мазиту, сидевшим перед нами длинным полукругом. Клянусь честью, они побежали со всех ног!

– Удивительно! – воскликнул старый Бабемба. – Могу ли я, белый господин, научиться делать то же самое?

– Конечно, – заверил я. – Попробуй. Держи щит вот так, пока я буду говорить заклинание. – Я пробормотал несколько ничего не значащих слов, потом снова направил зеркало на мазиту. – Смотри, смотри! Ты попал им в глаза. Ты сам могущественный чародей. Они бегут, бегут! – (Воины на самом деле помчались прочь.) – Есть ли среди твоих соплеменников те, которых ты не любишь?

– Таких немало. – Бабемба скривился. – Особенно не люблю колдуна, который чуть не выпил весь священный напиток.

– Хорошо. Со временем я покажу тебе, как с помощью этого волшебного щита прожечь в нем дыру. Нет, не сейчас. Пусть этот солнечный пересмешник отдохнет. Смотри... – Я перевернул зеркало и положил его на стол. – Теперь ты ничего не видишь?

– Ничего, кроме дерева, – ответил Бабемба, глядя на раму.

Тогда я набросил на зеркало полотенце и, чтобы переменить разговор, предложил Бабембе сесть и выпить с нами «священного напитка».

Старик с большой осторожностью сел на складной стул, воткнул огромное копье наконецником в землю и взял кружку с кофе. Однако не свою. Бабемба так смешно сидел на стуле, с копьем между колен, что легкомысленный Стивен забыл об опасности положения. Сомерса душил смех, и после неудачной попытки его подавить он с грохотом поставил свою чашку на стол и убежал в палатку, где разразился неприлично громким хохотом. Сбитый с толку Сэм вручил кружку Стивена Бабембе. Вскоре Сомерс вышел из палатки и, чтобы сгладить впечатление, взял кружку Бабембы и залпом выпил почти весь кофе.

Сэм, заметив свою ошибку, сказал:

¹⁹ Гелиограф – разновидность оптического телеграфа.

– Простите, мистер Сомерс, мне очень жаль, но вышла путаница. Вы выпили кофе из кружки, которую только что вылизал этот вонючий дикарь.

Фраза имела мгновенный и чудовищный результат – Стивену стало дурно.

– Что это с белым господином? – удивился Бабемба. – А, теперь я вижу, что вы действительно меня обманываете. Вы дали мне горячую мвави, которая вызывает тошноту у невиновных, а замышляющих зло убивает.

– Прекратите валять дурака! – прошептал я Стивену, пиная его в голень. – Из-за вас нам глотки перережут. – Потом, собравшись с духом, я обратился к Бабембе: – О нет, вождь! Белый господин – жрец священного напитка, и то, что ты видишь, – религиозный обряд.

– Вот оно что! – воскликнул Бабемба. – Но я надеюсь, этот обряд не переходит на других?

– Нет, – ответил я, предлагая ему сдобные булки. – Теперь скажи мне, вождь Бабемба, зачем ты вышел против нас с пятью сотнями вооруженных людей?

– Чтобы убить вас, белый господин... Ох, как горяч ваш священный напиток! Горяч да вкусен! Говоришь, обряд не переходит на других? Ибо я чувствую...

– Ешь булку, – сказал я Бабембе. – А зачем тебе убивать нас? Пожалуйста, говори правду, или я прочту ее в магическом щите, который отражает человека изнутри, так же как и снаружи. – Я поднял салфетку и посмотрел в зеркало.

– Если ты, белый господин, способен читать мои мысли, то зачем утруждаешь меня, заставляя высказывать их? – весьма резонно спросил Бабемба, набив рот сдобой. – Однако я изложу их тебе, ибо этот блестящий предмет может солгать. Бауси, король нашего племени, велел перебить вас, так как слышал, что вы работоторговцы и идете сюда с ружьями, чтобы взять в плен мазиту, отвести их к Черной воде²⁰ и продать. Мазиту посадят на большие лодки, которые плывут сами собой, и увезут в рабство. Об этом Бауси сообщили арабские посланцы. Мы знаем, что это правда, так как вчера с вами было много невольников. Завидев наши копья, все они разбежались не более часа назад.

Я внимательно посмотрел в зеркало и спокойно проговорил:

– Магический щит рассказывает иную историю. Он утверждает, что ваш король Бауси приказал провести нас к нему с почестями, чтобы мы могли переговорить с ним. Между прочим, у нас есть для него скромные дары.

Я попал в цель. Бабемба чрезвычайно смутился.

– Верно... – пробормотал он, запинаясь, – То есть... я хочу сказать, что король позволил мне поступить по своему усмотрению. Я посоветуюсь с колдуном.

– Раз так, дело улажено, – отозвался я. – Ведь ты, человек благородный, не поднимешь руку на тех, с кем только что разделил священный напиток. Если же ты поступишь иначе, то сам проживешь недолго, – сухо прибавил я. – Одно тайное слово, и этот напиток обратится внутри тебя в мвави наихудшего сорта.

– О да, белый господин, все улажено! – воскликнул Бабемба. – Не произноси тайного слова. Я провожу тебя к королю, и ты переговоришь с ним. Клянусь своей головой и духом своего отца, что не причиню вам вреда. С твоего позволения, я позову сюда великого колдуна Имбоцви и подтвержу наш договор в его присутствии. Кроме того, я покажу ему магическое зеркало.

Джерри отправился за Имбоцви, и вскоре явился этот мерзкий субъект неопределенного возраста, горбатый, словно Панч²¹, худой и косоглазый. Нарядился Имбоцви, как и подобает туземному колдуну, – он весь был увешан лоскутами змеиной кожи, рыбьими пузырями и мешочками со снадобьями. Вдобавок ко всем этим амулетам широкая красная полоса, нане-

²⁰ То есть к океану.

²¹ *Панч* – персонаж английского кукольного театра, хитрый горбун с крючковатым носом. Близок по характеру к русскому Петрушке.

сенная, вероятно, охрой, спускалась у Имбоцви со лба и по носу, губам и подбородку тянулась к шее, где заканчивалась пятном размером с пенни. Прическа тоже соответствовала образу – густые курчавые волосы были пропитаны жиром, припудрены синим порошком и с помощью кольца из черной смолы уложены в рог, острым концом поднимающийся дюймов на пять над макушкой. В общем, Имбоцви весьма напоминал дьявола, причем дьявола раздраженного – он издали начал осыпать нас упреками в том, что мы не пригласили его выпить священный напиток с Бабембой.

Мы предложили Имбоцви кофе, но он отказался, заявив, что мы хотим отравить его.

Тогда Бабемба немного суетливо, видимо от страха, передал старому колдуну свое решение, которое тот выслушал в полном молчании. Когда Бабемба объяснил ему, что без повеления короля будет неоправданной глупостью предать смерти таких колдунов, как мы, Имбоцви спросил, почему он называет нас колдунами. Бабемба сослался на чудеса блестящего щита, показывающего различные изображения.

– Фу! – фыркнул Имбоцви. – Разве спокойная вода или отполированное железо не показывают картинки?

– Но этот щит способен разжигать огонь, – заявил Бабемба. – Белый господин говорит, что он может сжечь человека.

– Пусть он сожжет меня, – с глубочайшим презрением бросил Имбоцви. – Тогда я поверю, что эти белые люди – колдуны, достойные пощад, а не простые работорговцы, о которых мы часто слышим.

– Сожги его, белый господин, докажи ему, что я прав! – раздраженно воскликнул Бабемба.

И вождь с колдуном принялись громко ссориться. Очевидно, эти двое были соперниками, и на сей раз они потеряли самообладание.

Солнце сияло достаточно ярко, чтобы продемонстрировать мистериу Имбоцви наше «колдовство», чего мне очень хотелось. Я вынул из кармана сильное зажигательное стекло, которым, с целью экономии спичек, часто пользовался для разведения огня. Взял в одну руку стекло, в другую зеркало и занял положение, удобное для эксперимента. Бабемба и колдун яростно спорили, явно не замечая моих действий. Я направил зажигательное стекло прямо на грязный волосяной рог Имбоцви, намереваясь прожечь в нем дыру. Этот рог явно держался на чем-то легковоспламеняющемся – на тростинке или палочке из камфорного дерева, – ибо через тридцать секунд запылал, как факел.

– Ох! – завопили наблюдавшие за колдуном кафры.

– Вот это ловко! – воскликнул Стивен.

– Смотрите, смотрите! – восхищенно закричал Бабемба. – Теперь ты, гнилой нарыв, пове-ришь, что есть на свете колдуны могущественнее тебя?

– Почему ты, сын собаки, надо мной смеешься? – завизжал разъяренный Имбоцви, кото-рый один не понимал, в чем дело.

Тут у него зародилось подозрение, он поднес руку к волосяному рогу и отдернул ее с воем. Имбоцви запрыгал, завертелся, отчего огонь разгорелся сильнее. Зулусы захлопали в ладоши, Бабемба тоже. Стивена охватил один из его идиотских припадков веселья. Что каса-ется меня, то я испугался. Неподалеку стояло большое деревянное кафрское ведро, из кото-рого брали воду для варки кофе. Я схватил ведро и подбежал к Имбоцви.

– Спаси меня, белый господин! – завопил он. – Ты величайший колдун, и я твой раб...

Тут его речь оборвалась, поскольку я опрокинул ему на голову ведро, в котором она исчезла, словно свеча в колпачке. Имбоцви стоял очень смиренно, вода стекала по нему, а из-под ведра шел дым с неприятным запахом. Убедившись, что огонь потух, я снял ведро с колдуна, растрепанного, лишившегося диковинной прически. Я помог вовремя – Имбоцви почти не

обжегся, зато облысел. При малейшем прикосновении сожженные волосы обламывались под корень.

- Выпали... – удивленно сказал Имбоцви, ощупывая голову.
- Да, – ответил я, – наш щит сработал, верно?
- Можешь ли ты, белый господин, вернуть волосы на место? – спросил он.
- Это зависит от твоего дальнейшего поведения, – ответил я.

Не сказав ни слова, Имбоцви направился к воинам, которые встретили его хохотом. Очевидно, они не любили колдуна, раз так радовались его конфузу.

Бабемба сиял. Он тотчас распорядился доставить нас к королю в город Беза, причем дал торжественное обещание, что ни он, ни его подчиненные не причинят нам вреда. Один только Имбоцви не оценил нашей магии. Перед уходом он метнул в мою сторону взгляд, исполненный лютой ненависти, и я пожалел, что использовал зажигательное стекло. Право, мне вовсе не хотелось, чтобы он остался без волос.

– Отец мой, лучше бы ты спалил эту змею дотла, ибо тогда ты уничтожил бы ее яд, – чуть позже сказал мне Мавово. – Я тоже немного колдун и скажу тебе, что наш брат больше всего не любит быть осмеянным. Ты, Макумазан, осмеял этого колдуна перед всем народом, и он этого не забудет.

Глава IX

Бауси – король племени мазиту

Около полудня мы тронулись в путь и направились в город Беза, резиденцию короля Бауси, куда должны были прибыть к вечеру следующего дня. Несколько часов отряд мазиту шел перед нами, вернее, туземцы шагали со всех сторон. Но мы пожаловались Бабембе на пыль и шум, и он с трогательным доверием к нам приказал воинам идти вперед. Предварительно он заставил нас поклясться именем матери (для многих африканских племен это самая сильная священная клятва), что никто не сбежит. Признаюсь, я, не особенно радуясь компании, согласился не сразу. От Джерри я узнал, что расстроенный Имбоцви покинул соплеменников и отправился по своим делам. Если бы решение зависело исключительно от меня, я попытался бы нырнуть в густой кустарник и затеряться там. Потом пересек бы границу и несколько месяцев сухого сезона пробирался к югу, добывая себе пропитание охотой. Зулусские охотники, Ханс и особенно Сэм желали того же. Но когда я сказал об этом Стивену, он начал упрашивать меня оставить эту мысль.

– Послушайте, Квотермейн, – говорил он, – я явился в это захолустье за прекрасной орхидеей *циприпедиум* и либо добуду ее, либо умру. Конечно, – прибавил он, не увидев в наших глазах согласия, – я не имею никакого права подвергать риску вашу жизнь. Поэтому, если вы считаете затею опасной, я пойду один со стариной Бабембой. Кто-нибудь из нас должен посетить крааль Бауси, на случай если туда явится джентльмен, которого вы называете Братом Джоном. В общем, решение принято, обсуждать больше нечего.

Я закурил трубку и, глядя на этого упрямого юношу, постарался обдумать вопрос с разных сторон. В конце концов я пришел к заключению, что Стивен прав. Конечно, подкупив Бабембу или как-нибудь иначе, мы могли бы бежать и избавиться от многих опасностей. Но с другой стороны, мы приехали явно не для того, чтобы так быстро ретироваться. Далее, за чей счет мы сюда приехали? За счет Стивена Сомерса, желавшего следовать плану. Наконец, не говоря уж о шансе встретить Брата Джона (перед ним я морального долга не чувствовал, он ведь сбежал от нас в Дурбане), я не люблю проигрывать. Мы собирались посетить загадочных дикарей, почитающих обезьяну и цветок, и должны идти вперед, пока позволяют обстоятельства. Опасность всюду. Тот, кто бежит от них, успеха не добьется.

– Мавово, инкози Вацела не желает бежать, – пояснил я, указывая своей трубкой на Стивена. – Он хочет идти дальше в страну народа понго, раз такая возможность существует. Помни, Мавово, он заплатил за все и нанял нас. Если все сбегут, сказал Вацела, он пойдет с мазиту один. Но если кто-нибудь из вас, охотников, захочет уйти, ни он, ни я не воспротивимся. Что ты скажешь на это?

– Я скажу, Макумазан, что инкози Вацела великодушен, хоть и очень молод. Куда бы вы ни отправились, я последую за вами, другие охотники, думаю, тоже. Не люблю я этих мазиту: отцы у них зулусы, а вот матери не могут похвастаться благородным происхождением. Мазиту все как есть ублюдки, о понго я слышал только дурное... Но плох тот бык, который, увидев лужу, замирает на месте. Надо идти вперед. Даже если мы увязнем в болоте, что с того? Тем более моя змея говорит: если мы и увязнем, то не все.

Итак, мы решили попыток к бегству не предпринимать. Сэм, правда, настаивал, но когда дошло до дела и ему предложили взять осла и припасы в дорогу, он изменил свое намерение.

– Думается мне, мистер Квотермейн, – провозгласил он, – что лучше окончить дни в благородном обществе, нежели в одиночестве пытаться ускользнуть от неизбежного.

– Отлично сказано, Сэм! – похвалил я. – А пока не настало неизбежное, приготовь-ка нам обед.

Итак, отбросив сомнения, мы продолжили наше путешествие – без особых проблем, так как вместо сбежавших носильщиков нам предоставили новых. Бабемба в сопровождении одного воина шел вместе с нами. От него мы узнали многое. Оказывается, мазиту были многочисленным народом, способным собрать от пяти до семи тысяч воинов. По преданию, они происходили от того же племени, что и зулусы, о которых мазиту едва слышали. И действительно, многие их обычаи, не говоря уже о языке, напоминали зулусские. Впрочем, и по военной организации, и в других отношениях мазиту казались более примитивными. Зато в устройстве жилища они зулусов превзошли. Многочисленные краали, которые мы видели, выглядели добротнее зулусских. Так, в домах вместо норы был предусмотрен дверной проем, и туда можно было войти не нагибаясь.

По дороге мы ночевали в одном из таких домов и назвали бы его удобным, если бы не бесчисленные блохи, которые в конце концов выгнали нас во двор.

В остальном же мазиту очень напоминали зулусов. Они жили в краалях и разводили скот. Народом управляли вожди, подчиненные верховному вождю, или королю. Они верили в колдовство и приносили жертвы духам предков и могущественному богу, который вершил дела мира и объявлял свою волю через колдунов. Наконец, мазиту не отличались миролюбием – предпочитали войну, под малейшим предлогом нападали на соседей, убивали мужчин, похищали женщин и скот. Достоинствами они тоже обладали – добротой, гостеприимством, хотя с врагами обращались жестоко. Кроме того, они ненавидели торговлю невольниками и тех, кто ею занимался, твердили, что лучше убить человека, нежели лишить его свободы. Они питали отвращение к людоедству и поэтому, более чем кто-либо, гнушались понго, слывших людоедами.

Позади осталось живописное, плодородное высокогорье, прекрасно орошенное и, за исключением долин, не заросшее кустарником, и к вечеру второго дня мы прибыли в город Беза. Он располагался на обширной равнине, опоясанной невысокими холмами и возделанными полями, очень красивыми: пришла пора собирать кукурузу и другие зерновые. Город был неплохо укреплен – его обнесли неприступным деревянным палисадом, по обе стороны которого посадили опунцию и другие кактусы.

Внутри палисада город делился на кварталы, населенные представителями различных ремесел. Так, один квартал назывался Кузнечным, второй – Военным, третий – Земледельческим, четвертый – Кожевенным и так далее. Король с гаремом и свитой жил у северных ворот, а перед ними в полукруге хижин лежал пустырь, куда при необходимости загоняли скот. Во время нашего пребывания в городе на пустыре кипела торговля и обучались воины.

Мы вошли в этот город, вероятно многонаселенный, через южные ворота, сложенные из крепких бревен. Солнце уже садилось, когда мы добрались до гостевых хижин в конце центральной улицы, на которую высыпали местные жители, решившие на нас посмотреть. Хижины располагались в Военном квартале. Забор сулил гостям уединение.

Вежливые по натуре, мазиту встретили нас молчанием. Мне казалось, они смотрят на нас со страхом, смешанным с любопытством. Воины салютовали нам копьями. Хижины, в которые нас привел Бабемба, наш новоиспеченный друг, удивляли чистотой и уютом. Все наше имущество, включая ружья, отобранные у невольников перед их бегством, сложили в одной из хижин и выставили там охранника. Ослов привязали к забору, по другую сторону которого тоже появился вооруженный охранник.

– Разве мы пленники? – спросил я Бабембу.

– Король охраняет своих гостей, – загадочно ответил тот. – Не угодно ли белым господам что-нибудь передать королю? Я увижу его сегодня вечером.

– Да, – ответил я. – Передай королю, что мы братья того, кто около года тому назад вырезал ему опухоль. С тем человеком мы условились здесь встретиться. Я говорю о белом господине с длинной бородой, которого вы, туземцы, зовете Догитой.

Бабемба встрепенулся:

– Вы братья Догиты? Что же вы прежде не упоминали его имени? Когда вы должны с ним здесь встретиться? Знайте, для нас Догита – великий человек, ибо с ним одним наш великий король Бауси вступил в кровное братство. Для мазиту Догита то же, что и король.

– Бабемба, мы не упоминали о нем потому, что не говорим обо всем сразу. Что касается того, когда мы должны встретиться, то я не знаю этого. Знаю лишь то, что Догита сюда придет.

– Да, господин Макумазан, но когда, когда? Король захочет это знать, и вы должны ответить. Господин, – прибавил он, понизив голос, – вы в опасности, у вас здесь много врагов... Наши земли закрыты для белых людей. Если хочешь спастись, завтра сообщи королю, что Догита, которого он очень любит, придет сюда, чтобы поручиться за вас. Надо, чтобы он явился поскорее, и в тот день, который ты укажешь, иначе твой брат Догита может не застать тебя в живых. Все это я сказал тебе как друг. Остальное зависит от тебя.

Бабемба встал и, не проронив больше ни слова, вышел через дверь хижины и ворота ограды мимо часового, который отступил в сторону, чтобы дать ему дорогу. Я тоже поднялся с табуретки, на которой сидел, и в ярости зашагал по хижине.

– Понятно, что сказал этот старый дурак? – воскликнул я, обращаясь к Стивену (боюсь, прозвучало словцо покрепче). – Он сказал, что мы должны точно указать день, когда в город Беза явится другой старый дурак – Брат Джон. В противном случае дикари нам перережут плотки, как и собирались изначально.

– Положение незавидное, – заметил Стивен. – В город Беза не ходят поезда-экспрессы, да если бы и ходили, мы не поручились бы, что на одном из них приедет Брат Джон. Он ведь впрямь существует? А то очень похоже на имя нарицательное...

– Конечно существует, точнее, существовал. Ну почему этот осел не дождался нас в Дурбане, а удрал на север страны зулусов, чтобы ловить бабочек и сломать там ногу или, чего доброго, шею.

– Трудно сказать. Порой в собственных поступках не разберешься, а тут Брат Джон.

Мы снова плюхнулись на табуретки и уставились друг на друга. Тут в хижину прокрался Ханс и сел на землю перед нами. Дверь имелась, он мог просто войти, но, неизвестно почему, вполз на животе.

– Чего тебе надо, уродливая жаба? – злобно спросил я.

Ханс действительно напоминал жабу, складки кожи на подбородке тряслись совсем по-жабьи.

– У бааса неприятности? – спросил он.

– Полагаю, да, – ответил я. – Тебе тоже наверняка неприятно будет корчиться на конце копья мазиту.

– У мазиту широкие копья, они делают большие дыры, – заметил Ханс, и я в ответ встал, чтобы вышвырнуть его из хижины, ибо мне было противно слушать его изречения. – Баас, – продолжал он, – в этой хижине есть дыра, через которую слышно все, если лежать у стены, притворяясь спящим. Я слышал разговор бааса с этим одноглазым дикарем и баасом Стивеном.

– И что с того, маленькая змея?

– Чтобы нам не погибнуть в этом месте, откуда нет спасения, баас должен точно узнать день и час, когда прибудет Догита.

– Эй, желтый идиот, если ты снова начинаешь свои... – И я осекся, решив, что лучше выслушать Ханса до конца, нежели срывать на нем раздражение.

– Мавово – великий колдун, баас. Его змея – самая сильная во всей стране зулусов, за исключением змеи его учителя, старого раба Зикали. Он говорил, что Догита лежит где-то со сломанной ногой, но придет сюда встретиться с баасом. Мавово наверняка скажет и о том, когда придет Догита. Я сам спросил бы об этом Мавово, да он не заставит свою змею работать

для меня. Поэтому пусть лучше баас его спросит. Вдруг Мавово забудет, что баас смеялся над его гаданием?

– Ну конечно! – воскликнул я. – Где гарантии, что рассказы Мавово о Догите не вздор? Ханс изумленно на меня уставился:

– История Мавово – вздор?! Змея Мавово солгала? Ох, баас смотрит на дело слишком похристиански. Конечно, благодарение отцу бааса, я тоже христианин, но не настолько, чтобы не отличить хорошее гадание от плохого. Змея Мавово лгунья? И это после того, как похоронен первый из охотников, которым в Дурбане перья предсказали смерть? – Ханс захихикал, а потом добавил: – Расклад такой: либо баас спрашивает Мавово, вежливо спрашивает, либо нас убьют. Я-то не против, новую жизнь в другом мире начну с удовольствием. Но пусть баас представит, какой шум поднимет Сэм. – С этими словами Ханс выскользнул из хижины.

– Ну и положение! – пожаловался я Стивену. – Я, белый человек, понимающий, что кафрское гадание чистый вздор, должен просить дикаря сообщить мне то, чего он знать не может! Это унижительно! Пусть меня повесят, если я сделаю это!

– Сделаете вы это или нет – вас все равно повесят, – проговорил Стивен, мило улыбаясь. – Но, старина, почему вы так уверены, что все это вздор? Сколько чудес вздором не были? Раз чудеса существуют, почему бы им не существовать теперь? Я знаю, что вы мне на это возразите, потому дальше спорить бесполезно. Однако я не так горд, как вы. Я попробую смягчить каменное сердце Мавово – мы с ним почти приятели – и уговорю его раскрыть книгу оккультной мудрости, – пообещал Стивен и вышел.

Несколько минут спустя меня вызвали из хижины принять овцу, которую вместе с молоком, туземным пивом, хлебом и другими припасами, включая фураж для ослов, прислал нам Бауси. Тут я должен заметить, что во время нашего пребывания у мазиту мы ни в чем не нуждались. Здесь не знали голода, типичного для Восточной Африки, где путешественнику не купить еды ни за какие деньги: ее попросту нет.

Я велел поблагодарить короля и передать, что завтра надеюсь посетить его с дарами. Потом я отправился искать Сэма, чтобы приказать ему зарезать и приготовить овцу. Я нашел его, вернее, услышал его голос за камышовой перегородкой между двумя хижинами. Он выступал в качестве переводчика между Стивеном Сомерсом и Мавово.

– Мистер Сомерс, этот зулус утверждает, что хорошо вас понял и что дикарь Бауси убьет нас, если не услышит, когда придет сюда его любимец, белый человек Догита. Он также убежден, что с помощью гадания мог бы выяснить, когда это случится и случится ли вообще. Скажу по секрету, мистер Сомерс, это ложь невежественного язычника. Он добавляет, что ни собственная, ни чужая жизнь для него ничего не стоит. «Не стоит и зернышка на кукурузном початке» – вот как он на самом деле выразился. И я верю в это, судя по тому, что слышал о его деяниях. На своем вульгарном языке он говорит, что нет разницы между желудком гиены из страны мазиту и желудком другой гиены, что здешняя земля так же хороша для его костей, как и любая другая, ведь земля есть худшая из гиен, рано или поздно пожирающая все, что родит. Извините, мистер Сомерс, что я повторяю пустую болтовню этого дикаря, но вы сами приказали точно передавать его слова. Этот безрассудный человек говорит, что неведомая сила – он называет ее «силой, которая заставляет сиять солнце и вышивает покров ночи звездами», еще раз извините, – заставила его появиться на свет и в определенный час унесет его из этого мира назад во мрак, в вечное лоно, где он либо уснет, либо вернется к жизни по воле той неведомой силы, – я точно перевожу его слова, мистер Сомерс, хотя не знаю, что все это значит, – и что ему безразлично, когда это случится. Еще он твердит, что стареет, что он повидал много горя, – полагаю, он подразумевает гибель своих чернокожих жен, которых другие дикари забили до смерти, и ребенка, к которому он был привязан, – а вы молоды, ваша жизнь, полная счастья, как он искренне надеется, еще впереди. Поэтому он с радостью сделает все, что в его силах, чтобы спасти вам жизнь, ибо хоть вы белый, а он черный, он любит вас и считает своим сыном.

Да, мистер Сомерс, и мне очень неловко это повторять. Если понадобится, он отдаст за вас жизнь. Отказать вам в чем-нибудь для него все равно что разрезать себе сердце пополам. И все-таки он должен отказать вам в просьбе и не станет спрашивать у существа, которое называет змеей (что он под этим подразумевает, я не знаю), когда белый человек по имени Догита сюда придет. Он говорит, что после того, как мистер Квотермейн посмеялся над его гаданием, он больше не станет этим заниматься и скорее умрет, нежели нарушит свое слово. Вот и все, мистер Сомерс, вполне достаточно, как вам, наверное, кажется.

– Ясно. Передай вождю Мавово, что я все понял и благодарен ему за подробное объяснение, – ответил Стивен. (Я отметил, что слово «вождь» он произнес с особым нажимом.) – Еще спроси, нет ли выхода из такого серьезного положения.

Сэм перевел эти слова на зулусский язык, которым владел в совершенстве, без всяких добавлений или комментариев.

– Выход только один, – проговорил Мавово, то и дело нюхая табак. – Макумазан должен сам меня попросить. Макумазан – великий вождь и мой старый друг. Ради дружбы я готов забыть то, что припомнил бы кому-то другому. Если он придет ко мне и без насмешки попросит применить мое искусство на благо всем нам, я соглашусь, хотя прекрасно понимаю, что для него ветер просто шевелит прах и разбрасывает как попало. Макумазан, как и другие белые мудрецы, забывает, что ветер, разбрасывающий прах, дует нам в ноздри и для ветра мы тот же прах.

На пару минут я задумался. Слова свирепого дикаря Мавово, несмотря на то что их неизменно искажал перевод Сэма вкупе с его глупыми замечаниями, потрясли меня до глубины души. Кто я такой, чтобы судить Мавово и его необыкновенный самородный талант? Кто я такой, чтобы насмеяться над ним и объявлять обманщиком?

Я прошел через ворота в изгороди и остановился перед зулусом.

– Мавово, – начал я, – я подслушал ваш разговор и очень жалею, что смеялся над тобой в Дурбане. Твоя магия мне непонятна, она непостижима, посему может оказаться и правдой, и ложью. Однако я буду премного благодарен тебе, если ты воспользуешься своей способностью и постарайся разузнать, придет ли сюда Догита, и если придет, то когда. Ну вот, я сказал что хотел, решение за тобой.

– Хорошо, отец мой Макумазан. Сегодня вечером я спрошу об этом свою змею. Но я не могу заранее сказать, ответит она или нет.

Мавово провел надлежащую церемонию, и, по словам Стивена, присутствовавшего при этом (я отказался), таинственное пресмыкающееся объявило, что Догита, он же Брат Джон, придет в город Беза на закате солнца через три дня, считая от нынешнего вечера. По нашему календарю гадал Мавово в пятницу; следовательно, мы могли надеяться на появление Брата Джона в понедельник к ужину. Слово «надеяться» как нельзя лучше отражало мое настроение.

– Хорошо, – коротко сказал я, – пожалуйста, больше не говорите мне об этом нечестивом вздоре, я спать хочу.

Следующим утром мы распаковали свои ящики и выбрали несколько великолепных подарков для Бауси, чтобы смягчить его царственное сердце. Мы взяли рулон ситца, несколько ножей, музыкальную шкатулку, дешевый американский револьвер, упаковку зубочисток и несколько фунтов самых модных бус для жен короля. Эти богатые дары мы отправили королю с двумя нашими слугами-мазиту Томом и Джерри. Их сопровождал вооруженный конвой. Я рассчитывал, что послы расскажут своим сородичам, какие мы хорошие люди, и дал соответствующие наставления.

Вообразите наш ужас час спустя: мы приводили себя в порядок после завтрака, и вдруг в воротах показалась процессия, но то были не Том и Джерри – они бесследно исчезли, – а воины, каждый из которых нес по одной вещи из посланных нами королю. Последний водрузил на лохматую голову зубочистки, словно большую вязанку хвороста. Один за другим они

разложили наши дары на глиняном полу самой большой хижины. Потом старший воин торжественно произнес:

– Великий Черный не нуждается в подарках белых людей.

– В самом деле? – раздраженно отозвался я. – Раз так, ему больше не представится случая получить их.

Мазиту ушли, не сказав больше ни слова. Вскоре после их ухода явился Бабемба в сопровождении пятидесяти воинов.

– Король ждет вас, белые господа, – сказал он с напускной веселостью, – я пришел, чтобы проводить вас к нему.

– Почему он не принял наших даров? – спросил я, указывая на возвращенные вещи.

– Ох, все это из-за Имбоцви, он рассказал о магическом щите. Король заявил, что не желает даров, которые опаляют волосы. Но пойдемте скорее! Король сам все объяснит. Если Черного слона заставляют ждать, он злится и трубит.

– Вот как? А сколько нас должно к нему пойти? – спросил я.

– Все-все, белый господин. Король желает видеть всех вас.

– Я полагаю, кроме меня, – проговорил Сэм, стоявший рядом. – Мне нужно готовить еду.

– Нет, ты тоже должен идти, – ответил Бабемба. – Король пожелает увидеть того, кто сварил тот священный напиток.

Вариантов не было, и мы пошли – разумеется, вооруженные до зубов. Сразу за порогом хижины нас окружили воины. Чтобы подчеркнуть важность момента, я велел Хансу идти первым, держа на голове отвергнутую королем музыкальную шкатулку, которая играла трогательную мелодию «Дом, милый дом». За ним шествовал Стивен с английским флагом на шесте, следом я и охотники в сопровождении Бабембы, упирающийся Сэм и два наших осла, которых вели мазиту. Видимо, король особо распорядился, чтобы не забыли привести ослов.

Думаю, со стороны процессия выглядела презабавно, и в иной ситуации я засмеялся бы. Зато наш вид действовал на других: оживились даже молчаливые конвоиры-мазиту. Очевидно, их растрогал «Милый дом», а еще больше впечатлили осла, которые то и дело ревели.

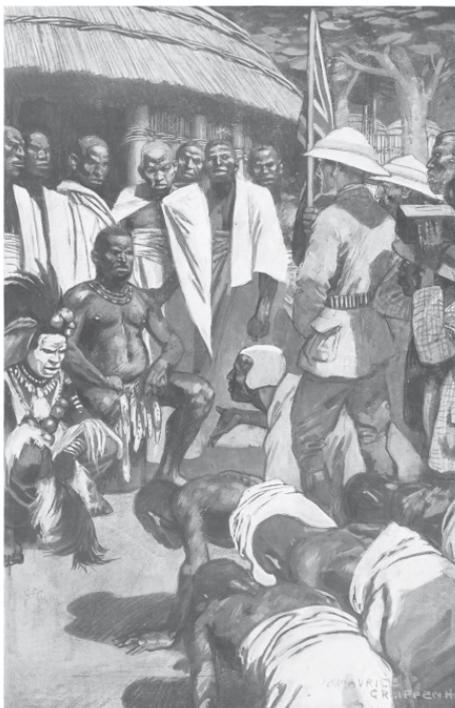
– Где Том и Джерри? – спросил я Бабембу.

– Не знаю, – ответил он. – Думаю, им разрешили отдохнуть, навестить друзей.

«Имбоцви удалил наших предполагаемых сторонников», – подумал я и больше ничего не сказал.

Вскоре мы добрались до королевского жилища. Здесь, к моему недовольству, воины отобрали у нас ружья, револьверы и даже охотничьи ножи. Тщетно я, протестуя, твердил, что мы не привыкли расставаться с нашим оружием. На это мне ответили, что к королю нельзя являться даже с простой палкой. Мавово и зулусы хотели оказать сопротивление. Я уже думал, что неизбежна стычка, которая, конечно, закончилась бы нашей гибелью. Разве справились бы мы с сотнями мазиту, пусть даже они страшились наших ружей? Я приказал Мавово подчиниться, но он впервые хотел послушаться. Тут мне пришла в голову удачная мысль напомнить ему, что, согласно его предсказанию, явится Догита и все закончится хорошо. Тогда Мавово смирился, но весьма неохотно, и наши драгоценные ружья унесли неведомо куда.

Воины мазиту сложили свои копья и луки у ворот крааля, и мы отправились дальше только с флагом и со шкатулкой, которая играла теперь «Правь, Британия».

Мы... наконец ощутились перед августейшим ликом Прекрасного Черного, Бауси, короля мазиту.

Через пустырь, на котором росло несколько деревьев с широкими листьями, мы прошли к большому туземному дому. У дверей на табурете сидел немолодой сердитый толстяк. Он был почти голым, если не считать мучи²² из кошачьих шкур и крупных синих бус на шее.

– Король Бауси! – прошептал Бабемба.

Горбуна, сидевшего на корточках у ног короля, я узнал без труда, хотя Имбоцви раскрасил опаленный череп белым и оранжевым, а на курносый нос надел бордовый наконечник, в общем, принарядился. Вокруг короля застыли молчаливые индуну – советники.

По условному сигналу на некотором расстоянии от правителя все воины, включая Бабембу, опустили на колени и поползли. Они хотели, чтобы мы сделали то же самое, но я категорически отказался, понимая, что, если поползем однажды, будем ползать вечно.

Гордо выпрямившись, очень медленно ступали мы среди ползущих по земле людей и наконец ощутились перед августейшим ликом Прекрасного Черного, Бауси, короля мазиту.

²² Муча – набедренная повязка.

Глава X

Смертный приговор

Мы смотрели на Бауси, а тот на нас.

– Я – Черный слон Бауси! – воскликнул он, раздраженный нашим упорным молчанием. – Я трублю, трублю, трублю!

По-видимому, с такой древней священной формулировки короли мазиту начинают разговор с чужестранцами.

После соответствующей паузы я холодно ответил:

– Мы – белые львы, Макумазан и Вацела. Мы рычим, рычим, рычим!

– Я могу топтать! – сказал Бауси.

– А мы можем кусать! – хвастливо ответил я, хотя не представлял, чем нам кусать, если у нас нет ничего, кроме флага.

– Что это? – спросил Бауси, указывая на флаг.

– То, что осеняет целый мир, – гордо ответил я.

Мое замечание впечатлило короля, хотя он совершенно его не понял, так как приказал воину держать над собой зонтик из пальмовых листьев, чтобы тень от нашего флага не падала на его королевское величество.

– А что это шумит, хоть и неживое? – снова полюбопытствовал король, указывая на музыкальную шкатулку.

– Это ящик, поющий военную песнь нашего народа, – сказал я. – Мы послали тебе его в дар, и наш дар был отвергнут. Почему ты вернул наши подношения, о Бауси?

Внезапно король мазиту разгневался.

– Зачем вы пришли сюда, белые люди? – спросил он. – Зачем пришли без приглашения, вопреки закону моей страны, куда имеет доступ только один белый человек, мой брат Догита, с помощью ножа исцеливший меня от болезни? Я знаю, кто вы. Вы торговцы людьми. Вы пришли сюда, чтобы похищать моих людей и продавать их в рабство. С вами было много рабов, но вы отпустили их на границе моей земли. Вы, именующие себя львами, умрете, а цветная тряпка, которая, по вашим словам, осеняет целый мир, сгниет вместе с вашими костями. Я разобью вашу коробку, которая поет военную песню. Она не околдует меня, как ваш магический щит, который околдовал великого колдуна Имбоцви и сжег его волосы!

Бауси вскочил с проворством, удивительным для толстяка, и сбил музыкальную шкатулку с головы Ханса. Шкатулка упала на землю и, немного погудев, затихла.

– Правильно! – завизжал Имбоцви. – Растопчи их колдовство, о Слон! Убей их, о Черный Бауси! Сожги их так же, как они сожгли мои волосы!

Я понял, что наше положение крайне опасно: Бауси оглядывался по сторонам и явно намеревался натравить на нас свое воинство. Тогда я в отчаянии воскликнул:

– О король! Ты упомянул белого человека Догиту, врача из врачей, с помощью ножа исцелившего тебя от болезни, и назвал его своим братом. Догита и нам брат, по его приглашению мы пришли сюда и скоро должны с ним встретиться.

– Друзья Догиты – мои друзья, – ответил Бауси, – ибо на этой земле он правит наравне со мной. Его кровь течет в моих жилах, а в его жилах течет моя кровь. Но вы лжете! Догита не может быть братом работоторговцев. У него доброе сердце, а у вас злое. Вы говорите, что он должен здесь с вами встретиться. Когда это будет? Если скоро, то я удержу свою карающую длань и подожду его, чтобы услышать, что он о вас скажет. Ибо, если он скажет хорошее, вы не умрете.

Я замялся. Поскольку Бауси считал нас работоторговцами, он злился не без причины. Пока я обдумывал ответ, который устроил бы короля и не загнал бы нас в тупик, произошло нечто неожиданное: вперед выступил Мавово.

– Кто ты? – закричал Бауси.

– Я воин, о король! Свидетельство тому – мои шрамы. – Мавово указал на следы, оставленные ассегаем у него на груди, и на свою разрезанную ноздрю. – Я вождь народа, от которого происходит твой народ, зовут меня Мавово. Я готов сразиться с тобой или с любым из твоих людей, готов убить тебя или любого другого. Есть здесь желающие быть убитыми?

Никто не отозвался: уж очень внушительно выглядел могучий зулус.

– Кроме того, я колдун, – продолжал Мавово, – причем один из самых могущественных. Я способен открывать ворота расстояния и читать скрытое в чреве будущего. Поэтому я отвечу на вопросы, которые ты задал белому господину, Макумазану, великому и мудрому, которому я служу, ибо мы сражались вместе во многих битвах. Да, я буду его устами и отвечу так: белый человек Догита, твой кровный брат, чье слово для мазиту имеет тот же вес, что твое слово, прибудет сюда через два дня на закате солнца. Я все сказал!

Бауси вопросительно посмотрел на меня.

– Да, – изрек я, чувствуя, что молчать нельзя, – Догита прибудет сюда на третий день, считая от сегодняшнего, через полчаса после заката солнца.

Что-то побудило меня прибавить эти лишние полчаса, которые в итоге спасли нам жизнь. Потом Бауси советовался с мерзавцем Имбоцви и с одноглазым стариком Бабембой, а мы смотрели на них, зная, что от исхода этого совещания зависит наша судьба.

Наконец король вновь заговорил:

– Белые люди! Имбоцви, глава наших колдунов, волосы которого вы сожгли с помощью злых чар, считает, что лучше убить вас немедленно, ибо сердца у вас злые и вы замышляете недоброе против моего народа. Я тоже так думаю. Но Бабемба, на которого я сердит за то, что он не исполнил моего приказа и не предал вас смерти на границе моей земли, когда встретил с невольничьим караваном, считает иначе. Он умоляет меня не спешить и заступает за вас. Во-первых, вы колдовством расположили его к себе, во-вторых, если вы говорите правду (во что мы не верим) и действительно пришли сюда по приглашению моего брата Догиты, то он огорчится, увидев вас мертвыми и не имея возможности вернуть вам жизнь. Это верно. Мне же безразлично, умрете вы сейчас или позже. Поэтому я решил держать вас пленниками до заката солнца указанного вами дня. Вечером того дня вас выведут на площадь и привяжут к столбам, где вы дождетесь наступления темноты, когда, по вашим словам, должен явиться Догита. Если он придет и назовет вас братьями, будет хорошо. Если же Догита не посетит нас или при встрече отзовется о вас дурно, будет еще лучше – вас пронзят стрелами в упреждение другим похитителям людей: пусть не переступают границ страны мазиту!

Я с ужасом выслушал этот суровый приговор, потом проговорил:

– Мы не похитители людей, о король! Мы скорее освободители, как это могут засвидетельствовать Том и Джерри, твои соплеменники.

– Кто такие Том и Джерри? – равнодушно спросил Бауси. – Хотя какая разница? Они наверняка лгуны вроде вас. Я все сказал! Уведите пленников. Хорошо кормите их и охраняйте до заката солнца назначенного дня.

Бауси встал, не позволив нам добавить ни слова, и удалился в большую хижину в сопровождении Имбоцви и советников. Нас увели под удвоенной охраной с военачальником, которого мы раньше не видели. У ворот крааля мы остановились и потребовали, чтобы нам возвратили отобранное у нас оружие. Вместо ответа воины положили нам руки на плечи и погнали дальше.

– Вот так дела! – шепнул я Стивену.

– Ничего страшного, – ответил он, – в хижинах у нас еще много ружей. Мне говорили, что мазиту ужасно боятся пуль. Начнем стрелять, и они разбегутся.

Я молча посмотрел на него – сказать правду, мне не хотелось спорить.

Воины подвели нас к хижинам и расположились снаружи. Стивен, горевший желанием поскорее осуществить свой воинственный план, сразу бросился в хижину, где мы держали ружья, отнятые у работорговцев, свои запасные винтовки и патроны. Вышел он побледневшим, и я спросил, в чем дело.

– В чем дело? – со смятением в голосе повторил он. – Дело в том, что мазиту украли у нас ружья и патроны. Ни крупинки пороха не оставили, теперь и огоньку в «Синий дьявол» не добавишь!

– Попросим мазиту, они и без коктейля огоньку нам добавят! – пошутил я, невзирая на смертельную опасность, которая нам угрожала.

Положение наше было ужасным. Пусть читатель представит его себе. Чуть более сорока восьми часов, и нас расстреляют из луков, если чудаковатый джентльмен, которого, может, уже нет в живых, к тому времени не появится здесь, в одной из самых труднодоступных точек Центральной Африки. Единственная наша гарантия – пророчество кафрского колдуна.

Надеяться на туземные гадания было глупо, вот я и стал думать о том, как бы нам спастись, но после нескольких часов размышлений ничего толкового мне в голову не пришло. Даже опытный и дьявольски хитрый Ханс разводил руками. Нас, безоружных, окружали тысячи дикарей, и все они, за исключением одного Бабембы, считали нас работорговцами, которых с полным основанием ненавидели. Ведь мы якобы явились, чтобы похитить у мазиту жен и детей. Король Бауси был настроен категорически против нас. Теперь я горько раскаивался в своей глупой шутке – и вообще раскаивался, что организовал экспедицию, в которую, по крайней мере, не стоило отправляться без Брата Джона. Из-за моей неосмотрительности мы нажили себе неумолимого врага в лице главного колдуна мазиту – для этого племени он был вроде архиепископа Кентерберийского. Нам оставалось лишь уповать на чудо и молиться, готовясь к неизбежному концу.

Правда, Мавово хранил бодрость духа благодаря воистину трогательной вере в свою змею. Он предложил погадать еще раз в нашем присутствии, дабы продемонстрировать, что в его пророчестве нет ошибки. Я отказался, ибо не верю в гадание. Стивен тоже отказался, но по другой причине. Он считал, что, если результат будет иным, на нас это подействует угнетающе. Зулусы колебались между верой и скептицизмом, как случается с неустойчивыми личностями, приступающими к изучению христианской апологетики. А вот Сэм не ведал колебаний, то есть буквально выл от страха, а еду готовил так плохо, чтостряпню я поручил Хансу. Аппетит у нас пропал, но нужно было поддерживать силы.

– Мистер Квотермейн, к чему готовить изысканные блюда, если наши организмы не успеют извлечь из них пользы? – сквозь слезы вопрошал Сэм.

Прошла первая ночь, за ней следующий день и следующая ночь, которую сменило последнее утро. Я поднялся очень рано и наблюдал за восходом солнца. Никогда еще восход не казался мне таким прекрасным, как сегодня, когда я попрощался с ним навсегда. Если только там, по ту сторону жизни, меня не ждут восходы еще прекраснее этого. Я вернулся в хижину. Стивен, толстокожий, как носорог, спал, словно черепаха зимою. Я вознес к небу искреннюю молитву и покаялся в своих грехах, коих набралось столько, что в отчаянии бросил это занятие и занялся чтением Ветхого Завета, который мне всегда нравился.

Попался мне псалом, описывающий, как пророк Самуил (вместо «Самуил» мне мерещилось «Имбоцви») рассекает Агага на части, после того как Бауси, то есть Саул, смилоствился и сохранил Агагу жизнь. Не слишком меня это утешило. Вне сомнений, мазиту верили, что я

подобен Агагу, чей меч «лишал жен детей их», значит суждено мне, по примеру злосчастливого царя амаликитян, отправиться, дрожа, навстречу своей участи²³.

Стивен все спал – как он только мог?! – и я занялся подсчетом расходов на нашу экспедицию на сегодняшний день. Она стоила уже одну тысячу четыреста двадцать три фунта. Только подумайте, истратить одну тысячу четыреста двадцать три фунта для того, чтобы нас привязали к столбу и расстреляли из луков! И все ради редкой орхидеи! «Ох, – говорил я себе, – если я чудом спасусь или попаду туда, где растут эти особенные цветы, то и краем глаза на них не взгляну». Кстати, взглянуть мне так и не довелось.

Наконец Стивен проснулся. Он плотно позавтракал, как завтракают, если верить газетам, перед казнью все преступники.

– К чему терзать себя? – удивился он. – Если бы не мой бедный отец, я вообще не тревожился бы. Конец ведь неминуем. Как там в колыбельной поется: «Чем скорее день пройдет, тем скорей уснешь»? Сон – вещь хорошая, только во сне человек абсолютно счастлив. Однако, прежде чем уснуть навеки, мне хотелось бы взглянуть на *циприпедиум*.

– Черт поberi ваш *циприпедиум*! – выпалил я и бросился вон из хижины. – Скажу Сэму, что, если он не перестанет стонать, я голову ему проломлю!

– Нервы! Вот что значит нервы! И это Квотермейн! – сетовал Стивен, закуривая трубку.

Утро промелькнуло, по замечанию Сэма, как «смазанная жиром молния». В три пополудни Мавово и охотники принесли козленка в жертву духам своих предков. Это Сэм назвал «ужасным языческим обрядом, в котором нас обвинят, когда мы предстанем перед высшими силами».

После жертвоприношения, к моей радости, явился Бабемба, такой веселый, что я подумал, не принес ли он добрых вестей. Может, король помиловал нас или, еще лучше, Брат Джон прибыл раньше срока.

Увы, ничего подобного. Бабемба сказал только, что его дозорные прошли миль сто по дороге к побережью и следов Догиты не обнаружили. Черный слон, подстрекаемый Имбоцви, злится все сильнее, поэтому вечерняя церемония неминуема. Бабембе поручили следить, как воины ставят столбы, к которым нас привяжут, и роют могилы у их основания, вот он и хотел пересчитать нас, чтобы не ошибиться в числе. Если мы желаем, чтобы с нами похоронили какие-нибудь вещи, следовало сообщить Бабембе: он позаботится, чтобы наше желание исполнили. Казнь будет быстрой и для нас не мучительной, ведь Бабемба выбрал самых метких лучников города Беза, способных уложить буйвола.

Бабемба еще немного поболтал и спросил, где магический щит, подаренный ему мной. Он обещал хранить его как память... Потом Бабемба взял у Мавово понюшку табаку и ушел, сказав, что вернется в надлежащее время.

Четыре пополудни. Сэм сидел тише воды ниже травы, и Стивен приготовил чай сам. Получилось отлично, ведь мы сдобрили чай молоком, хотя этот вкус я оценил гораздо позднее.

Надежды на спасение не осталось, и я уединился в хижине, чтобы подготовиться встретить смерть так, как подобает джентльмену. В полумраке и тишине мне стало куда спокойнее. «К чему, в конце концов, цепляться за жизнь?» – думал я. Читателям, которые следят за моими приключениями, известно, что в той запредельной дали, куда меня собирались отправить, ждали те, по кому я стосковался, – мои родители и две благородные, очень дорогие мне женщины. Мой сын останется один (тогда он был еще жив), но я не сомневался, что друзей он найдет. Я, в ту пору человек состоятельный, сумел должным образом его обеспечить. Может, и лучше, что я ухожу, ведь в долгой жизни больше тягостей и разлук.

Каким получится грядущее путешествие, я не представлял, но твердо знал: это не конец существования и не сон, как говорил Стивен. Может, я попаду в край, где тучи наконец раз-

²³ Имеется в виду ветхозаветный сюжет (1Цар. 15: 32, 33).

бегутся и возникнет ясность; там я увижу прошлое и будущее, как орел с небес, а не как тварь, которая пробивается сквозь густой кустарник, боится змей и дикого зверья, страшится грома и молний и не знает, куда ведет ее путь. Может, в том краю не властен закон, который святой апостол Павел называет «иным, противоборствующим закону ума моего и делающим меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих»²⁴. Может, в том краю деяния прошлого простит мне Сила, которой ведома моя сущность, и я стану тем, кем хотел быть всегда, – абсолютным праведником – и даже узрею новые пути служения, открытые мне. Эти мысли я переношу из записной книжки, в которой их тогда зафиксировал.

Хорошенько поразмыслив, я написал несколько коротких прощальных писем в глупой, несбыточной надежде, что они дойдут до адресатов. Эти письма у меня сохранились, очень странно сейчас их перечитывать. Потом я мысленно обратился к Брату Джону, чтобы уведомить его (как это однажды у меня вышло) о нашем бедственном положении и упрекнуть его в том, что он, по своей безумной беспечности и недостатку веры, довел нас до такого конца.

Пока я этим занимался, пришел с воинами Бабемба, чтобы отвести нас к месту казни. О его приходе сообщил мне Ханс. Бедный старый готтентот вытер слезы рукавом рваной куртки и пожал мне руку.

– Ох, баас, мы отправляемся в последний путь, – сказал Ханс. – Бааса убьют, и все из-за меня. Я должен был придумать, как спастись, для этого меня и нанимали. Но я не придумал, ничего не придумал. Ах, как поглупела моя голова! Вот бы с Имбоцви поквитаться, но я поквитаюсь, поквитаюсь, когда вернусь сюда в виде духа. Предикант, отец бааса, рассказывал, что мы не сгораем, покидая этот мир, а пылаем вечно.

«Надеюсь, отец ошибся», – подумал я.

– Мы горим вечно, и за дрова платить не нужно. Я очень надеюсь, что мы с баасом будем гореть вместе. Пока же я принес баасу вот что. – Ханс показал мне нечто вроде особенно уродливых конских бобов. – Баас примет это и ничего не почувствует. Это очень хорошее снадобье, дед моего деда получил его от духа своего племени. Баас уснет от него как пьяный и проснется в прекрасном огне другого мира, который горит без дров и никогда не гаснет, аминь.

– Нет, Ханс, я предпочитаю умереть с открытыми глазами.

– Я тоже предпочел бы, баас, если бы дело того стоило. Но я больше не верю змее черного глупца Мавово. Была бы змея умной, посоветовала бы ему обойти город Беза стороной. Поэтому один шарик я проглочу сам, а другой предложу баасу Стивену. – Ханс сунул грязный комочек в рот и проглотил с трудом, словно молодой индюк, схвативший слишком большой кусок.

Тут я услышал, как меня зовет Стивен, и оставил Ханса осыпать выразительными проклятиями на разных языках колдуна Имбоцви, которого он вполне справедливо считал виновником наших бед.

– Наш друг твердит, что пора идти, – пробормотал Стивен дрожащим голосом, – по видимому, он наконец почувствовал ситуацию – и указал на старого Бабембу, который весело улыбался с таким видом, будто собирался проводить нас на свадьбу.

– Да, белый господин, уже пора. Я поспешил сюда, чтобы не заставлять вас ждать. Церемония обещает получиться очень зрелищной: соберется не только все население города Беза и его дальних окрестностей, но и сам Черный слон почтит ее присутствием.

– Придержи свой язык и перестань скалиться, старый дурак! – бросил я. – Будь ты настоящим другом, выручил бы нас из беды. Понимаешь ведь, что мы не торговцы людьми, а скорее враги тех, кто занимается такими делами.

– О белый господин, поверь, улыбаюсь я лишь потому, что хочу тебя поддержать! – сказал Бабемба изменившимся голосом. – Мои уста смеются, но в глубине души я плачу. Я знаю, вы

²⁴ Измененная цитата из Послания к Римлянам, 7: 23.

хорошие люди, и говорил об этом Бауси, но он не верит мне, думая, что я подкуплен вами. Что я могу поделаться с этим злым Имбоцви, главным колдуном, который ненавидит вас, потому что вы превзошли его колдовской силой? Имбоцви день и ночь шепчет королю на ухо, что, если тот не убьет вас, весь наш народ истребят или продадут в рабство, так как вы лазутчики большого войска, идущего следом. Вчера вечером был индаба, и Имбоцви устроил гадание. О большом войске и о многом другом он прочел в заколдованной воде и красочно описал королю. Я заглядывал Имбоцви через плечо, но увидел в воде лишь его уродливое отражение. Помимо того, он клялся, что его дух сообщил ему о смерти Догиты, кровного брата короля. Мол, Догита никогда больше не придет в город Беза. Я сделал все что мог. Не держи на меня зла, Макумазан, а когда станешь духом, не преследуй. При удобном случае я отомщу Имбоцви, если только он не отравит меня первым. Клянусь, он умрет не так быстро, как вы!

– Вот бы мне ему отомстить! – пробормотал я. Даже в такой важный момент я не мог относиться к Имбоцви по-христиански.

Старый Бабемба говорил искренне, и я, пожав ему руку, вручил свои письма с просьбой при возможности переслать их на побережье. После этого мы отправились в свой последний путь.

Зулусские охотники уже ждали за изгородью – сидели на земле, болтали и нюхали табак. Мне хотелось понять, в чем причина их спокойствия – в искренней вере в змею Мавово или в природном мужестве. При виде меня зулусы вскочили, подняли правую руку и приветствовали меня громкими, бодрими восклицаниями: «Инкози! Баба! Инкози! Макумазан!» По знаку Мавово они затянули зулусскую военную песню и пели ее до тех пор, пока мы не достигли места казни. Сэм тоже «пел», только совершенно о другом.

– Замолчи! – приказал ему я. – Неужели ты не можешь умереть как мужчина?

– Не могу, мистер Квотермейн, – ответил тот и продолжил вопить, моля о пощаде приблизительно на двадцати разных языках.

Мы со Стивеном шли рядом. Он по-прежнему нес английский флаг, который никто у него не отнимал. Должно быть, мазиту считали этот флаг его фетишем. Говорили мы мало. Только раз Стивен произнес:

– Да, любовь к орхидеям сгубила немало людей. Интересно, сохранит отец мою коллекцию или продаст ее?

Затем Стивен погрузился в молчание. Я не знал, что станет с его коллекцией, и не горел желанием узнать, поэтому не ответил.

Прогулка получилась короткой, лично я предпочел бы подольше. Мы под конвоем прошли по некоему подобию улицы и внезапно очутились на рыночной площади, которую переполняли собравшиеся посмотреть на нашу казнь. Я заметил, что люди стоят группами, а в середине оставлен широкий проход до южных ворот рынка, вероятно, для того, чтобы облегчить движение большой толпе.

Встретили нас почтительным молчанием. Завывания Сэма вызывали улыбки, а зулусская военная песня не то удивляла, не то восхищала. В конце площади, недалеко от ограды королевского жилища, установили пятнадцать столбов на возвышениях. Их насыпали, чтобы казнь увидел каждый из собравшихся, землю для них взяли (по крайней мере, частично) из пятнадцати глубоких могил, вырытых рядом. Точнее, столбов было семнадцать: первым и последним в ряду стояли особо крепкие столбы для наших ослов, по-видимому тоже приговоренных к расстрелу. На открытом месте перед возвышениями ждал большой отряд воинов. Тут же устроились Бауси, его советники, старшие жены, Имбоцви, размалеванный еще страшнее обычного, и пятьдесят-шестьдесят стрелков из лука с большим запасом стрел. Нетрудно было догадаться, какая роль отведена стрелкам в предстоящей церемонии.

– Король Бауси! – сказал я, проходя мимо короля мазиту. – Ты убийца, и Небо отомстит тебе за это преступление. Если прольется наша кровь, ты скоро умрешь и встретишься с нами там, где мы имеем силу, а народ твой будет истреблен!

Мои слова, казалось, испугали Бауси, и он ответил:

– Я не убийца! Я казню вас как похитителей людей. Кроме того, к смерти приговорил вас не я, а Имбоцви, главный колдун, рассказавший мне все о вас. Его дух говорит, что вы должны умереть, если мой брат Догита не появится и не спасет вас. Если Догита придет (что невозможно, ибо он мертв) и поручится за вас, я буду знать, что Имбоцви подлый лжец, и вместо вас умрет он.

– Да-да! – взвизгнул Имбоцви. – Если придет Догита, как предсказывает этот ложный колдун, – он указал на Мавово, – я готов умереть вместо вас, белые работорговцы. Да-да, тогда вы можете расстрелять меня из луков!

– Король Бауси и народ мазиту, запомните эти слова! Запомните, ибо они должны быть исполнены, если придет Догита, – твердым голосом произнес Мавово.

– Я запомню их, – пообещал Бауси, – и во всеуслышание клянусь моей матерью в том, что они будут исполнены, если только придет Догита.

– Хорошо, – проговорил Мавово и направился к указанному ему столбу.

По дороге он что-то шепнул Имбоцви на ухо, что, по-видимому, испугало это исчадие ада, так как он отшатнулся и задрожал. Однако скоро колдун оправился и через минуту уже отдавал приказания тем, кому поручили привязать нас к столбам.

Сделали это просто и надежно: плетеной веревкой скрутили нам руки позади столбов, выступающие бруски которых проходили у нас под мышками и не давали шевельнуться. Нам со Стивеном отвели почетное место в центре. По просьбе Стивена к верхушке его столба прикрепили английский флаг. Мавово привязали справа от меня, остальных зулусов – по разные стороны от нас. Ханс и Сэм занимали предпоследние столбы, по краям поставили злосчастных ослов. Я заметил, что Ханс очень сонный; голова его свесилась на грудь. Очевидно, снадобье подействовало, и я почти раскаивался, что отказался, когда Ханс предлагал его мне.

Когда все было готово, Имбоцви обошел нас, чтобы проверить путы и каждому начертить мелом на груди кружок – мишень для стрелков.

– А, белый человек! – прошипел он, разрисовывая мелом мою охотничью куртку. – Больше ты никому не сожжешь волосы своим магическим щитом. Никому и никогда, ибо я стану топтать землю, в которую тебя зароят, и присвою твое имущество.

Я не ответил. Если времени в обрез, зачем тратить его на разговоры с этим подлецом? Имбоцви подошел к Стивену и принялся чертить мишень. Стивен, еще способный на естественную человеческую реакцию, закричал:

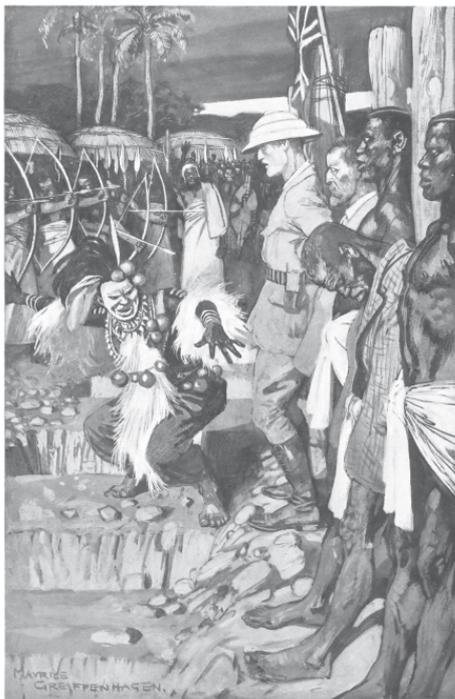
– Убери прочь свои грязные лапы!

Одна нога у Стивена оставалась свободной, и он так пнул раскрашенного колдуна в живот, что тот полетел в разрытую могилу.

– Молодец, Вацела! – закричали зулусы. – Надеемся, что ты убил его!

– Я тоже надеюсь, – отозвался Стивен.

Зрители изумленно наблюдали за таким обращением со священной особой, – по-видимому, главного колдуна очень боялись. Только Бабемба ухмылялся, да и король Бауси не проявлял особенного неудовольствия.

«Да-да! – взвизнул Имбоцви. – Если придет Догита, как предсказывает этот ложный колдун, я готов умереть вместо вас, белые работаровцы».

Но Имбоцви было не так легко убить. С помощью своих приспешников, младших колдунов, он, весь в грязи, с проклятиями выкарабкался из ямы. После этого я не смотрел в их сторону. Жить мне оставалось всего полчаса, и я занялся другим.

Глава XI

Прибытие Догиты

Закат того дня был не менее прекрасен, чем заря. Сгустились тучи, что означало неминуемую грозу, как это всегда бывает в Африке. Солнце напоминало большой красный глаз, на который внезапно опустилось черное веко в обрамлении пурпурных ресниц. «В последний раз смотрю я на тебя, дружище, – подумал я. – Если в ближайшее время тебя не догоню».

Смеркалось. Король оглядел небо, опасаясь дождя, потом что-то шепнул Бабембе. Тот кивнул и направился к моему столбу.

– Белый господин, – начал он, – Черный слон желает знать, готов ли ты, ибо скоро станет слишком темно для стрельбы.

– Нет, – решительно ответил я. – Готов я буду не раньше чем через полчаса после захода солнца, как было условлено.

Бабемба подбежал к королю, потом снова вернулся ко мне:

– Белый господин! Король говорит, что уговор остается уговором, и слово он сдержит. Только не брани его, если наши лучники будут плохо стрелять. Король не знал, что настанет такой пасмурный вечер, поскольку в это время года редко бывает гроза.

Стремительно темнело, мы словно погружались в лондонский туман. Плотные ряды зрителей казались берегами, лучники, которые сновали туда-сюда, готовясь к стрельбе, – тенями подземного царства. Пару раз блеснула молния, после паузы вдали гремело. Воздух становился душным и тяжелым. Зрители молчали и не двигались. Даже Сэм затих, наверное, выбился из сил и лишился чувств, как бывает с осужденными перед самой казнью. Во всем ощущалась торжественность. Природа точно примирилась с предстоящей жертвой и готовила нам величественную усыпальницу.

Наконец я услышал, как стрелы вынимают из колчанов, потом писклявый голос Имбоцви:

– Погодите, пусть уплывет вон то облако, – советовал он. – Будет светлее. Пусть белые люди видят, как летят стрелы.

Облако медленно плыло прочь, брызнул зеленоватый свет. Раздался голос старшего лучника:

– Можно стрелять, Имбоцви?

– Нет, еще нет. Надо, чтобы белые люди увидели свою смерть.

Облако ушло, и в лучах заката зеленоватый свет превратился в огненно-алый, озарил черные тучи. Казалось, земля пылает, но небеса сохраняли прежний чернильный оттенок. Снова сверкнула молния, осветила лица тысяч зрителей, и я даже заметил, как блеснули белые зубы летучей мыши, несущейся прочь. Вспышка молнии словно воспламенила нижнюю кромку облачной завесы. Свет становился все ярче и ярче, все алее и алее.

Имбоцви зашипел, как змея. Запела тетива, и почти в тот самый миг чуть выше моей головы в столб вонзилась стрела – я мог бы задеть ее макушкой, потянувшись вверх. Я закрыл глаза, и пред моим внутренним взором пронеслись видения давно забытого прошлого. Образы закружились и слились в общую картину. Среди напряженного молчания мне послышался тяжелый топот, будто кто-то вспугнул крупную антилопу. Чей-то вопль заставил меня открыть глаза. Сначала я увидел отряд стрелков мазиту с поднятыми луками. Очевидно, первый выстрел был пробным. Потом я увидел высокого человека верхом на белом быке, который несся к месту казни по проходу, тянувшемуся от южных ворот рыночной площади.

Было ясно, что у меня начался бред: всадник на быке удивительно напоминал Брата Джона. Я видел и длинную седую бороду, и сачок, ручкой которого ездок погонял быка. Голову человека и громадные бычьи рога украшали цветочные гирлянды. По сторонам от всадника

бежали девушки, тоже в венках. Галлюцинации, чистой воды галлюцинации... Я снова закрыл глаза, ожидая роковой стрелы.

– Стреляйте! – велел Имбоцви.

– Нет, стойте! – закричал Бабемба. – Догита явился!

Последовала короткая пауза, и я услышал, как стрелы падают на землю. Потом раздался тысячеустый крик:

– Догита! Догита пришел, чтобы спасти белых господ!

Вообще-то, нервы у меня крепкие, но, признаюсь, я не выдержал и на несколько минут потерял сознание. Во время обморока мне чудилось, что я говорю с Мавово. Было так на самом деле или только пригрезилось мне – не знаю, у Мавово я так и не уточнил.

Он спросил, или мне казалось, что он спрашивает:

– Что ты теперь скажешь, отец мой Макумазан? Стоит ли моя змея на хвосте или нет?

Ну же, я слушаю!

На это я будто бы ответил:

– Мавово, сын мой, стойт, конечно же. Впрочем, я считаю, что змея – плод нашего воображения. Мы живем в мире грез, где реально лишь то, что можно видеть, осязать и слышать. Нет ни меня, ни тебя, ни змеи, нет ничего, кроме Силы, в которой мы движемся. Эта Сила показывает нам различные образы и картины и смеется, когда мы принимаем их за реальные.

А Мавово будто бы сказал мне:

– А! Наконец-то ты договорился до истины, отец мой Макумазан! Все вещи – тень, и мы тени в тени. Но что отбрасывает тень, о мой отец Макумазан? Почему нам грезится Догита, приехавший сюда на белом быке, и по какой причине эти тысячные толпы уверовали, что моя змея твердо стоит на хвосте?

– Пусть меня повесят, если я знаю, – ответил я и очнулся.

Без сомнения, это был старый Брат Джон. Он и вправду украсил себя цветами – я с отвращением отметил, что это орхидеи, – и веночек вакхически свешивался с мятого пробкового шлема ему на левый глаз. Вне себя от гнева, Брат Джон бранил Бауси, который буквально пресмыкался перед ним. Я с не меньшей яростью обрушился на Брата Джона, но слов своих не помню. Зато не забуду, как седая борода Брата Джона бешено тряслась от негодования, когда, грозя королю ручкой сачка, он кричал:

– Ты собака! Ты дикарь, которого я спас от смерти и назвал братом! Что ты хотел сделать с этими белыми людьми – моими братьями – и их спутниками? Ты хотел убить их? Если так, я забуду свою клятву, забуду о том, что нас связывает...

– Не надо, пожалуйста, не надо! – взмолился Бауси. – Это ужасная ошибка. Во всем виноват главный колдун Имбоцви, которому я, по древнему обычаю нашего племени, должен повиноваться в таких делах. Он посоветовался со своим духом и объявил, что ты умер, а эти белые господа – самые злые из всех людей, работорговцы с запятнанной совестью, которые пришли сюда как лазутчики, чтобы истребить мазиту с помощью пуль и колдовства.

– Он лгал и знал, что лжет! – гремел Брат Джон.

– Да-да, ясно, что Имбоцви лгал, – ответил Бауси. – Приведите сюда его вместе с прислужниками.

Грозовые тучи разошлись с последним отблеском солнца, и при ярком свете луны воины начали усердно разыскивать Имбоцви и младших колдунов. Поймать удалось человек десять. Они были размалеваны так же, как и их главарь, и вид у них был отвратительный. Сам же Имбоцви исчез.

Я уже подумал, что колдун сбежал, воспользовавшись суматохой, как вдруг от крайнего столба (нас так и не отвязали) донесся голос Сэма, хриплый, но бодрый:

– Мистер Квотермейн! Будьте добры в интересах правосудия уведомить его величество, что вероломный колдун, которого он ищет, сидит на дне могилы, вырытой для моих бранных останков.

Я уведомил его величество – и Бабемба с воинами вмиг вытащили нашего приятеля Имбоцви из ямы и привели к королю.

– Освободите белых господ и их спутников, – приказал Бауси. – Пусть они придут сюда.

Пути были развязаны, и мы направились к месту, где стояли король и Брат Джон. Несчастный Имбоцви и его прислужники сбились перед ними в кучу.

– Кто это? – спросил колдуна Бауси, указывая на Брата Джона. – Не ты ли клялся, что его уже нет в живых?

Имбоцви, по-видимому, не думал, что этот вопрос требует ответа.

– Какую песню пел ты нам еще недавно? – продолжал Бауси. – Мол, если Догита придет, пусть тебя расстреляют из луков вместо этих белых господ, так?

Имбоцви снова промолчал, хотя Бабемба угостил его здоровенным пинком, чтобы он повнимательнее слушал короля. Тогда Бауси закричал:

– Ты осудил себя, о лжец, своими же устами! С тобой поступят так, как ты сам это решил, – объявил король и, вторя Илии, восторжествовавшему над пророками Вааловыми, добавил: – Уведите этих ложных пророков, и чтобы ни один из них не укрылся!²⁵ Правильно ли я поступил, о народ?

– Правильно! – дружно ответили собравшиеся. – Пусть их уведат.

– Не любят они Имбоцви, – задумчиво изрек Стивен. – Колдун попал в ту самую яму, которую рыл для нас. Поделом ему!

Повисла тишина, нарушил ее Мавово.

– Кто оказался ложным пророком? – насмешливо осведомился он. – Кто теперь испробует стрел, о рисовальщик белых кругов? – Он указал на мишень, которую, для удобства лучников, Имбоцви с таким злорадством начертил ему на груди.

Проклятый горбун понял, что дело плохо, припал к моим ногам и взмолился о пощаде. Стонал он так жалобно, что я, ошарашенный чудесным избавлением от смерти, был готов его помиловать. Я обернулся к королю, чтобы попросить его подарить колдуну жизнь, хотя на исполнение просьбы надеялся мало, ведь Бауси боялся и ненавидел Имбоцви и очень радовался возможности от него избавиться. Но Имбоцви истолковал мой порыв иначе: отвернуться от просителя для туземца означает отказать в просьбе. От гнева и отчаяния яд, пропитавший его черное сердце, полился через край. Из складок колдовского наряда Имбоцви вытащил большой кривой нож, бросился на меня, словно дикая кошка, и закричал:

– По крайней мере, со мной погибнешь и ты, белый пес!

«Колдун вершит судьбу колдуна», – гласит старая добрая зулусская пословица. Помня об этом, Мавово не спускал глаз с Имбоцви. Один прыжок – и Мавово настиг горбуна. Кривой нож коснулся меня и слегка оцарапал кожу – слава богу, не до крови, ведь лезвие наверняка было смазано ядом, – но в тот самый миг Мавово схватил Имбоцви и легко швырнул на землю, словно тот был малым ребенком. На этом подлая выходка закончилась.

– Пошли отсюда, – сказал я Стивену и Брату Джону, – здесь нам не место.

Нам удалось уйти беспрепятственно и незаметно: жители города Беза отвлеклись на другое. С рыночной площади доносились такие ужасные крики, что мы спешно заперлись у меня в хижине, чтобы не слышать их. К моей великой радости, в хижине царилась тьма, которая благотворно действовала на нервы. Хорошо, что я успел немного успокоиться к тому моменту, когда Брат Джон проговорил:

²⁵ 3 Цар. 18: 40.

– Друг мой Аллан Квотермейн и молодой джентльмен, имя которого мне неизвестно! Хочу сообщить вам то, о чем вряд ли упоминал прежде, – я не только доктор, но и священнослужитель Епископальной церкви Соединенных Штатов. Как священник, прошу позволить мне поблагодарить Всевышнего за ваше чудесное спасение.

– Конечно, – буркнул я за нас со Стивеном, и Брат Джон вознес к Небу прекрасную искреннюю молитву.

Возможно, он и был слегка не в своем уме, но в одаренности и порядочности ему никто не отказал бы.

Вскоре ужасные крики утихли, сменившись многоголосым ропотом. Мы вышли из хижины, усаелись под навесом, и я представил Брату Джону Стивена Сомерса.

– Теперь скажите на милость, – начал я, – откуда явились вы увенчанным цветами, словно римский жрец во время жертвоприношения, и верхом на быке, словно молодая особа, которую звали Европой?²⁶ Зачем вы так зло пошутили над нами в Дурбане – уехали, не сказав ни слова, хотя обещали проводить нас в эту дьявольскую дыру?

Брат Джон погладил длинную бороду и посмотрел на меня с упреком.

– По-моему, Аллан, тут вышло недоразумение, – проговорил он со своим американским акцентом. – Сначала отвечу на второй вопрос. Я не уезжал из Дурбана тайно. Покидая город, я оставил для вас письмо у вашего садовника, хромого гриквы Джека.

– В таком случае этот идиот либо потерял письмо и солгал мне, как это часто бывает с гриквами, либо вовсе забыл о нем.

– Вполне возможно, Аллан, зря я об этом не подумал. В том письме я писал, что буду ждать вас здесь, и намеревался прибыть в город Беза шесть недель назад. Кроме того, на случай моей задержки я отправил гонца к королю Бауси, чтобы предупредить о вашем приходе, но, по-видимому, с ним что-то случилось по дороге.

– Почему вы не поступили как разумный человек – не подождали в Дурбане, чтобы ехать вместе нами? – спросил я.

– Вы спрашиваете меня напрямик, Аллан, и я отвечу, хотя этой темы касаться не люблю. Я знал, что вы отправитесь сюда через Килву. Если много людей и много багажа, это единственный вариант. Мне же не хотелось посещать эти места. – Брат Джон сделал небольшую паузу и продолжил: – Давным-давно, почти двадцать три года назад, я с молодой женой прибыл в Килву в качестве миссионера. Мы построили миссию, церковь и довольно успешно несли службу. Мы были очень счастливы. Но в один злополучный день в Килву приплыли арабы на своих дау, чтобы устроить там пункт торговли невольниками. Я воспротивился. В конце концов они напали на нас, убили большую часть моих людей, а остальных обратили в рабство. В той схватке меня полоснули саблей по голове. Видите, вот шрам. – Брат Джон откинул волосы и показал нам длинный шрам, который мы ясно различили при свете луны. – Удар оглушил меня, я лишился чувств – случилось это вечером, на закате, – а когда очнулся, уже рассвело. В миссии осталась лишь старуха, которая ухаживала за мной. Она почти обезумела от горя, ведь ее мужа и двух старших сыновей арабы убили, а дочь и младшего сына похитили. Я спросил, где моя молодая жена, и в ответ услышал, что ее тоже увезли. С того времени прошло восемь, а то и десять часов. Арабы заметили на море огни, решили, что это английский военный корабль, крейсирующий вдоль побережья, и бежали вглубь страны. Перед тем как уйти, они добились раненых, меня же сочли мертвым и не тронули. Сама же старуха спряталась на прибрежных скалах, после ухода арабов вернулась в дом и обнаружила меня – полуживого от сабельного удара. Я спросил ее, где сейчас может быть моя жена. Женщина точно не знала, но слышала, что арабы направились куда-то за сотню миль от берега для встречи со своим

²⁶ *Европа* – в греческой мифологии дочь финикийского царя Агенора; была похищена Зевсом, принявшим вид белого быка.

предводителем, негодяем по имени Хасан бен Магомет, которому намеревались подарить мою жену. Мы знали этого негодяя, так как по прибытии в Килву, еще до нападения на миссию, он заболел оспой и моя жена его выхаживала. Если бы не она, он наверняка умер бы. В нападении на миссию он не участвовал, хоть и был предводителем шайки, потому как организовал другой набег внутри страны. Эти ужасные вести потрясли меня, и я, уже обессиленный от потери крови, снова лишился сознания. Очнулся через два дня на борту голландского торгового судна, шедшего на Занзибар, – его-то арабы и приняли за английский военный корабль. Оно встало на якорь в Килве, чтобы запастись водой, и матросы нашли меня на веранде дома. Я едва дышал, и они из сострадания перенесли меня на борт, старухи же никто не видел. Полагаю, она испугалась их и убежала. На Занзибаре меня почти умирающим передали священнику нашей миссии. В его доме я долгое время пролежал в постели, находясь между жизнью и смертью. Минуло шесть месяцев, прежде чем мой рассудок восстановился. Некоторые и теперь считают меня слабоумным, возможно, в их числе и вы, Аллан. Рана на голове зажила после того, как искусный морской хирург-англичанин удалил из нее осколки раздробленной кости. Силы вернулись ко мне. Я был и остаюсь американским подданным. В ту пору на Занзибаре не было ни американского консула (да и теперь вряд ли есть), ни американских военных кораблей. Английские власти постарались навести для меня справки, но не выяснили ничего, так как области, прилегавшие к Килве, находились во власти арабских работорговцев, которых поддерживал разбойник, называвший себя занзибарским султаном.

Брат Джон умолк, охваченный печальными воспоминаниями.

– Вы больше никогда не слышали о своей жене? – спросил Стивен.

– Слышал на Занзибаре от невольника, купленного и освобожденного нашей миссией.

Он говорил, что видел женщину, живую и невредимую, подходящую под описание моей жены, но где, я так и не смог толком понять. По словам невольника, это место расположено в пятнадцати днях пути от побережья. Там живет никому не известное племя, и тамошние туземцы случайно наткнулись на эту женщину, прятавшуюся в кустарнике. Мол, относились они к ней с большим почтением, хотя речи ее не понимали. На следующий день после встречи с женщиной невольник разыскивал сбежавших коз и попал в плен к арабам, которые, как он впоследствии выяснил, разыскивали эту белую даму. Вскоре тот освобожденный миссионерами человек заболел воспалением легких и умер, поскольку силы его были подорваны в невольничьем лагере. Теперь ясно, почему мне не хотелось ехать через Килву?

– Да, – ответил я, – теперь ясно и это, и многое другое, о чем мы поговорим позже. Но откуда вы сегодня взяли и как ухитрились прибыть в самый нужный момент?

– Я направился сюда кружным путем, который покажу вам на карте, – ответил Брат Джон. – В пути я повредил ногу. – (Мы со Стивеном переглянулись.) – Мне пришлось пролежать в кафрской хижине шесть недель. Однако и после этого было трудно наступать на больную ногу, поэтому я научил быков ходить под седлом. Белый бык, которого вы видели, последний, остальные погибли от укусов мухи цеце. Необъяснимый страх заставил меня поспешить сюда. В течение двадцати четырех часов я ехал почти без остановки. Сегодня утром я пересек границы земли мазиту, но увидел в краях лишь женщин. Некоторые узнали меня и украсили этими цветами. Они сказали мне, что мужчины ушли в город Беза на большое торжество. В честь чего устроено празднество, они не знали или не открыли мне. Я погнал быка во весь опор и, слава богу, успел. История очень длинная, подробности расскажу потом. Сейчас вы слишком устали. Что это за шум?

Я прислушался и узнал ликующее пение зулусских охотников, которые возвращались с дикого спектакля, разыгравшегося на рыночной площади. Вел их Сэм, совершенно не похожий на жалкого плаксу, что ковылял к месту казни два часа назад. Теперь он был бодр и весел, а на шею надел побрякушки, в которых я узнал амулеты Имбоцви.

– Добродетель восторжествовала, правосудие свершилось, мистер Квотермейн! Это военные трофеи, – объявил он, указывая на украшения покойного колдуна.

– Убирайся вон, ничтожный трус! – сказал я. – Подробности оставь при себе, лучше ужин приготовь!

Сэм ушел, ничуть не смущенный. Охотники принесли чье-то недвижимое тело. Я узнал Ханса, сначала испугался, что старый готтентот мертв, но, осмотрев, понял: он без сознания, вероятно от опия. Брат Джон велел завернуть его в одеяло и положить у огня.

Подошел Мавово и сел перед нами на корточки.

– Ну, что скажешь, отец мой Макумазан? – тихо спросил он.

– Слова благодарности, Мавово. Если бы не ты, Имбоцви прикончил бы меня. А так нож едва меня задел, Догита проверил, даже царапины нет.

Мавово отмахнулся, словно считал такую услугу малостью, и спросил, глядя мне прямо в глаза:

– А что скажешь о моей змее?

– Ты был прав, а я ошибался, – пристыженно ответил я. – Все произошло так, как ты предсказывал, но почему, я не знаю.

– Это потому, отец мой, что вы, белые люди, слишком тщеславные, – (вообще-то, Мавово сказал «надутые»), – и считаете, что вы одни обладаете мудростью. Теперь ты видишь, что это не так. Я доволен. Ложные колдуны мертвы, отец мой, и я думаю, что Имбоцви...

Я поднял руку, показывая, что подробности не нужны. Мавово встал и с легкой улыбкой отправился по своим делам.

– Что он говорил о какой-то змее? – полюбопытствовал Брат Джон.

Я вкратце поведал ему о предсказании Мавово и спросил, нет ли у него объяснений. Брат Джон отрицательно покачал головой:

– На моей памяти это самый удивительный случай ясновидения у туземцев, и самый полезный. Объяснения? У меня объяснение лишь одно – непостижимы земля и небеса, а Господь одаривает каждого по-своему.

Потом мы ужинали. По-моему, та трапеза получилась самой приятной в моей жизни. Удивительный вкус приобретает пища для человека, который на ужин больше не рассчитывал. Затем все улеглись спать, а я остался рядом с Хансом – готтентот так и не очнулся. Я сидел у огня и курил, чувствуя, что не смогу уснуть. Мне мешал шум, доносившийся из города, где мазиту праздновали уничтожение колдунов и приезд Догиты.

Вдруг Ханс шевельнулся и сел, уставившись на меня через яркое пламя, которое я только что подкормил сухим хворостом.

– Баас, мы оба здесь, у прекрасного неугасимого огня, – глухо пробормотал он. – Почему же мы не внутри пламени, как обещал отец бааса, а около, на холоде?

– Потому что ты еще жив, старый дурак, хотя и не заслуживаешь этого, – ответил я. – Змея Мавово сказала правду, и Догита пришел, согласно ее предсказанию. Наши спутники живы, а у столбов погибли Имбоцви и его приспешники. Все это ты увидел бы, если бы не наглотался своего грязного снадобья, как трусливая баба, что страшится смерти. А ей в твоём-то возрасте нужно радоваться.

– Ох, баас, только не говорите, что дела так плохи и мы с вами до сих пор в мире, который почтенный отец бааса называл сосудом, полным слез! – взмолился Ханс. – Не обвиняйте меня в трусости. Я проглотил эту мерзость – знали бы вы, из чего она сделана! – только ради головной боли. Не говорите мне о приходе Догиты, раз мои глаза были закрыты и я не мог видеть его. А что хуже всего: я не помог Имбоцви и его приспешникам перебраться из сосуда, полного слез, в неугасимый огонь, когда их привязали к столбам. Ох, для меня это слишком! Клянусь, баас, отныне я всегда буду встречать смерть с открытыми глазами! – Несчастный Ханс обхватил руками свою разболевшуюся голову и закачался взад-вперед.

Неудивительно, что Ханс горевал, ведь о том случае ему постоянно напоминали. Охотники дали ему новое длинное имя, которое означало «маленькая желтая мышь, которая спит, пока черные крысы пожирают своих врагов». Над ним насмеялся даже Сэм – козырял трофеями, «без посторонней помощи отнятыми у могущественного колдуна Имбоцви». Сэм не врал – амулеты он отнял собственноручно, ведь к тому моменту Имбоцви стоял у столба мертвым.

Все это было очень забавно, пока я не начал опасаться, что Ханс, чего доброго, убьет Сэма, и не положил насмешкам конец.

Глава XII

История Брата Джона

Поднялся я до рассвета, хотя спать лег очень поздно. Сделал я это главным образом потому, что хотел поговорить наедине с Братом Джоном, который, как я знал, встает очень рано. Я не встречал человека, который тратил бы меньше времени на сон. Когда я заглянул к нему в хижину, Брат Джон был уже на ногах и при свете свечей занимался прессованием цветов.

– Джон, – начал я, – хочу вернуть вам то, что вы, как мне кажется, потеряли.

Я вручил ему книгу «Христианский год» в сафьяновом переплете и акварельный портрет молодой женщины, найденные мной в ограбленном миссионерском доме в Килве. Он взглянул сначала на портрет, потом на книгу. По крайней мере, я представлял себе такую картину, потому что вышел из хижины полюбоваться зарей. Через несколько минут Брат Джон позвал меня и дрожащим голосом спросил:

– Где вы нашли эти вещи, Аллан?

Я рассказал ему эту историю от начала до конца. Брат Джон молча выслушал меня, а когда я закончил, проговорил:

– Я должен подтвердить вашу догадку: на портрете моя жена, а книга принадлежит ей.

– Принадлежит ей? – изумленно переспросил я.

– Да, Аллан. Я говорю «принадлежит», потому что убежден: она жива. Растолковать, на чем основано это убеждение, я могу не лучше, чем объяснить, каким образом свирепый дикарь-зулус точно предсказал мой приход. Иногда нам удается выпытать у неведомого секрет. Мне вот в награду за молитвы открылась истина – моя жена жива до сих пор.

– Спустя двадцать лет, Джон?

– Да, спустя двадцать лет. Как вы думаете, зачем я почти целое десятилетие под видом сумасшедшего брожу среди африканских дикарей, которые почитают безумных и не причиняют им вреда? – спросил он почти свирепо.

– Я думал, для того, чтобы собирать бабочек и цветы.

– Бабочек и цветы! Это лишь предлог. Я искал и ищу свою жену. Вам это покажется безумием, особенно если учесть, что, когда мы расстались, она ждала ребенка... но я верю, Аллан, моя жена живет в каком-нибудь диком племени.

– Тогда, может, лучше не искать ее, – заметил я, вспомнив об участии, которая в те времена постигала белых женщин, когда они после кораблекрушения попадали к кафрам и становились их женами.

– Нет, Аллан. Того, о чем вы думаете, я не боюсь. Если Господь спас мою жену, то и от бед уберег. Теперь вы понимаете, – прибавил он, – почему я хочу посетить этих понго, почитающих белую богиню...

– Понимаю, – сказал я.

Затем я простился с Братом Джоном, так как все выяснил и решил не продолжать этот мучительный разговор. Я не верил, что его супруга жива, однако страшно было представить, как тяжело он воспринял бы свидетельство о ее кончине. Сколько романтики в нашем убогом мире! Подумать только, какую жизнь прожил Брат Джон! (Впоследствии я выяснил, что его фамилия Эверсли.) Благородный и образованный человек, он преданно служил Отцу Небесному в глухом и темном краю. Но зачем он взял с собой молодую жену? Вот этого я никогда не одобрял. Ни из преданий, ни из Библии не следует, что апостолы отправлялись к язычникам вместе с женами и детьми, а ведь среди этих светочей веры, кстати, были люди, обремененные семьей.

Итак, случилась беда. Миссия была разорена, миссионер чудом спасся, а его жену увели в плен, чтобы предать в руки подлого работорговца. По крайне сомнительному свидетельству умирающего невольника, молодая женщина прибилась к неизвестному племени. Известие заставило супруга изображать безумного ботаника, двадцать лет искать ее, терпеть лишения, утешаясь святой верой. История прекрасная, трогательная, только по причине, уже упомянутой, я надеялся, что душа несчастной давно вернулась к Творцу, ибо страшился представить состояние белой женщины после двадцати лет жизни с дикарями.

Но все же после урока, полученного от Мавово и его змеи, я не считал возможным высказываться категорично. Кто я такой, чтобы не только составлять мнение, но и навязывать его другим? Да и знания, на которые мы можем опереться, слишком скудны. Не безопаснее ли плыть по морю интуиции, чем искать спасения на крохотных островках личного опыта?

Между тем мне следовало не рассуждать о чужих мечтах и моральных установках, а, будучи профессиональным охотником и коммерсантом, успешно провести экспедицию, за что мне хорошо заплатили, и, если удастся, выкопать корневище редкого растения, в продажной стоимости которого есть моя доля. Я всегда гордился как отсутствием воображения и склонности к фантазиям, так и готовностью к тяжелому труду и умением смотреть жизни в лицо, что, по сути, является долгом каждого. Мой характер действительно таков, по крайней мере, я надеюсь на это. Если говорить абсолютно честно, а этого не делает никто, за исключением мистера Сэмюэла Пипса²⁷ – он жил при Карле II и, судя по «Дневнику», который я недавно прочел, откровенничал не для печати, – есть во мне и другое начало. Я безжалостно подавляю его, во всяком случае мне удавалось это до сих пор.

Во время завтрака к нам в хижину, словно побитая собака, вполз Ханс. Он все еще страдал от головной боли и раскаяния и боялся высунуть нос за ворота, где бесновалась толпа. Готтентот объявил, что к нам идет Бабемба с воинами, несущими что-то тяжелое. Я хотел их встретить, но потом вспомнил, что, по странному туземному обычаю, благодаря которому сэра Теофила Шепстона, моего близкого друга²⁸, признали хранителем духа великого Чаки, а посему приравнивали к зулусским монархам, самая важная персона среди нас – Брат Джон. Я отошел в сторону, попросил его занять мое место и держаться соответственно особому положению в туземном обществе, которое отвел ему Господь.

Должен сказать, что Брат Джон, отличавшийся редким благородством духовного и внешнего облика, и тут оказался на высоте. Он поспешно допил свой кофе, выступил вперед и застыл в величавой позе. Бабемба со спутниками подползли к нему на четвереньках. Даже носильщики, несмотря на тяжесть своего груза, старались выказывать раболепие.

– О король Догита, – начал Бабемба, – твой брат король Бауси возвращает оружие твоим братьям, белым людям, и посылает им подарки.

– Рад слышать это, Бабемба, – отозвался Брат Джон, – хотя отнимать вообще ничего не стоило. Положите все на землю и встаньте! Не люблю, когда люди ползают предо мной, словно обезьяны.

Приказ Брата Джона исполнили. Мы осмотрели оружие, патроны и другие отобранные у нас вещи. Все было в полном порядке. К нашему имуществу добавили четыре великолепных слоновьих бивня – подарки Стивену и мне. Я, как человек расчетливый, охотно их принял. Кароссы и оружие мазиту поднесли в дар Мавово и охотникам, великолепную туземную кровать с ножками из слоновой кости – Хансу, за его способность спать при самых исключи-

²⁷ *Сэмюэл Пипс* – английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого «Дневника», посвященного повседневной жизни лондонцев периода Реставрации Стюартов.

²⁸ *Теофил Шепстон* – выдающийся южноафриканский государственный деятель, в 1877 году был назначен специальным уполномоченным премьер-министром по Трансваалу, имел непосредственное отношение к принятию решения об аннексии этой провинции. Вместо своего потерявшего голос босса официальное заявление о британской аннексии Трансвааля, то есть фактически об объявлении Англо-бурской войны, зачитал Г. Р. Хаггард.

тельных обстоятельствах (услышав это, зулусы громко захохотали, а готтентот с проклятиями скрылся за хижинами). Для Сэма предназначался причудливый музыкальный инструмент, с просьбой в будущем на людях пользоваться им вместо своего голоса.

Отмечу, что Сэм воспринял шутку не лучше, чем Ханс, зато остальные оценили юмор мазиту.

– Мистер Квотермейн, чернокожие несмышлениши глумятся напрасно, – заявил Сэм. – В подобных случаях от тихих молитв мало толку. Я убежден, что, услышав мой громкий плач, Небо отвело от нас стрелы язычников.

– О Догита и белые господа! – провозгласил Бабемба. – Король приглашает вас к себе, чтобы попросить у вас извинения за случившееся. На этот раз вам не надо брать с собой оружие, так как отныне среди мазиту вам ничто не угрожает.

Мы немедленно отправились к королю, захватив отвергнутые им дары. Дорога к королевскому жилищу обернулась триумфальным шествием. Туземцы рукоплескали в знак приветствия, некоторые падали ниц, девушки и дети забрасывали нас цветами, словно новобрачных. Мы обогнули место казни, где все еще стояли столбы. Признаться, я посмотрел туда с содроганием, хотя могилы были уже засыпаны.

Завидев нас, Бауси и его советники встали и поклонились. Более того, король приблизился к Брату Джону, взял его за руку и уродливым черным носом потерся о нос своего почетного гостя. По-видимому, мазиту это заменяет объятия, но, боюсь, Брат Джон не оценил оказанной ему чести. Затем, после длинных речей, мы пили густое туземное пиво. Бауси объяснил, что все зло исходило от покойного Имбоцви и его последователей, от тирании которых давно стонала земля мазиту, ведь племя верило, что их устами вещает глас свыше.

Брат Джон принял от нашего имени извинение Бауси, потом прочел ему целую лекцию или, вернее, проповедь, занявшую ровно двадцать пять минут: лаконичностью любитель бабочек никогда не отличался. Брат Джон предупредил о зле, происходящем от суеверия, и указал на лучший, праведный путь. Бауси ответил, что о пути этом он охотно поговорит в другой раз. Случай наверняка представится, мы ведь проведем остаток своих дней вместе, – к примеру, после весеннего сева, когда у мазиту будет много свободного времени.

Потом мы поднесли королю наши дары, которые на сей раз он принял весьма охотно. Потом слово взял я и объяснил Бауси, что мы не намерены провести в городе Беза остаток своих дней и в ближайшее время хотим отправиться в страну понго. В ответ на это король и его советники помрачнели.

– Послушайте, о господин Макумазан и все те, кто пришел сюда вместе с ним! – начал Бауси. – Понго – племя большое, могущественное, живет на болотах особняком. Попавшего в плен мазиту или человека из другого племени понго убивают либо угоняют в рабство, а то и приносят в жертву демонам, которым поклоняются.

– Это правда, – вмешался Бабемба. – Мальчишкой я угодил к ним в плен, и меня хотели принести в жертву Белому дьяволу. Спасаясь от них, я потерял глаз.

Разумеется, я принял эти слова к сведению, но от дальнейших расспросов воздержался. «Раз Бабемба уже был в стране понго, то может отправиться туда снова или, по крайней мере, показать нам дорогу», – подумал я.

– Когда понго выходят на охоту за рабами и нам удастся поймать лазутчиков, мы их убиваем, – продолжал Бауси. – Испокон веков мазиту воюют с понго и люто их ненавидят. Если бы я уничтожил это злое племя, то мог бы умереть спокойно.

– Понго так просто не победить, о король, – напомнил Бабемба. – Разве не слышал ты о пророчестве, которое гласит, что это племя будет существовать до тех пор, пока жив Белый дьявол и цветет Священный цветок? Но стоит Белому дьяволу умереть, а Священному цветку отцвести, бесплодие сразит женщин племени – и понго придет конец.

– Ну, Белый дьявол когда-нибудь да умрет, – предположил я.

– Нет, Макумазан. Своей смертью он не умрет никогда. Подобно нечестивому жрецу понго, он будет жить до тех пор, пока его не убьют. Но кому по силам убить Белого дьявола?

«Я не прочь попытаться», – подумал я, но не стал развивать эту мысль.

– Брат мой Догита и белые господа! – воскликнул Бауси. – В страну этих колдунов вы проникнете лишь во главе большого войска. Но как мне послать с вами войско, если у мазиту нет ни лодок, чтобы переправиться через большое озеро, ни деревьев, чтобы их построить?

Мы ответили, что тоже не знаем способа, но постараемся придумать, ибо явились в эти края с целью навеститься к понго и хотим своего добиться.

Аудиенция закончилась, и мы вернулись в свои хижины, оставив Догиту побеседовать с «братом Бауси» о здоровье последнего. Бабембе я сказал, что хочу переговорить с ним с глазу на глаз, и он пообещал заглянуть ко мне вечером, после ужина. Остаток дня прошел спокойно, так как мы попросили, чтобы мазиту не приближались к нашей стоянке.

Ханс на аудиенции не присутствовал, ему было стыдно показаться на людях. Мы застали его за чисткой ружей. Тут я кое о чем вспомнил и, позвав Мавово, взял обещанную двустволку и вручил зулусу со словами:

– Она твоя, о истинный пророк!

– Да, отец мой, – ответил он, – на время это оружие станет моим, но потом, вероятно, вернется к прежнему хозяину.

Слова Мавово потрясли меня, однако суть их я выяснять не стал, не желая слышать новые пророчества.

После обеда мы завалились спать, так как все, включая Брата Джона, остро нуждались в отдыхе. Вечером пришел Бабемба, и мы, трое белых, стали с ним советоваться.

– Расскажи нам, Бабемба, о понго и о Белом дьяволе, которого они почитают, – попросил я.

– О Макумазан, пятьдесят лет минуло с тех пор, как я побывал в их стране, и картины прошлого видятся будто сквозь густой туман. Помню, двенадцатилетним мальчишкой я ловил рыбу в камышах. Вдруг на лодке подплыли высокие люди в белом, схватили меня и увезли в город. Тамошние жители выглядели так же, как мои похитители, – высокого роста и в белых одеждах. Обращались со мной хорошо, кормили сластями. Вскоре я стал лосниться от жира.

Однажды вечером меня куда-то повели. Шли мы всю ночь и наконец добрались до большой пещеры. В пещере той сидел страшный старик, вокруг которого плясали ряженые, исполнявшие обряд Белого дьявола. Старик сказал мне, что на следующий день меня зажарят и съедят, мол, для этого и откармливали. Пещера была прямо на берегу, у входа стояла лодка, к ней я и подполз, когда все уснули. Пока я отвязывал ее, один из жрецов проснулся и подбежал ко мне. Несмотря на юные годы, силы и храбрости мне было не занимать. Я изловчился и ударил жреца веслом по голове. Он упал в воду, но тут же вынырнул и ухватился за борт лодки. Тогда я стал бить преследователя веслом по пальцам до тех пор, пока он не разжал их. Той ночью дул сильный ветер, ломавший ветки на деревьях, которые росли на другом берегу. Лодку кружило, и мне что-то попало в глаз, должно быть сук. Сгоряча я почти ничего не почувствовал, но потом глаз вытек. Не знаю, может быть, то была не ветка, а копье или нож? Я греб, пока не потерял сознание, а ветер не стихал. Последнее, что помню, – это шелест камышей, через которые ветер гнал лодку. Очнулся я недалеко от берега, до которого добрал по илистой отмели, распугав больших крокодилов. Думаю, случилось это на второй или на третий день побега, так как я заметно исхудал. На берегу я снова лишился чувств. Там люди нашего племени нашли меня и сумели выходить. Вот и все.

– Для нас вполне достаточно, – отозвался я. – Теперь скажи мне, далеко ли город понго от того места, где тебя похитили?

– На лодке плыть туда целый день, о Макумазан. Похитили меня рано утром, и только к вечеру мы добрались туда, где стояло множество лодок. Было их около пятидесяти, иные могли вместить до сорока человек.

– А от пристани до города?

– Они рядом, Макумазан.

– Не слышал ли ты о земле, лежащей за водой, что протекает у пещеры? – спросил Брат Джон.

– Слышал, о Догита, – то ли при похищении, то ли позднее, поскольку до нас долетают рассказы об этих понго. Говорят, на их землях есть остров, где растет Священный цветок, о котором ты знаешь, ибо в последний раз ты приезжал к нам именно с таким цветком. За ним присматривает жрица, именуемая Матерью Цветка, а также ее служанки, все до единой девственницы.

– Кто эта жрица?

– Не знаю. По слухам, ее выбирают из новорожденных с белой кожей, у понго так бывает, даже если родители темнокожие. Если девочка рождается белой, или с розовыми глазами, или глухонемой, ее отдают жрице в услужение. Но прежней жрицы, верно, уже нет в живых, так как мальчишкой я запомнил ее очень старой, и понго сильно беспокоились, ибо не было среди них белокожей женщины, которая могла бы принять священный сан. Однако много лет назад племя устроило большой праздник и на пиру съели немало рабов, так как была найдена новая прекрасная жрица с белой кожей, желтыми волосами и ногтями нужной формы.

Тут я подумал, что поиски жрицы, которая именуется Матерью Цветка и обладает особыми приметами, напоминают поиски быка Аписа в Древнем Египте, описанные Геродотом. Однако вслух я ничего не сказал, так как Брат Джон вдруг спросил:

– Новая жрица тоже умерла?

– Не знаю, Догита, но думаю, что нет. Если бы она умерла, до нас дошел бы слух о празднике по случаю съедения мертвой Матери Цветка.

– Съедение мертвой матери?! – воскликнул я.

– Да, Макумазан. По священному обычаю понго, после смерти Матери Цветка ее тело нужно разделить между теми, кто имеет право на священную еду.

– А Белого дьявола не едят? – уточнил я.

– Нет, ибо, как я уже говорил, он никогда не умрет. Он несет смерть другим, в чем ты наверняка убедишься, если отправишься в страну понго, – мрачно прибавил Бабемба.

«Клянусь честью, – подумал я, когда добавить Бабембе стало нечего и разговор закончился, – если бы дело касалось только меня, я охотно оставил бы в покое понго и их Белого дьявола». Потом, вспомнив позицию Брата Джона, я со вздохом решил покориться судьбе. И судьба благоволила нам. Следующим утром, очень рано, к нам снова пришел Бабемба.

– Белые господа, случилось нечто удивительное, – объявил он. – Вчера вечером мы говорили о понго, а сегодня на заре они прислали послов.

– Зачем? – спросил я.

– Они предлагают прекратить вражду между понго и мазиту. Да, они просят Бауси отправить к ним послов для заключения прочного мира. Будто кто-нибудь согласится к ним пойти! – прибавил он.

– Может, кто-нибудь и согласится, – ответил я, поскольку мне в голову пришла интересная идея. – Позволь нам переговорить с Бауси.

Через полчаса мы уже сидели в королевском жилище. Мы – это Стивен и я; Брат Джон отправился к Бауси чуть раньше. Прежде чем разделиться, мы с Братом Джоном перекинулись парой слов.

– Джон, вас не посещала мысль, что представляется удобнейший случай посетить страну понго, раз она вас так манит? – спросил я. – Мазиту ничем туда не заманишь: слишком боятся

обрести там вечный покой. Вы кровный брат Бауси, так предложите себя на роль чрезвычайного посла, мы же станем вашей свитой.

– Я уже думал об этом, Аллан, – ответил он, поглаживая длинную седую бороду.

Мы со Стивеном уселись среди королевских советников. Вскоре появился Бауси в сопровождении Брата Джона и, поздоровавшись с нами, велел привести послов понго. Вошли высокие светлокожие мужчины с правильными семитскими чертами лица, одетые, как арабы, в белое. На шее и запястьях они носили золотые и медные кольца. В общем, выглядели послы солидно; они разительно отличались от большинства жителей Центральной Африки. Мне же их внешность внушала страх и отвращение. Добавлю, что копья понго остались за изгородью, окружавшей королевское жилище. Послы сложили руки на груди и с достоинством поклонились королю.

– Кто вы и что вам нужно? – осведомился Бауси.

– Я Комба, – ответил их предводитель, молодой еще человек с блестящими глазами. – Комба, Признанный богами, который в скором времени может занять место Калуби, а это мои слуги. Я пришел сюда с дарами дружбы по желанию священного Мотомбо, верховного жреца богов. Дары оставлены за изгородью...

– Разве не Калуби жрец ваших богов? – прервал его Бауси.

– Нет, Калуби – король понго, так же как ты – король мазиту. Мотомбо же, которого мы редко видим, – король духов и уста богов.

Бауси кивнул на африканский манер – поднял подбородок и не опустил.

Комба продолжал:

– Я отдался на твою милость. Если хочешь, убей меня, но толку от этого немного, ибо место мое займет другой, ожидающий очереди стать королем.

– Разве я понго, чтобы убивать послов и поедать их? – съязвил Бауси, чем явно задел высоких гостей.

– Ты ошибаешься, о король! Понго едят лишь избранных Белым дьяволом. Это религиозный обряд. К чему тем, у кого много скота, есть людей?

– Не знаю, – буркнул Бауси. – Среди нас есть человек, у которого другое мнение. – Король глянул на Бабембу, и тот нервно заерзал.

Комба обжег Бабембу свирепым взглядом.

– Не представляю, чтобы кто-то покусился на костлявого старика, – парировал он. – Но оставим это. Я благодарю тебя, король, за гарантию безопасности. Я пришел сюда просить, чтобы ты направил посланников для переговоров с Калуби и Мотомбо о заключении прочного мира между нашими народами.

– Почему же Калуби и Мотомбо сами не пришли сюда для переговоров? – спросил Бауси.

– Потому что, о король, по закону им нельзя покидать свою страну. Поэтому они послали меня, будущего правителя племени. Послушай меня! Поколениями наши народы ведут войну. Началась она давным-давно, один только Мотомбо знает, когда это случилось, ибо его известили боги. Прежде понго владели всей этой землей, за водой находились наши священные места. Потом явились ваши предки, напали на понго, многих перебили, оставшихся захватили в плен и сделали своими рабами, а женщин – своими женами. Теперь Мотомбо и Калуби говорят: пусть вместо войны воцарится мир; пусть там, где был бесплодный песок, вырастут злаки и цветы; пусть мрак, в котором теряются и гибнут люди, сменится ласковым светом и наши народы протянут друг другу руки!

«В самом деле», – пробормотал я, тронутый его словами.

«Я Комба, – ответил их предводитель, молодой еще человек с блестящими глазами. – Комба, Признанный богами...»

А вот Бауси был холоден как камень и поэтические разглагольствования посла выслушал с мрачным подозрением.

– Перестаньте убивать людей нашего племени, брать их в плен и приносить в жертву Белому дьяволу, тогда через пару лет мы прислушаемся к твоим медоточивым речам, – пообещал король. – Пока же они напоминают ловушку для мух. Впрочем, если кто-то из советников хочет рискнуть жизнью и посетить Мотомбо и Калуби, запрещать не стану. Скажите, о индуны, кто из вас готов на это? Хором не говорите, лучше по одному и поскорее, ведь первого, кто пожелает отправиться послом к понго, я удостою этой чести.

В жизни не слышал я такой тишины, какая воцарилась после приглашения. Индуны переглядывались, но ни один не проронил ни слова.

– Как? – с притворным удивлением воскликнул Бауси. – Желающих нет? Впрочем, ваш удел – закон и порядок. Что скажет предводитель воинов Бабемба?

– Скажу, о король, что в юности я побывал в стране понго и потерял там глаз. Меня затащили туда насильно, и сейчас своими ногами я идти туда не желаю.

– Очевидно, о Комба, никто из моих советников не желает быть послом. Поэтому, если Мотомбо и Калуби хотят поговорить о мире, пусть сами придут сюда под надлежащей охраной.

– Я уже сказал, о король, что это невозможно.

– Если так, то говорить больше не о чем, Комба! Отдохни, поешь нашей пищи и ступай восвояси.

Тогда Брат Джон встал со своего места и сказал:

– Мы кровные братья, Бауси, потому я могу говорить за тебя. Если ты, советники и послы согласны, то я и мои друзья готовы отправиться к Мотомбо и Калуби, чтобы переговорить с ними о мире от имени твоего народа. Мы не боимся, напротив, нам очень нравится посещать новые земли и незнакомые племена. Скажи, о Комба, примете ли вы нас как послов, если король Бауси даст согласие?

– Король волен назначить своим посланником кого пожелает, – ответил Комба. – Калуби слышал о прибытии белых господ в страну мазиту и велел сообщить им, что будет рад, если они захотят сопровождать посланников. Но когда вопрос передали Мотомбо, оракул сказал так: пусть белые люди придут к нам, если хотят, только без железных труб, больших и малых, которые с шумом изрыгают дым и убивают на расстоянии. Съестное им добывать не потребуется: еду они получают от нас в изобилии. Более того, среди понго они будут в полной безопасности, если не нанесут оскорбление богам.

Конец фразы Комба произнес нарочито медленно и отчетливо, а затем пытливо взглянул на меня, словно старался прочесть мои сокровенные мысли. У меня душа в пятки ушла. Вне сомнений, Калуби звал нас к себе, чтобы мы убили Белого дьявола, угрожающего его жизни. Насколько я понял, этот дьявол – чудовищная обезьяна. Только как мы справимся с обезьяной или с другим страшным зверем без огнестрельного оружия?

– О Комба! – сказал я. – Мое ружье для меня отец, мать, жена – вся моя родня. Без него я с места не сдвинусь.

– В таком случае тебе, белый господин, – ответил Комба, – лучше остаться здесь со своей родней, ибо, если попробуешь взять ее с собой в страну понго, то будешь убит, едва ступишь на наш берег.

Прежде чем я успел открыть рот, заговорил Брат Джон.

– Вполне объяснимо, что великий охотник Макумазан не хочет расстаться со своим ружьем, – сказал Брат Джон. – Для него оно что палка для хромого, чего нельзя сказать обо мне. Я годами не брал в руки оружия и не убивал божьих тварей, за исключением насекомых с яркими крылышками. Я готов посетить вашу страну, имея при себе только это. – Он указал на сачок, прислоненный к изгороди.

– Хорошо. У нас тебя ждет самый радушный прием, – пообещал Комба, и в его взгляде мне почудилось злорадство.

Последовала пауза, во время которой я объяснил все Стивену, подчеркнув, сколь безумна затея Брата Джона. К моему ужасу, в юноше разыгралось ослиное упрямство.

– Квотермейн, отпускать старика одного нельзя, – заявил он. – По крайней мере, так считаю я. Вы другое дело, у вас есть сын, который от вас зависит. Если оставить в стороне мою цель добыть... – Стивен хотел сказать «орхидею», но я подтолкнул его локтем.

Глупо, наверное, однако я испугался, что Комба таинственным образом поймет его слова.

– В чем дело? – удивился Стивен. – А, ясно! Да ведь этот тип не говорит по-английски! В общем, надо отложить в долгий ящик все, что может подождать, и немедленно действовать, а не в игры играть. Итак, если Брат Джон пойдет в страну понго, я составлю ему компанию; если же он останется, я отправлюсь один.

– Несносный мальчишка, глупец! – в сердцах пробормотал я.

– Что этот молодой господин желает увидеть на нашей земле? – спросил невозмутимый Комба, с дьявольской проницательностью прочитавший мысли Стивена на его лице.

– Он называет себя мирным путешественником, говорит, что хочет изучить ваши края и узнать, нет ли у вас золота, – пояснил я.

– Хорошо, пусть изучает, и золото у нас есть. – Комба коснулся браслета на своей руке. – Он получит столько золота, сколько сможет унести с собой. Белым господам угодно обсудить это наедине? Если да, то позволь нам, о король, на время удалиться.

Пять минут спустя мы сидели в большом королевском доме с самим Бауси и с Бабембой. Мы с Бауси умоляли Брата Джона отказаться от своего намерения. Бабемба называл это решение безумным: мол, он хорошо знает понго и предчувствует, что они не погнушаются убийством и злыми чарами.

Брат Джон спокойно и твердо ответил, что само Провидение предоставило ему шанс посетить один из немногих уголков Африки, в котором он еще не бывал. Стивен зевал, обма-

хивался платком (в хижине было очень жарко), а потом заявил, что раз уж он забрел так далеко ради редкого цветка, грех возвращаться с пустыми руками.

– Догита, я чувствую, что к понго ты собрался идти с тайной, неведомой мне целью, – проворчал Бауси. – И я готов удержать тебя силой.

– Только посмей, и нашему братству конец! – пригрозил Брат Джон. – Не пытайся, о Бауси, выведать мою тайну, подожди, и со временем все узнаешь.

Король застонал от досады, но сдался. Бабемба заявил, что Догита и Вацела околдованы, и лишь я, Макумазан, сохранил здравомыслие.

– Итак, решено! – воскликнул Стивен – Мы с Джоном отправимся послами к понго, а вы, Квотермейн, останетесь здесь с охотниками и багажом.

– Молодой человек, вы оскорбить меня хотите? – возмутился я. – Забыли, что ваш отец наказал мне вас опекать? Раз пойдете вы с Джоном, пойду и я, даже нагишом, если понадобится. Но в кои веки скажу откровенно: вы оба вконец спятили, и если понго съедят вас, так вам и надо! Подумать только, меня, в таком возрасте, тащат к дикарям-людоедам безоружным – голыми руками сражаться с неведомым зверем! Что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать, по крайней мере насколько сейчас известно.

– Верно! – вскричал Стивен. – Поразительно, но совершенно верно!

Ох, с каким удовольствием я надрал бы ему уши!

Мы снова вышли во двор, куда призвали Комбу и его свиту. На сей раз они принесли дары: два хороших слоновьих бивня (я понял, что страна понго не со всех сторон окружена водой, ведь слоны на островах – редкость); золотой порошок в тыквенной бутылки и медные браслеты (доказательство того, что страна богата металлами); белое, хорошо вытканное полотно и несколько красиво расписанных горшков (очевидно, у понго был художественный вкус). Мне очень хотелось выяснить, откуда у них такие умения, да и вообще, откуда взялось это племя. Точного ответа на свои вопросы я не получил, вряд ли об этом знали сами понго.

Совет возобновился. Бауси объявил, что трое белых господ, каждый в сопровождении одного слуги (на этом настоял я), согласны без огнестрельного оружия отправиться в страну понго в качестве посланцев, чтобы обсудить условия мира между двумя народами и особенно вопросы, касающиеся торговли и заключения браков. Этот пункт предложил Комба, и тогда я недоумевал зачем. Он же, Комба, от имени Мотомбо, духовного вождя, и Калуби, избранного правителя своей страны, гарантировал нам полную безопасность при условии, что мы ни словом, ни действием не оскорбим богов понго. Это требование могло легко завести нас в тупик, и мне оно не понравилось. Кроме того, Комба поклялся, что мы целыми и невредимыми вернемся в страну мазиту спустя шесть дней после того, как покинем ее берега.

Бауси сказал, что это хорошо, и пообещал снарядить пятьсот воинов, которые проводят нас к месту отплытия и встретят по возвращении. Еще король заявил, что, если нас обидят, он будет воевать с понго до тех пор, пока полностью не истребит все племя.

Мы расстались, решив выступить следующим утром.

Глава XIII

Город Рика

Мы покинули город Беза на двадцать четыре часа позднее, чем планировали, так как старику Бабембе, которому поручили организовать сопровождение, понадобилось время, чтобы собрать отряд в пятьсот человек и запастись провизией.

Тут стоит упомянуть, что в хижине мы застали за трапезой Тома и Джерри, наших носильщиков-мазиту. Оба ели с аппетитом, однако вид у них был усталый. Выяснилось, что колдун Имбоцви в свое время решил избавиться от неугодных свидетелей, но убить Тома и Джерри побоялся, поэтому отправил носильщиков в отдаленную часть страны, где их взяли под стражу. Едва весть о казни Имбоцви и его приспешников прилетела в то захолустье, носильщики получили свободу и сразу вернулись к нам, в город Беза.

Разумеется, наши планы пришлось изложить слугам. Сообразив, куда и зачем мы направляемся, они покачали головой, а когда услышали, что нас обязали оставить ружья здесь, онемели от удивления.

– Крансик! Крансик! – выразительно стуча себе по лбу, восклицал Ханс, что означало «сбрендили». – Заразились от Догиты, который ловит сеткой насекомых и ест, а ружья не носит, чтобы не убивать дичь. Так я и знал!

Охотники согласно закивали, а Сэм молитвенно воздел руки. Один Мавово сохранял непроницаемое выражение лица. Потом встал вопрос о том, кому из них нас сопровождать.

– Что касается меня, – сказал Мавово, – то сомнений нет. Я пойду с моим отцом Макумазаном, ибо и без ружья достаточно силен и могу сражаться копьем, как сражались мои праотцы.

– Я тоже пойду с баасом Квотермейном, – проворчал Ханс, – ибо и без ружья хитер, как мои прапатери.

– За исключением того времени, когда ты, Пятнистая змея, принимаешь свои снадобья и погружаешься в сон, – насмешливо сказал один из зулусов. – А прекрасную кровать, подарок короля, ты возьмешь с собой?

– Нет, сын глупца! – ответил Ханс. – Я оставлю ее тебе, который не понимает, что во мне спящем больше мудрости, нежели в тебе бодрствующем.

Оставалось решить, кто будет третьим. Слуги Брата Джона не годились (один занемог, другой струсил), и Стивен предложил взять Сэма, главным образом потому, что тот умел готовить.

– Ни за что, мистер Сомерс! – горячо запротестовал Сэм. – Этому предложению я говорю решительное «нет». Звать человека, умеющего жарить мясо, в страну, где могут зажарить его самого, – все равно что варить козленка в молоке его матери.

Мы махнули на него рукой и после недолгих споров выбрали сметливого крепыша Джерри, который охотно согласился сопровождать нас к понго. Остаток дня мы посвятили подготовке; дело было немудреное, однако подумать все же следовало. К моему неудовольствию, Ханс, в помощи которого я нуждался, куда-то исчез. Когда он наконец появился, я спросил его, где он был. Ханс ответил, что ходил в лес, чтобы срезать палку, так как путь нам предстоял неблизкий. И показал увесистую дубинку из твердого бамбука, растущего в этих краях.

– Зачем тебе такая громоздкая дубина? – спросил я. – Ведь кругом так много хороших палок.

– Для нового путешествия нужна новая палка, баас! Кроме того, это дерево полое и палка удержит меня на воде, если лодка опрокинется.

На заре следующего дня мы выступили. Я и Стивен ехали на ослах, которые отъелись и окрепли, Брат Джон – на белом быке, очень послушном и привязанном к своему хозяину. Охотники во всеоружии провожали нас до границы страны мазиту, где вместе с отрядом мест-

ных воинов собирались ожидать нашего возвращения. Сам король проводил нас до западных ворот города, где простился с нами и особенно сердечно – с Братом Джоном. Вдобавок Бауси послал за Комбой и его свитой и еще раз поклялся, что, если нас обидят, он не успокоится, пока поголовно не истребит понго.

– Не волнуйся, – невозмутимо сказал ему Комба. – В священном городе Рика гостей не привязывают к столбам, чтобы расстрелять из луков.

Остроумный ответ разозлил Бауси, не любившего вспоминать тот случай.

– Если белым господам ничто не грозит, почему ты не позволяешь им взять с собой ружья? – не совсем последовательно спросил он.

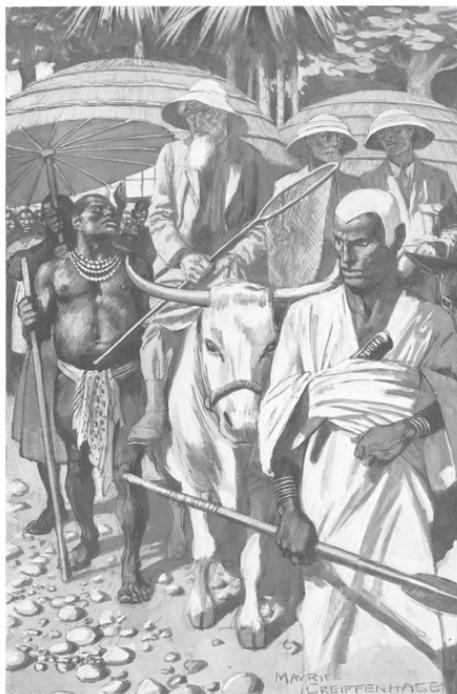
– Гостей лишь горстка, а нас много, о король, разве помогли бы им ружья, задумай мы против них зло? Разве не сумели бы мы обезоружить белых господ обманом, как сделал ты, когда решил их убить? По закону магическое оружие на территории нашей страны запрещено.

– Почему? – спросил я, чтобы сменить тему разговора, так как видел, что Бауси злится, и боялся осложнений.

– Нам предрекли, господин мой Макумазан, что, когда в стране понго выстрелит оружие, боги покинут нас и Мотомбо, их жрец, умрет. Это предсказание очень древнее, и еще недавно никто не ведал, что оно означает, ибо дословно в нем говорилось о полом копье, которое дымит, а такого оружия мы прежде не видели.

– Вот как?! – отозвался я, про себя сетуя, что мы не сможем исполнить это пророчество.

– Жаль, очень жаль, – тихонько пробормотал Ханс, качая головой, и я с ним согласился.

На заре следующего дня мы выступили. Я и Стивен ехали на ослах, которые отъелись и окрепли, Брат Джон – на белом быке...

Три дня мы спускались с высокогорного плато, на котором раскинулся город Беза, к озеру Кируа. Это название, по-моему, означает «место, где находится остров». Самого озера мы не могли видеть из-за высокого густого камыша, скрывавшего добрую милю мелководья. Тут и там камышовые заросли рассекали каналы, точнее, тропы – их проложили гиппопотамы, что ночью паслись на берегу. Впрочем, с вершины высокого холма, весьма напоминающего могиль-

ник, просматривалась синь воды, а вдаль я разглядел в бинокль лесистый горный пик. Я спросил Комбу, что это за гора, и он сказал, что это дом богов понго.

– Каких богов? – снова спросил я, и Комба, словно темнокожий Геродот, ответил, что говорить о них запрещено законом.

Редко я встречал таких закрытых людей, как этот бесстрастный Комба, совершенно непохожий на африканца.

На вершине холма мы водрузили английский флаг на самом высоком шесте, какой только могли найти. Комба подозрительно спросил, зачем нам это, и я решил доказать сему неприятному типу, что мы тоже умеем быть сдержанными и бесстрастными. Я объяснил, что флаг – божество нашего племени и любой, кто оскорбит его хоть словом, хоть действием, непременно умрет, как колдун Имбоцви и его приспешники. Комбу это явно впечатлило, он даже поклонился флагу, когда проходил мимо него.

Я умолчал, что флаг мы поставили как веху, как маяк, на случай если придется возвращаться сюда без провожатых или в спешке. Удивительно, что сей благоразумный совет дал Стивен, самый беспечный из нас, а впоследствии его предусмотрительность спасла нам жизнь – об этом расскажу позднее. На ночь мы расположились лагерем у подножия холма. Бабемба и его воины, не боявшиеся москитов, устроились ближе к озеру, напротив широкого канала, проложенного через камыши гиппопотами.

Я спросил Комбу, когда и как мы переправимся через озеро. Он ответил, что выступим мы на заре следующего дня, ведь в это время года ветер дует с берега именно по утрам, и при благоприятной погоде мы достигнем города Рика до наступления ночи. О способе переправы Комба обещал рассказать, если я за ним последую. Я согласился, и он увел меня ярдов на четыреста-пятьсот к югу от лагеря.

По дороге случились две неожиданности. Во-первых, огромный черный носорог, спавший в кустарнике ярдах в пятидесяти от нас, вдруг почуял наше присутствие и, как свойственно этим животным, бросился в атаку. С оружием мы еще не расстались, и я нес тяжелую одностволку. При виде носорога Комба пустился бежать, и ведь не упрекнешь его в трусости – у него было только копьё. Я взвел курок и стал ждать удобного момента.

Шагах в пятнадцать от меня носорог запрокинул голову, но из-за рога стрелять в нее бессмысленно, и я пальнул ему в горло. Думаю, пуля попала точно в цель, ибо носорог перевернулся, как подстреленный кролик, и испустил дух чуть ли не у моих ног.

Моя удача потрясла Комбу до глубины души. Он подошел ко мне. Посмотрел на убитого носорога и на брешь у него в горле; взглянул на меня и на ружье, которое еще дымилось.

– Большой зверь убит простым шумом! – бормотал он. – Убит в одно мгновение белым коротышкой (я мысленно поблагодарил его за комплимент) и его колдовством! Мотомбо поступил очень мудро, когда приказал... – Комба осекся.

– В чем дело, дружище? – спросил я. – Зря ты побежал. Спрятался бы за меня и остался бы цел и невредим, а беготня ни к чему.

– Верно, господин Макумазан, только мне это все в новинку. Прости мне мое невежество.

– О, я охотно прощаю тебя, будущий вождь! В стране понго тебе предстоит многое узнать от нас.

– Да, господин мой Макумазан, наверное, так же как тебе от нас, – сухо ответил Комба. Вероятно, он начал приходить в себя, раз к нему вернулся его обычный сарказм.

На выстрел прибежал Мавово. По-видимому, он охранял меня, тайком следуя за нами. Я велел ему собрать людей для разделки туши носорога, и мы с Комбой продолжили путь.

Чуть дальше, у самых камышей, я заметил узкую продолговатую канаву, вырытую в каменистой почве, и ржавую жестянку из-под горчицы, наполовину заросшую чахлой травой.

– Что это? – удивленно спросил я.

– Ох! – воскликнул Комба – должно быть, он не вполне оправился от изумления. – Это место, где господин Догита, кровный брат Бауси, устраивал свой полотняный дом двенадцать с лишним лун назад.

– Вот как?! Он не говорил мне, что бывал здесь! – воскликнул я. Это была неправда, но я не боялся лгать Комбе. – Откуда это известно тебе?

– Его видел человек из нашего племени, рыбачивший здесь в камышах.

– Тогда понятно, Комба. Но что за странное место для рыбной ловли! Так далеко от дома... Что он мог тут поймать? На досуге расскажешь мне, какую рыбу ловят на мелководье, среди густого камыша.

Комба пообещал, что с удовольствием мне все расскажет, когда будет время. Чтобы избежать дальнейших расспросов, он помчался вперед и, раздвинув камыши, показал мне большую, человек на сорок, лодку, выдолбленную из цельного ствола огромного дерева, явно ценой колоссального труда. У этого судна была съемная мачта, в отличие от большинства лодок, что я видел в африканских озерах и реках. Я похвалил лодку, и Комба заявил, что флотилия города Рика насчитывает сотню челнов, хотя не все они так велики.

«Что ж, – рассуждал я по дороге в лагерь, – если в каждой лодке по двадцать гребцов, значит в племени понго две тысячи взрослых крепких мужчин». Впоследствии мой расчет оказался на диво точным.

На заре следующего дня мы тронулись в путь, правда с некоторыми задержками. Начну с того, что среди ночи в палатку, где спал я, пришел старый Бабемба. Он разбудил меня и долго умолял отказаться от путешествия в страну понго. Мол, те замыслили недоброе, а все разговоры о мире – только предлог, чтобы заманить нас, белых, к себе и по религиозному обряду принести в жертву своим богам.

Я ответил, что вполне согласен с ним, но не могу покинуть товарищей, которые настроены на это путешествие, и лишь просил его быть начеку, чтобы помочь нам в случае затруднения.

– Я останусь здесь и буду ждать вас, мой господин Макумазан, – пообещал Бабемба. – Но если вы попадете в западню, смогу ли я переплыть это озеро, как рыба, или перелететь через него, как птица, чтобы освободить вас?

После него явился зулусский охотник по имени Ганза, помощник Мавово, и завел ту же самую песню. Мол, нельзя без оружия отправляться в страну дьяволов, там я погибну и брошу его и других зулусов на произвол судьбы. Я так же выразил согласие с его опасениями, но пояснил: раз Догита настаивает на путешествии, оно состоится.

– Так давай убьем Догиту или хотя бы свяжем. Хватит с нас его безумных выходок! – любезно предложил Ганза, и дальше я слушать не пожелал.

Наконец явился Сэм.

– Мистер Квотермейн, прежде чем вы окунетесь в омут глупости, прошу вас подумать об ответственности перед Богом за нас, ваших слуг, которые подобны овцам, заблудившимся вдали от дома, – изрек он. – Кроме того, если с вами случится беда, вы останетесь должны мне жалованье за два месяца и оно, вероятно, останется неуплаченным.

Я вынул из жестяного ящика кожаный мешочек, отсчитал причитающуюся ему сумму и прибавил аванс за три месяца. К моему удивлению, Сэм заплакал.

– Сэр, мне не нужны деньги! Я только хотел сказать, что переживаю, как бы вас не убили эти понго. Я очень привязан к вам, сэр, но, увы, боюсь отправиться в страну понго и погибнуть вместе с вами. Таким создал меня Бог. Но я прошу вас, мистер Квотермейн, не ходите туда, потому что, повторяю, я очень привязан к вам...

– Верю тебе, дружище, – ответил я ему, – я сам боюсь погибнуть, а храбрюсь лишь потому, что так велит долг. Однако надеюсь, что все окончится благополучно. А сейчас я отдам

тебе, Сэм, на хранение этот ящик. В нем полно денег и золота. Если с нами случится беда, переправь его в Дурбан.

– Ох, мистер Квотермейн! – воскликнул он. – Своим доверием вы оказываете мне большую честь, особенно после того, как я был в тюрьме за... растрату при смягчающих вину обстоятельствах. Я скажу вам, мистер Квотермейн, хоть я и трус, но скорее умру, нежели позволю кому-нибудь коснуться этого ящика.

– Я верю тебе, Сэм, – сказал я. – Но надеюсь, что, опасности вопреки, никто из нас не погибнет.

Наконец настало утро, и мы, вшестером, отправились к лодке, которую вывели в открытый канал.

Здесь Комба и его товарищи подвергли нас существу таможенному досмотру. Они, очевидно, опасались, что мы тайно провезем огнестрельное оружие.

– Разве ты не знаешь, как выглядят ружья? – гневно осведомился я. – Разве ты видишь у нас в руках хоть одно из них? Кроме того, я даю тебе честное слово, что при нас их нет.

Комба учтиво поклонился и сказал, что в багаже у нас могут быть маленькие ружья – он имел в виду пистолеты. Доверчивостью он не отличался.

– Распакуй багаж, – велел я Хансу, и тот повиновался с подозрительной готовностью.

Откуда в скрытном и коварном Хансе такая покладистость? Он раскатал свое одеяло, внутри которого оказалась коллекция самых разнообразных предметов. Я помню грязнущие штаны, мятую жестяную кружку, деревянную ложку, какими едят кафры, бутылку с непонятной смесью, высушенные коренья и другие туземные лекарства, старую трубку, подаренную мной, и огромную связку желтого листового табака, который мазиту и понго разводят в большом количестве.

– Ханс, зачем тебе столько табака? – спросил я.

– Для нас, троих черных людей, баас. Мы будем его курить, нюхать и жевать. Вдруг там, куда мы направляемся, окажется мало еды, а на табаке можно продержаться много дней. Он и заснуть помогает...

– Ох, довольно! – сказал я, опасаясь, как бы Ханс не уподобился сэру Уолтеру Рэли²⁹ и не устроил лекцию о целебных свойствах табака.

– Желтому человеку незачем брать это растение в нашу страну, – вмешался Комба. – У нас оно растет в изобилии. Зачем обременять себя лишней ношей?

Он лениво потянулся к табачным листьям, по-видимому чтобы их проверить. В этот момент его внимание отвлек Мавово, нарочно или случайно, сказать не берусь. Мавово развязал свой узел, и Комба принялся его осматривать. Ханс же с удивительной быстротой скатал свое одеяло. Менее чем через минуту оно, перехваченное ремнями, уже висело у Ханса за спиной. Во мне снова проснулись подозрения, но тут Брат Джон и Комба начали спорить из-за сачка – понго принял его за ружье или за магическое приспособление. После этого вспыхнула перепалка из-за простой садовой лопатки, которую хотел взять с собой Стивен. Комба спросил, зачем она, и Стивен через Брата Джона ответил, что для выкапывания цветов.

– Цветов! – воскликнул Комба. – Один из наших богов – Цветок. Не задумал ли белый господин выкопать нашего бога?

Конечно, именно это Стивен и задумал. Спор разгорелся настолько, что я объявил: если наш багаж будут осматривать с такой подозрительностью, то, может, нам лучше отказаться от путешествия в страну понго.

– Мы дали слово, что не возьмем с собой огнестрельного оружия, – с достоинством напомнил я. – Этого достаточно, о Комба!

²⁹ Уолтер Рэли – английский мореплаватель, поэт, писатель, историк, фаворит королевы Елизаветы I, привез табак в Европу, первым начал курить трубку и ввел это занятие в моду.

Тогда Комба, посоветовавшись с товарищами, оставил нас в покое. Очевидно, ему очень хотелось, чтобы мы посетили страну понго.

Наконец мы отплыли. Мы, трое белых и наши слуги, расположились на корме, на подстилках из травы. Комба и его люди заняли места на носу. Мощными взмахами широких весел гребцы погнали лодку по каналу, проложенному гиппопотамами через густые камышовые заросли, откуда с громкими криками разлетались утки и прочие птицы. Четверть часа спустя мы выбрались из заросших отмелей на глубоководье. Тогда в центре лодки поставили высокий шест-мачту и подняли квадратный парус из плотной циновки. Утренний ветер с берега расправил его и понес судно со скоростью не менее восьми миль в час. Дымка понемногу застилала берег, но флаг, который мы водрузили на холме, еще долго виднелся вдаль, постепенно превращаясь в крохотную точку. И вот он исчез. Таял и мой оптимизм, а когда флаг растворился в дымке, я окончательно пал духом.

«Снова впутался ты, Аллан, в глупую историю, – сказал я себе. – Хотелось бы знать, сколько еще таких историй суждено тебе пережить».

Очевидно, у моих спутников на душе тоже скребли кошки. Брат Джон пристально смотрел на горизонт и шевелил губами, словно читая молитву. Подавленным казался даже Стивен. Джерри спал, как свойственно туземцам, когда тепло и делать нечего. Мавово погрузился в размышления. Я подумал, не советуется ли он снова со своей змеей, но не спросил. После несостоявшейся казни я побаивался этого странного пресмыкающегося. Еще предскажет нам скорую гибель, я ведь поверю.

Что касается Ханса, он казался взволнованным и яростно рылся в карманах старого вельветового жилета, в котором, судя по фасону, много лет назад красовался какой-нибудь английский егерь.

– Три! – донеслось до меня его бормотание. – Клянусь духом своего деда, их осталось только три!

– Чего именно осталось три? – спросил я его по-голландски.

– Три берега, баас, а должно быть двадцать четыре. Остальные вывалились в дыру, которую сам дьявол проделал в этой гнилой материи. Теперь нас не заморят голодом, не застрелят, не утопят, по крайней мере меня, но остается еще двадцать одно несчастье, ведь береги от них потеряны. Теперь...

– Перестань молоть ерунду! – прервал я его и снова погрузился в свои печальные думы.

Я задремал и проснулся за полдень. Ветер стихал. Он держался, пока мы ели свои припасы, после чего наступил штиль. Тогда понго взялись за весла. Я подумал, что стоит научиться грести, и мы предложили свою помощь. Нам выдали шесть весел, и Комба, с присущим ему высокомерием, пояснил, как с ними обращаться. Вначале дело не клеилось, но через несколько часов практики появился результат. К концу переправы я понял, что, если потребуется, мы сможем управлять лодкой.

К трем пополудни береговая линия острова (остров это или нет, я так и не выяснил) просматривалась довольно четко, а гору, удаленную от нее на несколько миль, мы увидели еще раньше. Очертания пика я рассмотрел в бинокль в самом начале переправы. Около пяти вечера лодка вошла в глубокий залив, окаймленный лесом, возделанными полями и обычными для Африки деревеньками. По краю полей росли невысокие деревья, и я понял, что некогда, вероятно в прошлом веке, земли здесь обрабатывали гораздо больше. Я спросил Комбу, отчего произошли такие перемены, и он ответил мне загадочной фразой, поразившей меня настолько, что я дословно занес ее в записную книжку: «Когда умирает человек, умирает и хлеб. Человек есть хлеб, и хлеб есть человек». Чуть ниже я приписал: «Сравни с поговоркой „Хлеб – всему голова“».

Больше я ничего не выпытал. Очевидно, Комба намекал на сокращение численности племени понго, и обсуждать это ему не хотелось.

Через несколько миль залив заметно сузился, и лодка подошла к устью реки. На ее берегах, соединенных примитивными мостами, и стоял город Рика – большие хижинки из глины, точнее, как впоследствии выяснилось, из озерного ила с рубленой соломой или травой, покрытые пальмовыми листьями.

Солнце клонилось к закату, когда мы подплыли к пристани, укрепленной вбитыми в илистое дно сваями. К ним было привязано множество лодок. За нашим приближением явно следовали: едва нос лодки ткнулся в сваю, на берегу заиграл рог. На звук из хижин высыпали люди и помогли нам причалить. Лицом и сложением они очень напоминали Комбу и его товарищей. Казалось, это разновозрастные члены одной семьи. По сути, так оно и было из-за частых браков между родственниками.

В наружности высоких, бесстрастных, облаченных в белое людей ощущалось нечто недоброе, неестественное и даже нечеловеческое. Типичная для африканцев веселость в них отсутствовала совершенно. Понго не кричали, не болтали, не смеялись. Они не толпились вокруг, пытаясь потрогать гостей и потеревить чужеземное платье. Они не выказывали ни страха, ни удивления. Они молчали и смотрели на нас с пугающим безразличием, словно пришествие троих белых людей считали рядовым явлением.

Не впечатлил понго и облик чужестранцев. Правда, кое-кто улыбался, глядя на белую бороду Брата Джона и на мои торчащие волосы, показывал на них тонким пальцем или древком большого копья. Я заметил, что острием копья понго для этой цели не пользовались, вероятно чтобы мы не расценили жест как враждебный. Как ни унижительно, но нужно прибавить, что Ханс единственный смог заинтересовать понго. Его безобразное сморщенное лицо вызывало у них острое любопытство – может, казалось диковинным, а может, у столь пристального внимания была иная причина, которую читатель со временем угадает.

По крайней мере, я слышал, как один из понго показал Комбе на Ханса и спросил: кто этот человек-обезьяна, бог или всего лишь предводитель прибывших чужеземцев? Ханс впервые слышал подобный комплимент и был весьма польщен. Остальным нашим спутникам сравнение лестным не показалось. Разгневанный Мавово пригрозил Хансу: мол, еще одна любезность, и он поколотит готтентота прямо на глазах у понго, чтобы его больше не путали ни с богом, ни с предводителем.

– Не грози мне, зулусский мясник, я гожусь на любую из этих ролей! – негодуяше воскликнул Ханс и с характерным готтентотским хихиканьем прибавил: – Хотя прежде, чем будет съедено все мясо, то есть еще до конца нашего странствия, вы увидите меня и тем и другим.

Смысл этого замечания мы поняли не сразу.

Когда мы вылезли из лодки и собрали свой багаж, Комба повел нас по широкой чистой улице. По обеим сторонам ее стояли большие хижинки, о которых я упоминал. При каждой хижине имелся огороженный сад, что для Африки редкость. Благодаря этому малонаселенный город Рика занимал довольно большое пространство. Кстати, ни стена, ни другие укрепления город не окружали – его жители не боялись нападения, их надежно защищало озеро.

Главной особенностью этого места была тишина. По-видимому, понго не держали ни собак, ни домашней птицы; лая или кудахтанья я ни разу не слышал. Мелкий скот имелся в изобилии, но пасли его за городом, там было безопасно, а молоко и мясо доставляли жителям по мере надобности. Взглянуть на нас собралось немало горожан, но они не толпились вокруг, а небольшими группами стояли у ворот своих домов. Семьи состояли в основном из одного мужчины и одной или нескольких женщин. Детей я видел лишь изредка, максимум по трое на одно семейство, а вот бездетных семей – немало. Женщины и дети были в длинных белых нарядах – еще одна особенность, указывающая, что понго не относились к африканским дикарям.

Сегодня, спустя много лет, город Рика так и стоит у меня перед глазами – молчаливые люди, широкие чистые улицы, беленые хижинки с бурыми крышами, ухоженные сады, дымок

костров, поднимающийся прямо в неподвижном воздухе; изящные пальмы и другие тропические деревья, а далеко на севере – округлая громада лесистой горы, называемой Домом богов. Город часто является мне во сне и наяву, когда сильный запах напоминает дурманящий аромат крупных воронкообразных цветков, которыми обильно были усыпаны широколистые кустарники, что росли почти в каждом саду.

По улице мы дошли до высокой живой изгороди, усеянной алыми цветками. Догорел последний луч заката, быстро смеркалось. Комба открыл ворота, и нашему взору предстало зрелище, которое никому из нас не забыть... За изгородью был участок площадью около акра, в глубине стояли две большие хижины, окруженные обычным садом.

Перед хижинами, шагах в пятнадцать от ворот, высилось строение вроде навеса. Пятьдесят футов длиной, тридцать шириной, он состоял из крыши, поддерживаемой резными деревянными столбами. В промежутках между ними висели циновки из травы. Большинство из них опустили, словно шторы, но четыре, как раз против ворот, были подняты. Под навесом собралось человек пятьдесят в белых одеждах и причудливых колпаках. Они устроились с трех сторон огромного костра, разведенного в яме, и пели заунывную песнь. С четвертой стороны, напротив ворот, спиной к нам стоял мужчина с простертыми руками.

Он услышал наши шаги и отступил влево. На нас упал яркий свет пламени. Тогда мы увидели жаровню – железную решетку, на которой лежало нечто ужасное.

– Боже, там женщина! – вскрикнул Стивен, немного обогнавший нас.

В следующую секунду циновки опустились, скрыв от нас жуткое зрелище, и пение прекратилось.

Глава XIV

Клятва Калуби

– Тише! Молчите! – прошептал я, и все поняли меня, если даже не разобрали слов.

При виде этой адской картины мне стало дурно, и я едва овладел собой. В паре шагов впереди нас стоял Комба. Его плечи подрагивали – он явно был смущен, чувствуя, что допустил промах. Наконец он замер, потом повернулся ко мне и спросил, не заметили ли мы чего-нибудь.

– Да, – равнодушно ответил я, – мы видели людей вокруг огня, и больше ничего.

Он пытливо заглядывал нам в глаза, но ничего в них не прочел. Взошла полная луна, но в ту секунду, на наше счастье, она спряталась за тучу. Комба вздохнул с облегчением и сказал:

– По нашему обычаю, в ночи, когда меняется луна, Калуби и старейшины жарят овцу, потом вместе пируют. Следуйте за мной, белые господа.

Он повел нас мимо навеса (на него мы даже не взглянули) и через сад к двум хижинам, о которых я уже упоминал. Здесь он хлопнул в ладоши. Неизвестно откуда появилась женщина, которой Комба что-то шепнул. Она ушла и вскоре возвратилась с четырьмя или пятью подружками, несшими глиняные светильники, наполненные маслом, с фитилем из пальмовых волокон. Их свет озарил хижины, очень чистые и удобные, с деревянными стульями и низкими столиками, ножки которых были вырезаны в виде ног антилопы. В глубине каждого помещения притаился деревянный топчан, застеленный циновками и тюфяками.

– Здесь вы спокойно отдохнете, – пообещал Комба. – Ведь вы, белые господа, почетные гости народа понго. Сейчас вам принесут еду. – (При этом слове я содрогнулся.) – А когда утолите голод, можете навестить Калуби и его советников в Доме празднеств и побеседовать с ними перед сном. Если вам что-нибудь понадобится, ударьте палкой в этот чан. – Комба указал на медный котел, который стоял в саду у хижин, недалеко от места, где женщины уже разводили огонь. – На звон придет служанка и сделает все, что нужно. Вот ваши вещи; ничего не пропало. Вот вода для умывания. А теперь я должен идти и доложить обо всем Калуби.

Комба учтиво поклонился и ушел. За ним последовали прекрасные молчуны, вероятно, чтобы принести нам ужин. Наконец мы остались одни.

– Клянусь своей теткой, я видел, как они жарят ту леди! – воскликнул Стивен, обмахиваясь носовым платком. – Я часто слышал о людоедах, взять хотя бы этих невольников... но видеть своими глазами... брр... это ужасно!

– Если даже у вас есть тетя, поминать ее сейчас без толку! Чего вы ждали, когда настаивали на поездке в этот ад? – мрачно поинтересовался я.

– Не знаю, старина. У меня правило: не беспокоиться о том, что меня ожидает. Вот почему мы с моим бедным отцом не ладили. Я цитировал Евангелие: «... Довольно для каждого дня своей заботы»³⁰, пока отец не велел принести семейную Библию и в гневе не зачеркнул те строки красными чернилами. Но неужели вы думаете, что нас заставят уподобиться святому Лаврентию³¹ на решетке?

– Конечно думаю, – ответил я, – а раз старый Бабемба предупреждал вас об этом, то и жаловаться не след.

– Ну уж нет, я могу и буду жаловаться. И вы, Брат Джон, тоже будете, правда?

Брат Джон вырвался из плена своих мыслей и погладил свою длинную бороду.

– Шла бы речь о подвиге мученичества, вроде того, что совершил святой, которого вы упомянули, я не возражал бы, по крайней мере теоретически, а вот как мирянину мне совер-

³⁰ Мф. 6: 34.

³¹ *Святой Лаврентий* – архидиакон римской христианской общины, сожженный на раскаленной решетке во время гонений на христиан в III веке.

шенно не хочется, чтобы меня жарили и ели эти мерзкие дикари. Впрочем, я не вижу оснований предполагать, что мы падем жертвами местного обычая.

Будучи в весьма подавленном настроении, я хотел возразить, но тут в дверях хижины показалась голова Ханса, который объявил:

– Несут ужин, баас, очень хороший ужин!

Мы вышли в сад, где высокие бесстрастные женщины расставляли на земле деревянные миски, содержимое которых мы теперь видели, благо луна вышла из-за туч. Здесь было мясо под соусом: похоже, баранина, а впрочем, кто знает? Овощи тоже принесли – целое блюдо жареных кукурузных початков и вареную тыкву. Еще помню большие чаши кислого молока. Глядя на эти яства, я вдруг проникся идеями вегетарианства, которые мне постоянно внушал Брат Джон.

– Вы правы, утверждая, что в жарком климате овощи полезнее всего, – нервно сказал ему я. – Попробую несколько дней питаться исключительно постной пищей.

С этими словами я, отбросив условности, схватил четыре початка и срезал ножом верхушку вареной тыквы. Она оказалась очень вкусной. Верхушку я выбрал, потому что она не касалась блюда – кому известно, что в него накладывали и как часто мыли?

Видимо, идеями вегетарианства утешался и Стивен. Кукурузу с тыквой предпочел и он, и Мавово, и даже завзятый мясоед Ханс. Только протак Джерри отведал содержимое египетских (точнее, африканских) котлов с мясом и сказал, что все очень вкусно. По-моему, Джерри прошел через ворота последним и не видел, что лежало на решетке.

Долго ли, коротко ли, – мы окончили свой нехитрый ужин. Голодного пища вроде тыквы быстро не насытит, поэтому жвачные животные, казалось бы, едят непрестанно. Овощи мы запили водой, а густое молоко оставили туземцам.

– Аллан, у решетки спиной к нам стоял Калуби, – тихо сказал мне Брат Джон, когда мы закурили трубки. – При свете пламени я узнал его по отсутствию пальца на поднятой руке.

– Что ж, если мы хотим приблизиться к цели, нужно заручиться его поддержкой, – отозвался я. – Но вот вопрос: удастся ли нам пойти дальше... этой решетки? Я убежден, что нас заманили сюда для того, чтобы съесть.

Прежде чем Брат Джон ответил, явился Комба и, осведомившись, хорошо ли мы поели, сообщил, что Калуби и старейшины готовы нас принять. Мы взяли с собой приготовленные загодя дары и отправились к Калуби – все, за исключением Джерри, которого оставили сторожить наши вещи.

Комба повел нас к Дому празднеств. Огонь в яме уже догорел или его потушили, решетку с ее ужасным грузом убрали, циновки между столбами подняли, так что навес теперь освещала луна. Восемь седовласых старейшин восседали лицом к воротам на деревянных табуретах, составленных полукругом, в самом центре – вождь. В жизни я не видал таких нервных людей, как высокий худой Калуби. Лицо у него постоянно дергалось, руки безостановочно двигались, в глазах, насколько я мог разглядеть в свете луны, плескался ужас.

Калуби поднялся и отвесил поклон, а его советники остались сидеть, но долго хлопали нам. Видимо, аплодисменты означали у понго приветствие.

Мы поклонились в ответ и сели на заранее поставленные для нас табуреты: Брат Джон в центре, мы со Стивеном по краям. Мавово и Ханс встали позади нас; последний опирался на большую бамбуковую палку. После этого Калуби приказал Комбе, к которому обращался официально, называя его не иначе как Признанный богами и будущий Калуби (мне почудилось, что он вздрагивает, произнося эти слова), доложить о выполненном задании и объяснить, по какой причине белые господа осчастливили понго своим появлением.

Комба повиновался. Он коротко и ясно рассказал о путешествии в город Беза, при этом обращаясь к вождю со всевозможным почтением. Комба величал его и Всевластным повелителем, и Владыкой, чьи ноги лобзает его раб, и Тем, чьи глаза – огонь, а язык – острый нож,

и Тем, по мановению которого умирают люди, и Устроителем жертвоприношений, и Первым, кто вкушает священное мясо, и Любимцем богов (тут Калуби съежился, как от удара копьем), и Вторым после святейшего и древнейшего Мотомбо, Посланца и Глашатая небес, и так далее.

Комба поведал, как по велению Мотомбо пригласил в страну понго белых господ, которые пришли сюда в качестве послов мазиту, так как никто из этого племени не отозвался на призыв короля Бауси. Он, Комба, опять же по велению Мотомбо, поставил белым людям условие: не брать с собой магического оружия, изрыгающего дым и смерть. При этом известии на нервном лице Калуби отразилось сильное волнение, которое наверняка заметил и Комба. Однако он ничего не сказал и после небольшой паузы продолжил свой доклад. Он заверил, что такого оружия при нас нет, ибо он и его товарищи, не удовлетворившись нашими гарантиями, обыскали наш багаж на границе страны мазиту. Поэтому Комба не видел причин опасаться, что мы приведем в исполнение древнее пророчество о том, что, когда в стране понго грянет ружейный выстрел, боги покинут ее и народ понго перестанет существовать.

Окончив свою речь, Комба скромно сел позади нас.

Потом Калуби, выразив формальное согласие считать нас послами Бауси, короля мазиту, долго говорил о пользе прочного мира между двумя народами и изложил свои условия, которые, по-видимому, подготовил заранее. Подробности опускаю, ведь мир так и не заключили, да и сомневаюсь, что понго действительно имели эти намерения. Скажу лишь, что речь шла о заключении браков, свободной торговле между двумя странами, кровном братстве и прочих вещах, о которых я уже забыл. Предполагалось скрепить договор двойными брачными узами: Бауси возьмет в жены дочь Калуби, а тот – дочь короля.

Мы молча выслушали Калуби и сделали вид, что обсуждаем его предложение. Потом я от имени Брата Джона (которого я представил слишком важной персоной, чтобы он говорил сам) сказал, что условия Калуби кажутся нам обоснованными и справедливыми и по возвращении в страну мазиту мы с удовольствием изложим их Бауси.

Калуби остался доволен моим ответом, но заметил, что условия перемирия нужно передать Мотомбо, без одобрения которого ни один договор у понго не считается законным. Он предложил нам посетить «его святейшество», выступив завтра через три часа после восхода солнца, ибо от города Рика до жилища Мотомбо целый день пути. Мы посоветовались и ответили, что дорожим своим временем, но понимаем, что Мотомбо стар и сам сюда не явится, поэтому готовы уступить и посетить его сами. Я добавил, что мы устали и хотим отдохнуть. Потом Калуби были преподнесены дары, которые он принял благосклонно, пообещав одарить нас в ответ, перед тем как мы покинем страну понго.

После этого Калуби взял маленькую палочку и сломал ее в знак того, что аудиенция окончена. Мы пожелали спокойной ночи ему и его советникам и удалились в свои хижины. В пояснение дальнейшего я должен прибавить, что теперь нас провожали два советника, а не Комба. Когда мы поднялись с мест, чтобы проститься с Калуби, я заметил, что Комбы на собрании нет. Когда он ушел, сказать не могу, никто из нас не видел этого, поскольку он сидел позади.

– Ну и как все это понимать? – спросил я, когда мы закрыли дверь.

Брат Джон молча покачал головой; в те дни он пребывал в мире грез.

За него ответил Стивен:

– Вздор! Ерунда! Не знаю, что на уме у этих людоедов, но точно не мир с мазиту!

– Согласен с вами, – сказал я. – Если бы понго всерьез стремились к миру, то больше торговались бы, настаивали бы на более выгодных условиях, на выдаче заложников и все такое прочее. Кроме того, они заранее получили бы согласие Мотомбо. Ясно, что хозяин здесь он, а Калуби лишь его орудие. Если бы понго хотели мира, первым высказался бы Мотомбо. Кстати, неизвестно, существует ли он в действительности. Считаю, что самое разумное – забыть об этом волхве и завтра же утром бежать отсюда к мазиту на первой попавшейся лодке.

– Я намерен посетить Мотомбо, – решительно заявил Брат Джон.

– Я тоже, – отозвался Стивен. – Бесплезно спорить еще раз.

– Лучше скажите: бесполезно спорить с сумасшедшими! – разозлился я. – Поэтому давайте лучше спать. Вероятно, это наш последний сон.

– Ладно-ладно, – буркнул Стивен, снял куртку и свернул пополам, чтобы положить себе под голову. – Посторонитесь-ка, я встряхну одеяло. Оно трухой засыпано, – прибавил он.

– Трухой? – с подозрением переспросил я. – Зря вы поторопились и не показали мне одеяло. Прежде оно было чистым.

– Должно быть, по крыше бегают крысы, – беспечно отмахнулся Стивен.

Не удовлетворившись этим объяснением, я при слабом свете ламп начал осматривать потолок и глиняные стены хижины, расписанные узором из завитков. Тут в дверь постучали, и я, забыв о трухе, открыл ее. В хижину заглянул Ханс.

– Один из этих дьявольских людоедов хочет поговорить с баасом. Мавово не пускает его сюда.

– Впусти, – велел я. В такой ситуации бесстрашие казалось мне наилучшей тактикой. – Но пока он здесь, глаз с него не спускай.

Ханс что-то шепнул, обернувшись через плечо, и в следующий момент в хижину вошел, точнее, влетел высокий мужчина, с головы до ног закутанный в белое, отчего был похож на призрака. Вошедший плотно прикрыл за собой дверь.

– Кто ты? – спросил я.

Вместо ответа он открыл лицо, и я увидел, что перед нами сам Калуби.

– Я хочу поговорить наедине с белым господином Догитой, – хрипло сказал он. – Прямо сейчас, ибо потом такой возможности не будет.

– Как поживаешь, мой друг Калуби? – спросил Брат Джон, поднявшись. – Вижу, твоя рана зажила.

– Да-да, однако я хочу поговорить с тобой наедине.

– Нет, – ответил Брат Джон, – если ты хочешь что-нибудь сказать, ты должен говорить перед всеми или не говорить вообще. Я и эти господа – единое целое. То, что знаю я, должны знать и они.

– Могу ли я довериться им? – пробормотал Калуби.

– Так же как и мне. Поэтому либо говори, либо уходи. Но наш разговор могут подслушать...

– Нет, Догита, здесь толстые стены. На крыше никого нет, я проверил. Никто не сможет влезть на нее бесшумно, к тому же этого смельчака заметят ваши охранники у двери. Нашу беседу услышат разве что боги.

– Тогда испытаем богов, Калуби. Говори смело, мои братья знают твою историю.

– О белые господа, я в ужасном положении, – начал Калуби, вращая глазами, как загнанный зверь. – С тех пор как мы расстались, Догита, я должен был посетить Белого дьявола, живущего в горном лесу, и разбросать там священные семена. Но я притворился больным, поэтому Комба, будущий Калуби, Признанный богами, взял на себя эту обязанность и вернулся невредимым. Завтра полнолуние, и я должен снова посетить страшное божество и разбросать семена. Дьявол убьет меня, о Догита, ведь я уже пережил одно нападение! Он наверняка одолеет меня, если я не смогу уничтожить его. Вместо меня будет царствовать Комба, и он, как вы догадываетесь, обречет вас на горячую смерть – принесет в жертву богам, чтобы у женщин понго снова рождалось много детей. Да-да, если мы не убьем Белого дьявола, живущего в лесу, то все погибнем!

Калуби замолчал. Он весь дрожал, притом что с него лился пот.

– Все это хорошо, – сказал Брат Джон. – Пусть нам удастся победить дьявола, но как это поможет нам избежать гнева Мотомбо и твоего племени? Они ведь растерзают нас за оскорбление святыни.

– Нет, Догита. Если умрет божество, умрет и Мотомбо. Это издревле известно. Поэтому Мотомбо оберегает его, словно мать свое дитя. До тех пор пока не отыщется новый Белый дьявол, его место займет Мать Священного цветка, а она милосердна и никому не причиняет зла. Я буду править от ее имени и, конечно, уничтожу своих врагов, особенно этого колдуна Комбу.

Тут я услышал слабый звук, похожий на шипение змеи, но он не повторился, и я, ничего не заметив, решил, что мне просто почудилось.

– Кроме того, – продолжал Калуби, – я дам вам много золота, даров, каких вы только пожелаете, и невредимыми переправлю в страну ваших друзей мазиту.

– Погоди, – вмешался я, – давай разберемся. Джон, пожалуйста, переведите все Стивену. Для начала скажи мне, друг Калуби, что это за божество, о котором ты говоришь?

– Это огромная обезьяна, о господин Макумазан, белая то ли от старости, то ли с самого рождения. Она вдвое больше любого из нас и сильнее двадцати мужчин. Гигантская обезьяна может сломать человека пополам, как я ломаю тростинку, или откусить ему голову, как откусила мне палец в знак предостережения. Так она поступает со всеми вождями, надоевшими ей. Сначала она откусывает им палец, но позволяет уйти, потом ломает их, словно тростник, и вместе с ними убивает всех, кого хотят принести в жертву.

– Ага, это большая обезьяна! – сказал я. – Так я и думал. Давно это животное считается у вас священным?

– Точно не знаю. Испокон веков. Белый дьявол существовал всегда, так же как и Мотомбо, ибо они – одно целое.

– Полная ерунда, – сказал я по-английски; потом прибавил: – А что это за Мать Священного цветка? Она тоже существовала всегда и живет там же, где бог-обезьяна?

– Нет, господин Макумазан, она смертна, как и все люди. Ей наследуют те, кто может занять ее место. Нынешняя Мать Цветка – белая женщина средних лет, принадлежащая к вашему народу. Когда она умрет, ее место займет дочь, тоже белокожая и очень красивая. После ее смерти найдутся другие белые женщины – возможно, из числа рожденных от черных родителей.

– А сколько лет этой дочери? – спросил Брат Джон изменившимся голосом. – Кто ее отец?

– Она родилась, Догита, свыше двадцати лет назад, после того как Мать Цветка захватили в плен и привели сюда, в страну понго. Мать Цветка говорила, что отец этой девушки – ее покойный супруг.

Брат Джон опустил голову на грудь и закрыл глаза, словно погружаясь в сон.

– Живет Мать Цветка на острове посреди озера – на вершине горы, которая окружена водой, – продолжал Калуби. – Жрица не общается с Белым дьяволом, но ее прислужницы временами переплывают озеро, чтобы присмотреть за полем, где вождь разбрасывает семена. Из этих семян вырастает хлеб, который служит пищей божеству.

– Ну хоть что-то понятно, – проговорил я. – Теперь изложи нам свой план. Как мы попадем туда, где живет большая обезьяна, и каким образом можно убить ее, раз твой преемник Комба не позволил нам взять с собой огнестрельное оружие?

– О господин Макумазан! Пусть зубы Белого дьявола сокрушат мозг Комбы за содеянное им! Пророчество, о котором он говорил тебе, совсем не древнее. Оно появилось в нашей земле не более месяца назад, хотя от Комбы ли оно исходит или от Мотомбо, я не знаю. Никто, кроме меня и нескольких человек в нашем племени, не слышал о железных трубах, изрыгающих смерть. Откуда же взяться пророчеству?

– Я тоже не знаю этого, Калуби. Но ответь мне на мои вопросы.

– Ты спрашиваешь, как вы попадете в лес, ибо Белый дьявол живет в лесу, на склоне горы? Устроить это просто, ведь Мотомбо и все племя убеждены, что я заманил вас сюда, дабы принести в жертву, чего они желают по разным причинам. – Калуби выразительно посмотрел

на упитанного Стивена. – Как убить божество без железных труб, я не знаю. Но вы великие маги, храбрецы и наверняка сами найдете способ.

Тут Брат Джон вырвался из плена грез.

– Да, способ мы найдем, – заверил он. – Мы не боимся обезьяны, которую ты называешь божеством. Но сделаем мы это только за плату. Безвозмездно мы не станем убивать это чудовище и спасать тебя от смерти.

– За какую плату? – нервно пробормотал Калуби. – Я могу дать вам много женщин, много скота. Но женщины будут вам только обузой, а скот не переправить через озеро. Золото и слоновую кость я вам уже обещал. Больше у меня ничего нет.

– В виде платы мы требуем у тебя, о Калуби, белую женщину, именуемую Матерью Священного цветка, и ее дочь.

– И Священный цветок вместе с корневищем, – прибавил Стивен, которому я переводил каждую реплику.

Услышав эти «скромные» требования, бедный Калуби чуть не сошел с ума.

– Вы понимаете, что требуете богов моей страны? – спросил он, почти задыхаясь.

– Конечно понимаем, – невозмутимо ответил Брат Джон. – Мы хотим богов твоей страны, ни больше ни меньше.

Калуби бросился к двери хижины, но я поймал его за руку и сказал:

– Постой, дружище. Ты просишь, чтобы мы ради твоего спасения рискнули жизнью и убили величайшего из богов понго. Взамен мы просим подарить нам остальных богов и перевести нас с ними через озеро. Ты принимаешь наше предложение или нет?

– Нет, – мрачно ответил Калуби, – если соглашусь, то навлеку на свой дух последнее проклятие. О нем даже говорить не хочется: слишком оно ужасно.

– А если откажешься, то навлечешь проклятие на свое тело. Через несколько часов тебя загрызет обезьяна, которую ты называешь богом. Да, она загрызет тебя, а потом твой труп зажарят и съедят, устроив ритуальный пир, так?

Калуби кивнул и застонал.

– Мы только рады твоему отказу, – продолжал я. – Теперь мы избавимся от трудного и опасного дела и вернемся в страну мазиту целыми и невредимыми.

– Как вы вернетесь на земли мазиту, о господин Макумазан? Даже если вас не коснутся клыки Белого дьявола, вы обречены на горячую смерть.

– Очень просто, Калуби. Мы скажем Комбе, будущему вождю, о кознях, которые ты строишь против вашего бога. Мол, мы отказались слушать тебя. Особых доказательств не требуется, ведь ты у нас в хижине. Кому придет в голову искать тебя здесь? Пойду-ка я, ударю в чан за дверью. На звук кто-нибудь да придет, хоть теперь и поздно. Стой спокойно! У нас есть ножи, а у наших слуг – копья. – И я шагнул к двери.

– Господин, я отдам вам Мать Священного цветка и ее дочь, – сразу пообещал Калуби. – И Священный цветок вместе с корневищем. Постараюсь переправить вас через озеро целыми и невредимыми, клянусь! Только прошу вас, возьмите меня с собой, ведь после этого я не посмею остаться здесь. Проклятие последует за мной, но лучше погибнуть от проклятия в угодный судьбе день, чем от клыков Белого дьявола завтра. Ох, зачем я родился на свет? Зачем родился? – Калуби зарыдал.

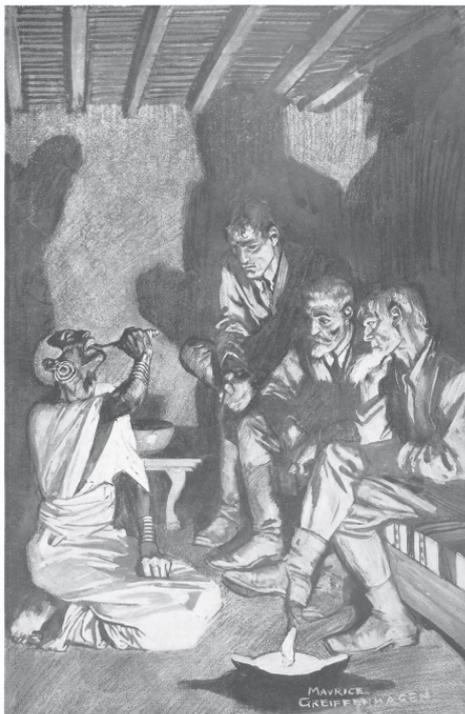
– Этот вопрос, о Калуби, задавали многие, но никто не получил на него ответа, хотя, вероятно, ответ все-таки существует, – участливо проговорил я.

Я искренне жалел этого несчастного человека, заблудившегося в аду суеверия; владыку, который вырвется из сетей ненавистной власти, лишь угодив в объятия ужасной смерти; жреца, обреченного погибнуть от руки своего божества, как погибли его предшественники, как погибли его преемники.

– Впрочем, поступил ты мудро, клятву твою мы запомним, – продолжил я. – Пока ты верен нам, мы будем молчать, а если изменишь своему слову... Мы не так уж беззащитны, в ответ мы предадим тебя, и ты погибнешь вместо нас. Ну что, договорились?

– Договорились, белый господин! Но не брани меня, если дела примут скверный оборот. Богам ведомо все, они упиваются людским горем, смеются над уговорами и мучают тех, кто их терзает. Но будь что будет. Я поклянусь вам в верности нерушимой клятвой. – Калуби вытащил из-за пояса нож и проколол себе кончик языка; из ранки на пол капнула кровь. – Если нарушу свою клятву, – начал он, – пусть мое тело похолодеет, как холодеет эта кровь, пусть оно сгниет, как сгниет эта кровь! Пусть мой дух затеряется в мире призраков и исчезнет в нем, как исчезнет в воздухе и в прахе земном эта кровь!

Ужасная сцена потрясла меня до глубины души, уже тогда я почувствовал, что этому бедняге от судьбы не уйти.

Калуби вытащил из-за пояса нож и проколол себе кончик языка; из ранки на пол капнула кровь.

Мы промолчали, а мгновением позже Калуби закрыл лицо белой тканью и выскользнул из хижины.

– Боюсь, с этим дерганым парнем мы играем не вполне чисто, – заметил Стивен, и в его голосе прозвучала нота раскаяния.

– Белая женщина и ее дочь... – пробормотал Брат Джон.

– Да, – размышлял вслух Стивен, – это можно оправдать желанием вырвать из ада двух белых женщин. А желание достать орхидею можно оправдать желанием не разлучать бедняжек с цветком. Хорошо, что я об этом подумал, теперь на душе спокойнее.

– Надеюсь, спокойно вам будет и на горячей железной решетке. Мы втроем на ней прекрасно уместимся, – съязвил я. – А теперь попрошу тишины, я спать хочу.

К сожалению, должен прибавить, что это желание не осуществилось. Но если я не мог уснуть, то думать мне ничто не мешало. И передумал я многое.

Сперва я размышлял о понго и их богах. Странные люди, странный пантеон... Этот вопрос я скоро оставил, ибо он одинаково касался дюжины других темных культов, исповедуемых на обширном Африканском континенте. На сей вопрос не ответить никому, и уж точно не приверженцам суеверий. Ответ следует искать в тайниках человеческой души, которая видит вокруг себя только смерть, ужас и зло. Олицетворением зла в том или ином причудливом виде и являются боги или, вернее, демоны, которых можно умиловить жертвой. Идолы или животные сами по себе редко становятся объектами поклонения. Чаще всего изображение невежественного дикаря рисует существо или предмет, в которые вселились божество или демон. Обиталище духа и признается фетишем, при этом разные духи обладают различными свойствами.

Так, большая обезьяна, вероятно, олицетворяет Сатану, кровавого князя тьмы. Священный цветок – символ плодородия, даров земли, которыми питается человек. Мать Цветка – воплощенное милосердие, поэтому она всенепременно белая и живет не в темном лесу, а на горе, ближе к свету. Либо она африканская сестра Цереры, римской богини – хранительницы посевов, которые символизирует прекрасный цветок. Кому это ведомо? Точно не мне. На такие вопросы я не мог ответить ни тогда, ни впоследствии.

А вот историю понго я представляю ясно. Последние потомки высшей расы, они вымирали, вырождались из-за родственных браков. Полагаю, что изначально они людоедствовали изредка или по религиозной причине. Потом неурожай и голод повысили роль религии, и страшный обряд укоренился. От человечины ни один африканский каннибал не откажется! Не исключено, что Калуби пригласил нас сюда в безумной надежде спастись от дьявола, которому служит, но Комба и старейшины под влиянием пророка, именуемого Мотомбо, явно собирались убить нас и съесть на жертвенном пиру. Как нам без оружия избежать страшной участи, я не представлял. Если только нас не ожидает чудесное спасение... Пока нужно идти вперед, идти до конца, каким бы он ни был.

Брат Джон, или преподобный Джон Эверсли, как его зовут по-настоящему, твердо верил, что на вершине горы живет его супруга, пропавшая более двадцати лет назад, а вторая белая женщина – его дочь, о существовании которой он, как ни странно, услышал лишь сегодня вечером. Прав он или нет, не знаю. Так или иначе, в страшной африканской глуши томятся две белые женщины, и наша цель ясна: нужно спасти их во что бы то ни стало, невзирая на смертельную опасность.

Вспомнились чьи-то благородные слова:

Жизнь дарована не для забавы,
Не для сладких грез и нежных чувств.
Долг и вера – лучшие награды,
К ним стремись превыше всех искусств.

Что ж, «забавами» суровый поход нас не баловал, а «нежные чувства» сулил только Брату Джону (здесь я в очередной раз ошибся). «Долг и вера», вероятно, относились ко мне. В безвыходной ситуации мне предстояло к ним стремиться.

Наконец я заснул и увидел странный сон. В нем я вырвался из телесной оболочки, но мыслительные и наблюдательные способности сохранил. Я словно умер физически, а душа была жива. В таком состоянии я парил над племенем понго, собравшимся на большой равнине под темным небом. Люди занимались повседневными делами, в том числе самыми неприятными. Иные молились темной фигуре, в которой я узнал дьявола; иные убивали, иные поедали то, к чему не хотелось приглядываться, иные работали, иные обменивались товаром, иные размышляли. Но я, способный заглядывать внутрь, в груди каждого видел крохотного мужчину,

женщину или ребенка – коленопреклоненных, заплаканных, с мольбой взирающих на мрачные небеса.

Потом в вышине появилась звезда, она разгоралась все ярче и ярче, пока не превратилась в огненный нимб. Сердцевина нимба пульсировала, отчего-то напоминая мне шевелящиеся губы. Вдруг из этих губ посыпались снежинки, каждая из которых упала на лоб человечка, спрятанного в груди черного людоеда-дикаря, обелила и очистила его.

Нимб начал блекнуть и сжиматься, пока не осталось подобие прозрачных рук, вытянутых в знак благословения. Я проснулся, гадая, с чего мог присниться такой сон и значит ли он что-нибудь.

Позднее я пересказал его Брату Джону, человеку глубоко верующему и порядочному (хотя первое качество еще не гарантирует второе), и попросил объяснений. В ту ночь Брат Джон лишь покачал головой, но через пару дней подошел ко мне и сказал: «Аллан, я разгадал ваш сон, причем ответ пришел сам собой, совершенно неожиданно. В каждом сердце, очерненном грехом, дремлет семя добра и стремления к праведности. Каждый из грешников достоин прощения и милосердия, ибо как им узнать истинную веру, если никто их не учил? Аллан, ваш сон о том, что спасти можно самую темную душу, ведь милость Господня однажды озарит мрак, в котором бродят грешники».

Надеюсь, Брат Джон не ошибся, ибо недобрые вещи творятся нынче в мире, особенно в Африке.

Мы во многом виним темнокожих дикарей, но разве мы лучше, учитывая наши возможности и способности? На деле дьявол (какое удобное, емкое слово!) – искусный рыбак с целым арсеналом наживки всех размеров и цветов, из которой безошибочно выбирает подходящую для той или иной рыбы. Для черной рыбы своя наживка, для белой – своя, но вот вопрос: разве рыба, проглотившая крючок с жирной личинкой, лучше и умнее той, что попала на тот же крючок, но с изящной белой мушкой?

В общем, разве не все мы грешны, как сказано в молитвеннике? Разве много отличий между черной и белой рыбой, если учесть особенности среды обитания? Разве не все мы нуждаемся в благословении, в простертых дланях, которые я видел во сне?

Но хватит, хватит! Негоже простому охотнику рассуждать о столь высоких материях.

Глава XV Мотомбо

Потом я снова заснул и спал, пока меня не разбудил яркий солнечный луч, светивший прямо в глаза. «Откуда он?» – с удивлением подумал я, ведь в хижине не было окон.

Проследив за направлением луча, я понял, что свет льется из дырки, пробитой футах в пяти от пола в глиняной стене. Я поднялся и осмотрел отверстие. Прodelали его недавно: глина по краям еще не побелела. Реши кто-нибудь подслушать говорившего в хижине, такое отверстие было бы кстати. Я вышел наружу и продолжил осмотр. Упомянутая стена находилась в четырех футах от восточной части камышовой изгороди, на которой следов не было, зато с внешней стороны стены у основания лежали хлопья побелки, осыпавшиеся совсем недавно. Я позвал Ханса и спросил его, хорошо ли он сторожил хижину, пока у нас был гость. Ханс заверил, что в то время поблизости никого не было, мол, он готов в этом поклясться, так как постоянно ходил вокруг нее.

Немного успокоившись, я вернулся в хижину и разбудил остальных. Я ничего не сказал им, так как считал излишним тревожить их понапрасну. Через несколько минут высокие молчаливые женщины принесли нам горячей воды. Странно получать горячую воду в таком месте из рук таких «горничных», но факт оставался фактом. Замечу, что понго, подобно зулусам, отличались чистоплотностью, хотя умывались ли они горячей водой, не уверен.

Полчаса спустя нам подали завтрак, состоявший главным образом из зажаренного целиком козленка, поэтому мы ели без опаски. Потом явился величественный Комба, поздоровался, справился о нашем здоровье и осведомился, готовы ли мы отправиться к Мотомбо, который, по его словам, ожидает нас с нетерпением. Я спросил, откуда Комбе это известно, ведь мы решили посетить Мотомбо только накануне вечером, а до его жилища целый день пути. В ответ Комба лишь улыбнулся.

Итак, мы отправились к Мотомбо, захватив с собой весь багаж, который после раздачи подарков заметно полегчал.

Главная улица города Рика вела к северным воротам, и через пять минут мы были уже там. Нас поджидал сам Калуби с конвоем из тридцати воинов, вооруженных копьями – у понго, как я заметил, в отличие от мазиту, нет луков и стрел. Калуби громко объявил, что окажет нам особую честь – проводит к священному жилищу Мотомбо. Мы вежливо попросили его не беспокоиться, но Калуби раздраженно велел нам помалкивать. Возможно, гнев его был напускным, однако склоняюсь к мысли, что злился вождь по-настоящему. При известных читателю обстоятельствах это неудивительно. Как бы то ни было, примерно через час злость Калуби вылилась в жестокий поступок, показывающий, сколь безгранична власть этого человека в мирских делах.

Через кустарник мы прошли к саду, окруженному невысоким забором, через который пробрались коровы – некрупные, наподобие джерсейской породы – и поедали урожай. Выяснилось, что и сад, и стадо принадлежат Калуби. Вождя страшно возмутил нанесенный коровами ущерб.

– Где пастух? – закричал он.

Начались поиски. Мальчонку-пастуха вскоре обнаружили спящим в кустах и приволокли к Калуби. Тот показал недотепа сперва на коров, потом на сломанный забор и разоренный сад. Паренек принялся каяться и просить пощады.

– Убейте его! – велел Калуби.

Тогда пастушок обнял его колени и, рыдая от страха, стал целовать ему ноги. Вождь безуспешно пытался отбиться, затем схватил большое копьё и оборвал не только причитания, но и жизнь бедняги.

Свита Калуби заплодировала, потом четыре воина подняли тело несчастного, понесли в город Рика, и я понял, кого нынче вечером поджарят на решетке. Брат Джон возмущенно наблюдал за происходящим, борода у него топорщилась, как шерсть разъяренного кота.

– Негодяй! – прошипел Стивен, замахнулся и сбил бы Калуби с ног, если бы я не помешал.

– О Калуби, неужели тебе неизвестно, что за кровь платят кровью? – осведомился Брат Джон. – На смертном одре ты непременно вспомнишь эту смерть.

– Ты хочешь околдовать меня, белый человек? – спросил Калуби, свирепо на него глядя. – Если так...

Он снова поднял копьё и... замер в нерешительности. Брат Джон не шелохнулся.

– О Догита, довольно попирать наши обычаи! – закричал Комба, встав между ними. – Перед тобой Калуби, владыка жизни и смерти!

Брат Джон хотел ответить, но я сказал ему по-английски:

– Ради бога, молчите, не то разделите участь пастушка! Мы же во власти этого человека!

Брат Джон опомнился, отошел в сторону, и вскоре мы двинулись дальше как ни в чем не бывало. С того момента мы перестали беспокоиться о Калуби и его дальнейшей судьбе. Сейчас, переосмысливая случившееся, я могу оправдать вождя: несчастный обезумел от страха перед смертью и не ведал, что творит.

Мы целый день шли по плодородной равнине – судя по ряду признаков, некогда все эти земли были возделаны. Теперь же хлебные поля попадались редко, свободное пространство зарастало бамбуком. Солнце жгло немилосердно, и около полудня мы остановились у озерца поесть и отдохнуть. Там нас нагнали воины, унесшие тело пастушка в город. После того как они доложили Калуби о выполнении приказа, мы отправились к причудливым черным скалам, за которыми возвышалась величественная гора, по-видимому вулканического происхождения. Скалы тянулись с запада на восток, насколько хватал глаз; к трем часам пополудни мы приблизились к ним достаточно, чтобы различить зияющий вход в пещеру, где заканчивалась дорога.

К нам подошел Калуби и, смущаясь, попытался завязать разговор. Думаю, вид горы разбудил в нем страх с новой силой, поэтому вождь решил подольститься к нам, своим потенциальным спасителям. Помимо всего прочего, Калуби сообщил, что брешь в скалах – дверь в жилище Мотомбо.

Я молча кивнул. В обществе убийцы мне становилось дурно. Калуби отошел, бросая на нас умоляющие взгляды.

Без особых приключений мы достигли скалистой стены. Она, я полагаю, состояла из крепкого вулканического камня, миллионы лет выдерживавшего непогоду и разливы озера, в то время как более хрупкие породы вокруг рассыпались. Я не геолог и не могу точно определить минералогический состав, да и некогда было изучать местные камни. Зато я прекрасно видел брешь – вход в большую пещеру, очевидно естественного происхождения. Наверняка она некогда служила стоком для озерной воды, затоплявшей страну понго.

Мы остановились и нерешительно смотрели на темный провал в скалах, без сомнения тот самый, который в юности разглядывал Бабемба. По приказу Калуби несколько воинов поспешили к окрестным хижинам, где жили слуги и охранники Мотомбо. Ни тех ни других мы не увидели. Воины быстро вернулись с горящими факелами, которые раздали нам. С содроганием (по крайней мере, меня била дрожь) мы вошли в мрачную пещеру: первым шел Калуби с половиной конвоя, потом мы, затем Комба с остальными.

Пол пещеры был очень гладким – несомненно, благодаря действию воды, – равно как и своды. Правда, рассмотреть их толком не удалось: они расступались вширь и смыкались высоко над головой. Путь наш был извилист; углубляясь в толщу скал, мы несколько раз поворачивали. У первого поворота воины понго затянули дикую заунывную песнь и не смолкали до конца дороги, а прошли мы свыше трехсот ярдов, если считать по моим шагам. При свете факелов,

мерцавших в густом мраке, как звезды, мы добрались до последнего поворота – там поперек пещеры висел большой занавес из циновки. Сейчас он был приподнят, и нашим глазам предстало весьма странное зрелище.

По обеим сторонам пещеры у стен горело по большому костру. Пламя выхватывало из темноты часть пространства. Кроме того, свет проникал через дальний выход, находившийся шагах в двадцати от костров. Там виднелась протока шириной ярдов двести, а за ней поднимался лесистый горный склон. Вода проникала в пещеру, образуя маленькую бухту, она почти достигала огня, а поодаль, на отмели шириной футов шесть-восемь, стояла на приколе большая лодка. В стенах каменного зала зияло четыре дверных проема (по два с каждой стороны), которые, я полагаю, вели в покой, высеченные в скале. Каждый вход охраняла рослая женщина в белом, с горящим факелом в руках. Я решил, что это прислужницы, поставленные здесь, чтобы приветствовать нас. Однако, едва мы приблизились, женщины скрылись.

Но это было еще не все. За маленькой бухтой, прямо над лодкой, высился деревянный настил на сваях площадью около восьми квадратных футов. По бокам к нему приладили по слоновьему бивню, почерневшему от времени, размером больше любого из всех мной виденных. Между бивнями на пушистой кароссе сидело на корточках существо, которое я вначале принял за огромную жабу. На вид жаба, раздувшаяся жаба – та же грубая сморщенная кожа, тот же выпирающий хребет (оно сидело спиной к нам), те же тонкие, вывернутые наружу ноги.

Мы долго разглядывали это страшилище: при скудном освещении ничего не разберешь. Я не выдержал и решил спросить Калуби, кто это, но не успел и рта раскрыть, как существо зашевелилось. Оно повернуло голову, и в тот же миг Калуби и все понго оборвали свою дикую песнь и пали ниц. Несшие факелы продолжали держать их в правой руке.

Святые Небеса, «жаба» оказалась человеком, двигавшимся на четвереньках! Большая лысая голова была вдавлена в плечи либо из-за врожденного дефекта, либо в силу возраста, ведь это создание, без сомнения, было очень старым. Я пытался представить, сколько ему лет, но терялся в догадках. Крупное широкое лицо сморщилось, как воловья кожа на солнце; нижняя губа свешивалась, почти касаясь выступающего костлявого подбородка; по углам рта торчали два желтых клыка, остальные зубы выпали. Порой существо по-змеиному облизывало белесые десна; мелькал язык с красным кончиком. Но особенно поражали глаза – огромные, круглые, они сверкали, словно в глубине черепа горело пламя, а плоть вокруг них ссохлась. Глаза полыхали как настоящий огонь, а порой вспыхивали, словно у льва в темноте. И это человеческое существо! Признаюсь, мне стало не по себе, и на минуту я застыл, как парализованный.

Посмотрев на спутников, я понял, что они тоже напуганы. Стивен побледнел, и я подумал, что беднягу сейчас стошнит, как в первый день в стране мазиту, когда он хлебнул кофе не из той кружки. Брат Джон поглаживал бороду и шепотом молился, прося Господа о защите. Ханс воскликнул на ломаном голландском:

– Гляньте, баас, уродливый старый дьявол во плоти!

Джерри пал ниц вместе с понго, бормоча, что перед ним сама смерть. Только Мавово не шелохнулся. Наверное, понимал: ему, известному колдуну, не пристало поджимать хвост в присутствии злого духа.

Человек-жаба медленно, по-черепаши повернул голову из стороны в сторону, оглядывая нас пылающими глазами, и заговорил на языке банту, распространенном в этой части Африки и родственном языку зулу. Правда, в речи Мотомбо слышался странный акцент.

– Итак, белые люди, вы вернулись, – медленно начал Мотомбо низким гортанным голосом. – Дайте мне сосчитать вас. – Он поднял костлявую руку и стал по очереди направлять на каждого из нас указательный палец. – Один. Высокий, с белой бородой. Да, правильно. Два. Низкий, ловкий, как обезьяна, с волосами, которые не расчешешь; хитрый, как Отец обезьян. Да, правильно. Три. Молодой и глупый, с нежным лицом, похожий на жирного ребенка, кото-

рый улыбается небу, потому что полон молока, и думает, что небо улыбается ему. Да, правильно. Все трое те же самые. Помнишь, Белая борода, как мы убивали тебя, а ты зывал к Восседающему над миром и поднимал костяной крест с фигуркой человека в терновом венце? Помнишь, как ты целовал человека в терновом венце, когда в тебя вонзалось копье? Головой качаешь? Ты коварный лжец, но я избочичу тебя, ведь тот крест до сих пор у меня! – Мотомбо схватил рог, который лежал рядом на кароссе, и затрубил.

На заунывные звуки рога выбежала женщина и упала перед Мотомбо на колени. Он что-то пробормотал, она ушла и скоро вернулась с распятием из пожелтевшей слоновой кости.

– Вот он! – воскликнул Мотомбо. – Возьми его, Белая борода, и поцелуй, быть может в последний раз. – Он бросил распятие Брату Джону, который поймал его на лету и рассматривал с изумлением. – А ты, Жирный младенец, помнишь, как мы тебя поймали? Ты храбро сражался, но мы убили тебя, и ты оказался вкусным, очень вкусным. Ты дал нам много силы. А ты, Отец обезьян, помнишь, как спасся от нас благодаря своей хитрости? Я тебя не забуду, ведь ты оставил мне это. – Мотомбо показал на большой белый шрам у себя на плече. – Ты хотел убить меня, поднес огонь к железной трубе, но ее начинка загорелась не сразу. Я успел отпрыгнуть в сторону, и железный шар, вопреки твоему намерению, не поразил меня в сердце. Однако он еще здесь. О да! Я до сих пор ношу его в себе и теперь, когда плоть моя ссохлась, могу нащупать его пальцем.

Человек-жаба медленно, по-черепашии повернул голову из стороны в сторону, оглядывая нас пылающими глазами, и заговорил на языке банту...

Я с изумлением слушал эту речь, смысл которой (если он был) сводился к тому, что все мы встречались в Африке в эпоху фитильных ружей, то есть около 1700 года или раньше. Однако, поразмыслив, я понял, что это полный вздор. Очевидно, предок этого старого жреца, а если ему лет сто двадцать (никак не меньше, считал я), то, может, и его отец, в молодости встретился с первыми европейцами, проникшими вглубь Африки. Полагаю, ему попались португальцы, из которых один был миссионер, двое других – отец и сын, или братья, или просто

товарищи. Историю гибели тех людей часто вспоминали потомки вождя или верховного жреца племени.

– Где же мы встречались и когда, о Мотомбо? – спросил я.

– Не на этой земле, Отец обезьян, не на этой, – пророкотал Мотомбо, – а далеко-далеко на западе, где солнце садится в воду. С тех пор народом понго правили двадцать Калуби, некоторые в течение многих лет, некоторые недолго. Это зависело от воли моего брата, бога, живущего там. – Он страшно оскалился и указал через плечо на лесистую гору. – Да, правильно, двадцать вождей – некоторые правили по тридцать лет, некоторые менее четырех.

«Теперь ясно: ты старый лгун, – подумал я, – ведь если в среднем Калуби правили лет по десять, то мы, по твоей логике, встречались по крайней мере два века назад».

– Тогда вы были одеты иначе, – продолжал Мотомбо. – Двое покрыли голову железом, а белобородый брил ее. Я нашел хорошего кузнеца и велел выбить на медной дощечке ваши изображения. Она до сих пор у меня.

Мотомбо снова затрубил в рог. Как и в прошлый раз, появилась женщина, которой он что-то шепнул. Она ушла и тотчас возвратилась с каким-то предметом, который Мотомбо бросил нам. Это была почерневшая от времени пластинка, медная или бронзовая, на которой гвоздем выбили изображение высокого бородача с тонзурой и крестом в руке и двоих низкорослых мужчин в круглых металлических шлемах, в странной одежде и в сапогах с квадратным носом. В руках они держали тяжелые ружья, а один еще и дымящийся фитиль. Больше мы ничего не разглядели на пластинке.

– Почему ты покинул далекую страну и пришел на эту землю, о Мотомбо? – спросил я.

– Потому что мы боялись, как бы по вашим следам не явились другие белые люди и не отомстили за вас. Так приказал Калуби тех дней, хотя я противился этому, зная: никто не избежит того, что настанет в свой час. Мы скитались, пока не нашли это место, где живем уже давно. Наши боги переселились сюда вместе с нами. Это мой лесной брат – мы ни разу не видели его в пути, ибо он опередил нас, – а также Священный цветок и Мать Цветка. Она жена одного из вас, которого – я не знаю.

– Ты называешь бога своим братом, – сказал я, – но мы слышали, что он обезьяна. Разве может обезьяна быть братом человека?

– Вы, белые люди, не понимаете этого, но мы, черные, понимаем. Вначале обезьяна убила моего брата-вождя. Его дух вошел в обезьяну и превратил ее в бога. Поэтому она убивает каждого Калуби, и их духи также входят в нее. Не так ли, о нынешний Калуби, уже потерявший палец? – насмешливо осведомился Мотомбо.

В ответ распростертый на земле Калуби лишь застонал и затрясся.

– Все сбылось, как я предвидел, – продолжал Мотомбо, человек-жаба. – Вы вернулись, и теперь мы узнаем, справедливы ли слова белобородого о том, что его Бог накарает нашего. Вы пойдете мстить, а мы на вас посмотрим. Только на сей раз у вас не будет железных труб, которых мы боимся. Ибо моими устами возвестил бог, что белые люди с железными трубами принесут ему гибель и я, Мотомбо, Глашатай небес, тоже умру. Священный цветок вырвут с корнем. Мать Цветка исчезнет, а понго разбредутся, превратятся в скитальцев и рабов. Бог возвестил, что, когда белые люди придут без железных труб, случится нечто тайное (не спрашивайте меня, узнаете в свое время) и вымирающие понго снова станут большим и великим племенем. Вот почему я приветствую вас, о белые люди, пришедшие из земли призраков, ибо через вас мы, племя понго, обретем силу и славу!

Пространный монолог оборвался, Мотомбо еще глубже вжал голову в плечи. Он долго сидел молча и буравил нас сверкающими глазами, будто старался прочесть наши сокровенные мысли. Если Мотомбо это удалось, то, думаю, он обрадовался, ведь я чувствовал страх, бесильную ярость и омерзение. Конечно, я не верил болтовне, похожей на бред злых африканских колдунов, но эту получеловеческую тварь возненавидел искренне. Вид и речи Мотомбо

вызывали у меня глубокое отвращение и панический страх. Я словно оказался наедине со злым духом из рождественской истории, а еще не сомневался: Мотомбо желает нам зла. Вдруг он заговорил снова.

– Кто этот маленький, желтый, с лицом, похожим на голый череп? – спросил Мотомбо, указывая на Ханса, который прятался за спиной у Мавово. – Кто этот сморщенный, курносый, который мог бы быть ребенком моего божественного брата? Зачем ему, такому маленькому, такая большая палка? – Он указал на бамбуковую дубинку Ханса. – Чую, коварства в нем, как воды в тыквенной бутылки. Того черного великана я не боюсь. – Он указал на Мавово. – Мое колдовство сильнее его колдовства! – (По-видимому, человек-жаба узнал в Мавово собрата по ремеслу.) – Я боюсь маленького желтого человека с большой палкой и мешком за плечами. Его надо убить.

Мотомбо замолчал, и мы содрогнулись, ибо, прикажи он убить бедного готтентота, кто ему помешает? Но Ханс почувствовал большую опасность и призвал на помощь всю свою хитрость.

– О Мотомбо, меня убивать нельзя, ведь я слуга посла! – пропищал он. – Знаешь ведь, что боги каждой земли мстят обидчикам своих послов и их слуг. Если убьешь меня, я начну являться тебе по ночам. Да, я буду садиться тебе на плечо и не дам тебе покоя до тех пор, пока ты не умрешь. Ибо рано или поздно ты умрешь, о Мотомбо!

– Верно, – согласился Мотомбо. – Говорю же, этот маленький полон коварства. Все боги мстят тем, кто убивает послов их земли и их слуг. Это право дано одним богам. – Мотомбо еще раз усмехнулся. – Пусть решают боги понго!

Я вздохнул с облегчением. Мотомбо продолжал иным, чуть ли не деловым тоном:

– Скажи, о Калуби, что привело ко мне, Глашатаю небес, этих белых людей? Сдается мне, они явились просить о мире с мазиту? Встань и говори!

Калуби поднялся, покорно изложил причину нашего прихода к понго в качестве послов Бауси и перечислил статьи договора, который ждал одобрения Мотомбо и короля мазиту. Мы отметили, что эта тема совершенно не интересовала колдуна. Слушая Калуби, он задремал, утомленный плетением козней или по иной причине. Едва Калуби закончил, Мотомбо открыл глаза и, указав на Комбу, молвил:

– Встань, будущий Калуби!

Комба поднялся. Четко и бесстрастно он рассказал о беседе с Бауси и обо всем, относившемся к его миссии. Мотомбо снова задремал и разлепил веки лишь в ту минуту, когда Комба описывал, как он обыскивал нас, чтобы мы не пронесли в страну понго огнестрельное оружие. Мотомбо одобрительно закивал и облизал губы тонким красным языком. Когда Комба умолк, он сказал:

– Бог говорит мне, что план мудр, ибо без новой крови народ понго погибает. Но исход такого перемирия известен одному богу, если он в силах разглядеть будущее. – Мотомбо сделал паузу, потом резко спросил: – Не желаешь ли что-либо добавить, о будущий Калуби? Бог заставляет спросить тебя об этом.

– Желая, о Мотомбо. Много лун назад бог откусил палец у владыки нашего Калуби. Владыка прослышал, что в стране мазиту у большого озера живет белый человек, искусный врачеватель, способный ножом отсекал изувеченные пальцы. Калуби взял лодку и поплыл к тому месту, где поселился белый человек по имени Догита – вот этот, белобородый, стоящий пред тобой. Я последовал за владыкой на другой лодке, ибо хотел разведать его замыслы и посмотреть на белого человека. Спрятал лодку и спутников в камышах, далеко от лодки Калуби, прошел по мелководью и укрылся в камышовых зарослях близ полотняного жилища белого человека. Я видел, как Догита отрезает Калуби больной палец. И слышал, как Калуби умоляет белого человека прийти на нашу землю с железной трубой, изрыгающей дым, и убить бога, которого он боится.

Присутствующие изумленно заохали, а Калуби снова пал ниц и замер. Только Мотомбо, казалось, совершенно не удивился – возможно, потому, что уже знал эту историю.

– Это все? – спросил он Комбу.

– Нет, о Глашатай небес! Вчера вечером, после совещания, о котором ты уже слышал, Калуби, закутанный с ног до головы, как мертвое тело, отправился в хижину к белым людям. Я знал, что он так поступит, и приготовился заранее. Острым копьем я из-за ограды пробил дыру в стене хижины, просунул туда длинную камышинку и через нее слышал все, что говорилось внутри.

– Ох, как хитро! – невольно восхитился Ханс. – О Ханс, хоть ты и стар, тебе еще учиться и учиться!

– Я слышал немало того, что могу передать тебе, о Мотомбо, – продолжал Комба, бесстрастный голос которого напомнил мне звон льда. – Изложу то, что считаю достаточным, хотя, если ты пожелаешь, о Глашатай небес, поведаю остальное, – спокойно продолжал Комба среди всеобщего молчания. – Я слышал, как владыка Калуби, Дитя бога, заключает с белыми людьми договор, по которому они должны убить бога (каким образом, не знаю, это не обсуждалось). Взамен они получают Мать Священного цветка, ее дочь, будущую Мать Цветка, и Священный цветок, выкопанный с корневищем. Кроме того, их вместе с женщинами и Священным цветком переправят через озеро. Вот и все, о Мотомбо!

Среди полной тишины Мотомбо смотрел на распростертого перед ним Калуби, смотрел долго и грозно. Нарушил тишину несчастный вождь – вскочил и попытался заколоть себя копьем, но не успел. Копье вырвали у него из рук, и лишенный оружия Калуби сник.

Тишину нарушил Мотомбо: он громко заревел. Да, он ревел, словно раненый буйвол! Я никогда не поверил бы, что такой звук способны издавать стариковские легкие. Почти целую минуту гневный рев эхом разносился по пещере. Воины понго вскочили на ноги и, показывая на несчастного Калуби, зашипели, словно змеи. Некоторые понго так и держали горящие факелы.

Сцена получилась воистину адская. Напыщенный Сатана-Мотомбо на тонких жабьих ногах, большие костры, пылающие у стен пещеры, зарево заката на неподвижной воде и лесистом склоне, белые фигуры понго, повернувшихся к злосчастному преступнику и шипящих, как разъяренные змеи, – все это казалось кошмаром.

Но вот Мотомбо схватил свой причудливый рог и затрубил. Выбежали женщины, увидели, что в них нет надобности, и застыли, как бегуны на старте. Потом рог умолк, воцарилась тишина, нарушаемая треском костров, которые горели, не ведая о трагедии в пещере.

– Все кончено, старина! – шепнул мне дрожащим голосом Стивен.

– Да, – ответил я, – все кончено. Встанем спина к спине и дадим бой. У нас есть копья...

Мы встали плотнее друг к другу, и тут Мотомбо снова заговорил:

– Итак, ты, бывший Калуби, подговаривал белых людей убить бога? Взамен посулил Священный цветок вместе с теми, кто его охраняет? Хорошо! Всем вам нужно пойти к богу и потолковать с ним. А я отсюда посмотрю, кто умрет, вы или бог. Взять их!

Глава XVI

Боги

Воины понго с криком бросились на нас. Один упал навзничь и не поднялся: его убил стремительный удар копья Мавово. Но с нами быстро справились, через полминуты нас шестерых (вернее, семерых, включая Калуби) схватили, обезоружили и швырнули в лодку. Туда же прыгнули несколько воинов под предводительством Комбы-рулевого. Лодка тотчас отчалила от свайного трона Мотомбо и через бухточку направилась в протоку, дельту, или как там называются воды, отделявшие скалу с пещерой от подножия горы.

Когда мы выплывали из пещеры, Мотомбо, беспокожно вертевшийся на своем месте, закричал Комбе:

– О будущий Калуби! Отвези бывшего Калуби и троих белых людей с их слугами к опушке леса, к Дому богов, и оставь их там. Потом возвращайся в город Рика. Когда все закончится, я призову тебя.

Комба склонил свою красивую голову. По его знаку двое воинов взяли за весла – больше гребцов не требовалось, – и лодка медленно поплыла через заводь. Первым делом я отметил чернильный цвет воды, что, вероятно, объяснялось глубиной и тенью, отбрасываемой скалой с одной стороны и высокими деревьями с другой. Кроме того, я заметил на берегах крокодилов, лежавших, словно бревна. Надо сказать, в трудные моменты я не терял головы, напротив, все мои чувства обострились, и мне сразу бросились в глаза обломанные сучья, торчавшие из воды в месте сужения протоки: большие деревья упали туда или их специально повалили. В памяти всплыл рассказ Бабембы, которому удалось бежать отсюда на лодке, и я подумал, что теперь это возможно разве только в большое половодье.

Через пару минут мы достигли подножия горы, удаленной от пещеры всего на двести ярдов, как я уже упоминал. Лодка ткнулась носом в берег, спугнув больших крокодилов, которые с сердитым плеском исчезли под водой.

– Высаживайтесь, белые господа, высаживайтесь! – сказал Комба с крайней учтивостью. – Идите скорее, бог, вне сомнения, ждет вас. Больше мы не свидимся, так что прощайте. Вы мудры, а я глуп, но послушайте мой совет и помяните его, если когда-нибудь вернетесь в мир живых. Держитесь поближе к своему богу, если у вас таковой есть, и не вмешивайтесь в дела высших сил, которым поклоняются другие народы. Еще раз прощайте!

Совет отличный, но в ту секунду меня переполняла ненависть к этому сверхчеловеку Комбе. Если бы злые помыслы убивали, мы впрямь попрощались бы навечно.

Держа для острастки копья наперевес, понго высадили нас на илистый берег. Первым выбрался Брат Джон. Его улыбка, учитывая обстоятельства, казалась мне неуместной, хотя он, разумеется, лучше знал, когда можно улыбаться. Калуби вышел последним. Так сильно он страшился этого зловещего места, что преемник Комба едва ли не вытолкнул его на берег. Впрочем, на суше Калуби немного осмелел, обернулся и сказал Комбе:

– Помни, о Калуби, что однажды моя участь постигнет тебя. Жрецы скоро надоедают богу. Через год-другой ты неизбежно последуешь за мной!

– Тогда, о бывший Калуби, попроси за меня бога, чтобы это случилось попозже, – насмешливо ответил Комба, отталкивая лодку от берега. – Попроси его, когда твои кости затрепчат в его объятиях!

Глядя на удаляющуюся лодку, я вспомнил картинку из старой латинской книжки моего отца. Там изображались души умерших, перевозимые Хароном через реку Стикс. Сцена, которую мы наблюдали, очень напоминала ту картинку. Вот ладья Харона, плывущая по ужасному Стиксу. Огни покинутого нами мира мерцают на том берегу, а мы стоим на этом, мрачном и

зловещем, ожидая гибели от зубов или когтей неведомой твари, под стать чудищам Аида... Ох, точным же получилось сравнение! Но что, по-вашему, брякнул этот несносный юнец, Стивен?

– Наконец-то мы попали сюда, старина! – воскликнул он. – И можно сказать, отделались легким испугом. Вот так удача! Вот так радость! Гип-гип ура!

Он плясал на топком берегу, подбрасывал свой шлем и ликовал.

Я обжег, точнее, постарался обжечь его взглядом и процедил:

– Сумасшедший!

«Удача!» «Радость!» Хорошо, что порой безумие человека проявляется в веселости. Я повернулся к вождю и спросил, где может находиться пресловутый местный бог.

– Всюду, – ответил Калуби, дрожащей рукой указывая на бескрайний лес. – Может, за этим деревом, может, за тем, может, далеко отсюда. Мы узнаем это до наступления утра.

– Что же ты намерен делать? – зло осведомился я.

– Умереть, – ответил Калуби.

– Послушай, глупец! – воскликнул я. – Умирай, если хочешь, а мы не желаем. Отведи нас туда, где можно спастись от вашего Белого дьявола.

– От него нет спасения, особенно в его собственном доме, – Калуби покачал своей глупой головой и продолжил: – Как спастись, если отсюда не выбраться и даже на дерево не влезть?

Я понял, что он прав, глянув на высоченные стволы без единого сука; верхушки покачивались над головой футок в пятидесяти-шестьдесят. Тем более не исключено, что бог лазает по деревьям лучше нас. Калуби нерешительно зашагал прочь от берега, и я спросил, куда он направляется.

– На кладбище, – ответил он. – Там вместе с костями лежат копья.

Я принял это к сведению (если из оружия имеются лишь складные ножи, копьями не пренебрегают) и велел Калуби вести нас туда. Через минуту мы уже поднимались по склону. Царившие в страшном лесу сумерки напоминали лондонский туман.

Шагов через триста-четыре ста чаща расступилась. Исполинские деревья лежали на земле – должно быть, рухнули от старости, а молодые еще не выросли. На поляне стояли ряды саркофагов из прочного железного дерева, и на каждом возлежал проломленный гниющий череп.

– Бывшие Калуби, – пояснил наш проводник. – Смотрите, Комба мне место приготовил! – Он указал на новый гроб с открытой крышкой.

– Какой заботливый! – похвалил я. – Но покажи нам, где копья, пока совсем не стемнело.

Калуби приблизился к одному из саркофагов, который явно стоял здесь с недавних пор, и сказал, чтобы мы подняли крышку, а то ему страшно.

Я отодвинул ее в сторону. В саркофаг были уложены кости, и каждую, за исключением черепа, во что-то завернули. Тут же оказалось несколько горшков, наполненных, по-видимому, золотым песком, и два прекрасных копья с медным нержавеющей наконечником. Мы открыли несколько гробов и извлекли еще несколько копий, положенных туда для того, чтобы покойник мог пользоваться оружием по пути в царство теней. Древки в большинстве своем подгнили от сырости, но, к счастью, у наконечников имелись медные гнезда, трубки длиной около трех футов, что давало возможность пользоваться ими даже без древка.

– Плохое оружие для борьбы с дьяволом! – посетовал я.

– Да, баас, неважное, – весело ответил Ханс, – но у меня есть кое-что получше!

Не я один – все посмотрели на него с изумлением.

– О чем ты, Пятнистая змея? – спросил Мавово.

– О чем ты, сын сотни идиотов? Разве сейчас время шутить? Довольно с нас и одного весельчака! – сказал я, кивнув на Стивена.

– О чем я, баас? Разве баасу неизвестно, что при мне маленькое ружье Интомби, то самое, из которого баас стрелял по грифам около крааля Дингаана? Я ничего не говорил, потому что

думал, что баас знает об этом, а если нет, то и не надо, ведь мерзкие понго могли случайно услышать о нем от бааса, и тогда...

– Он помешался, – перебил Ханса Брат Джон, хлопая себя по лбу, – совсем помешался, бедняга! Неудивительно при столь удручающих обстоятельствах!

Я мысленно согласился с Братом Джоном и снова посмотрел на Ханса. Однако тот казался не сумасшедшим, а... еще хитрее обычного.

– Ханс, говори, где ружье, не то собью с ног и велю Мавово тебя высечь! – пригрозил я.

– Где это ружье, баас? Да разве баас не видит, что оно перед глазами бааса?

– Вы правы, Джон, бедняга не в себе, – вздохнул я.

Стивен подбежал к Хансу и хорошенько его встряхнул.

– Не трясите меня, баас! – запротестовал Ханс. – Не то ружье ломаете!

Крайне изумленный, Стивен его отпустил.

Тогда Ханс сделал что-то с верхним концом своей бамбуковой палки, осторожно перевернул ее, и из нее выскользнул... ствол ружья, тщательно обмотанный промасленной ветошью. Дуло было заткнуто паклей. Я чуть не расцеловал Ханса! Да, от радости я хотел расцеловать грязного, скверно пахнущего старого готтентота!

– А ложе? – спросил я, едва дыша. – Без него ствол бесполезен.

– Ох, неужели баас думает, что я, много лет владеющий оружием, не знаю, что у него должно быть ложе?

Ханс снял с плеч узел и достал из него большую связку желтого табака, которая заинтриговала нас с Комбой на берегу озера перед отплытием в страну понго. Он разорвал эту связку и вынул из нее ружейное ложе, тщательно вычищенное и заряженное, с опущенным ударником, под который был подложен клочок пакли, чтобы предотвратить случайный выстрел от сотрясения.

– Ты герой, Ханс! – воскликнул я. – Тебе цены нет!

– Да, баас. Хотя до сих пор баас мне так не говорил. Я решил, что мне на этот раз не следует засыпать перед лицом смерти. Ну, кому теперь спать на кровати, которую прислал мне Бауси? – спросил он, собирая ружье. – Пожалуй, тебе, о большой глупый Мавово. Ты ружья не принес. Настоящий колдун загодя выслал бы сюда ружья, чтобы они нас здесь ждали. Будешь теперь надо мной смеяться, ты, зулусский болван?

– Нет, – искренне ответил Мавово. – Я воздам тебе сибонгу – благодарность. Я слогу для тебя похвальное имя, о мудрая Пятнистая змея.

– Однако я не вполне герой, – продолжал Ханс, – и похвалы заслуживаю только наполовину. Пороха и пуль у меня в кармане много, а пистоны вывалились в дыру в жилете. Баас помнит, как я говорил ему о потерянных оберегах? Но три пистона осталось, нет, четыре: один в ружье. Ну вот, баас, Интомби готово и заряжено. Теперь, когда явится Белый дьявол, баас прострелит ему глаз со ста ярдов, как он умеет, и отправит нечистого в ад к другим чертям. Предиикант, отец бааса, очень обрадуется!

Самодовольно улыбаясь, Ханс взвел курок и передал мне готовое к стрельбе ружье.

– Благодарение Богу, научившему этого бедного готтентота, как спасти нас! – торжественно произнес Брат Джон.

– Нет, баас Джон. Меня научил этому не Бог. Я сам додумался. Эх, темнеет уже. Не развести ли нам огонь? – И, забыв о ружье, Ханс начал искать растопку.

– Ханс, если мы спасемся, я дам тебе пятьсот фунтов, – пообещал Стивен. – Ну, или мой отец даст, суть-то одна.

– Спасибо, баас, спасибо, но сейчас мне больше всего хотелось бы капельку бренди. Что-то растопки не найти...

Действительно, развести костер было нечем. Возле кладбища лежало несколько бревен, но слишком больших – ни с места сдвинуть, ни разрубить. Да и отсырели они настолько, что не подожжешь.

Сумерки сгущались, но вскоре взошла луна, свет которой разбавлял мрак. Вот только небо заволочло тучами, которые часто ее скрывали, да еще огромные деревья буквально впитывали свет. Мы уселись в центре кладбища поплотнее друг к другу, развернули одеяла, чтобы защитить себя от холода и сырости, и подкрепились сушеным мясом и жареной кукурузой из мешка, который, к счастью, остался у Джерри на плечах, когда нас заталкивали в лодку. Кроме того, у меня сохранилась фляга с бренди.

Вскоре после этого из лесной дали донесся ужасный рев, а за ним мерный, ритмичный звук. Ничего подобного никто из нас прежде не слышал: львы и другие звери так не режут.

– Что это? – спросил я.

– Бог, – простонал Калуби, – бог, молящийся луне, вместе с которой он встает.

Я промолчал, думая о том, что в распоряжении у нас лишь четыре выстрела. Ни один из них не следовало тратить понапрасну. Ох, зачем Ханс надел старый жилет вместо нового, подаренного мной в Дурбане?!

Рев прекратился, и Брат Джон начал расспрашивать Калуби, где живет Мать Священного цветка.

– Господин, – рассеянно ответил он, – она живет к востоку отсюда. Надо взобраться на гору по тропинке, отмеченной зарубками на деревьях, и миновать Сад бога. На вершине есть водоем с островом посередине. В прибрежных кустах спрятана лодка, на которой можно переправиться на остров. Там живет Мать Священного цветка.

Брат Джон, по-видимому, не удовлетворился пояснениями Калуби и попросил, чтобы утром тот показал нам тропинку.

– Не думаю, что мне суждено показать ее вам, – простонал несчастный, и в тот самый момент Белый дьявол снова заревел, на сей раз куда ближе.

Нервы у Калуби сдали окончательно. Бедняга понял, что Брат Джон – жрец неведомого ему культа, и, подгоняемый дурным предчувствием, стал выпрашивать его о том, есть ли жизнь после смерти.

Брат Джон, миссионер по призванию, постарался его утешить, а бог-обезьяна, подбравшийся к нам вплотную, будто бы заколотил в большой барабан. Теперь он не ревел, а только барабанил. По крайней мере, так нам казалось, судя по звукам. В жутком лесу, среди саркофагов с черепами, этот грохот угнетал не на шутку, доложу я вам.

Барабанный бой стих, и Брат Джон, взяв себя в руки, продолжил благочестивые речи. Тут плотная туча закрыла луну, и стало еще темнее. В тот момент Брат Джон объяснял вождю, что он не Калуби, а бессмертная душа, однако понял ли тот слова миссионера? Внезапно страшная, чернее ночи тень – других слов мне не подобрать – метнулась к нам с дальнего конца поляны. Секундой позже в нескольких футах от меня раздался шум потасовки, потом прозвучали сдавленные крики, и ужасная тень скользнула прочь.

– В чем дело? – спросил я.

– Зажгите спичку, – велел Брат Джон, – кажется, что-то стряслось.

Я чиркнул спичкой, которая в неподвижном воздухе загорелась отлично. При ее свете я увидел лица спутников, искаженные тревогой и страхом. Затем Калуби поднялся. Он махал правой рукой, превратившейся в окровавленный обрубок без кисти.

– Бог явился ко мне и отнял руку! – горестно простонал он.

Никто не проронил ни слова: слова были бессильны. Зажигая спички, чтобы разогнать мрак, мы кое-как перевязали несчастного, потом снова сбились в кучу и стали ждать, что будет дальше.

На луну снова напоззло облако, тьма сгустилась, и воцарилась тишина – глубокая тишина ночного тропического леса, нарушаемая только нашим учащенным дыханием, жужжанием moskitov, далеким плеском воды – это ныряли крокодилы – и тихими стопами раненого.

Примерно через полчаса к нам опять метнулась черная тень – так шука бросается на мелкую рыбешку. На сей раз шум борьбы послышался слева от меня, где сидели Ханс и Калуби, а за ним – протяжный вопль.

– Вождь понго исчез! – шепнул Ханс. – Его как ветром сдуло, только в земле вмятина осталась.

Вдруг луна выглянула из-за туч, и в ее бледном свете, ярдах в тридцати, на полпути от того места, где мы сидели, до края поляны, я увидел... ох, что я увидел! Дьявола, пожирающего грешную душу, – по крайней мере, мне так показалось. Огромное темно-серое существо, до абсурдного похожее на человека, стиснуло худое тело Калуби. Голова несчастного исчезла в пасти чудовища, темные лапы раздирали его на куски. Похоже, Калуби уже умер, хотя его ноги, висевшие над землей, слабо шевелились.

Я вскочил, поднял ружье со взведенным курком и пальнул зверю в голову, почти наудачу, не целясь, хотя видел ее довольно отчетливо. Выстрел грянул не сразу: либо порох, либо пистоны отсырели во время путешествия. Однако мигом ранее черный дьявол – иначе это чудовище не назовешь – увидел меня, а может, заметил блеск ружейного ствола. Он отшвырнул Калуби и, словно предчувствуя беду, вскинул длиннющую, толщиной в человеческое бедро, правую лапу в попытке прикрыть голову.

Ружье выстрелило, и, судя по звуку, пуля попала в цель. Вспышка озаорила безжизненно упавшую лапищу, и лес наполнился жуткими воплями, в которых слышалась жалоба.

– Вы попали в него, баас! – объявил Ханс. – Этот бог не призрак, призраки не знают боли. А он скулит, значит жив-живехонек.

– Сядьте плотнее друг к другу! – велел я. – Копья держите перед собой, пока я перезаряжаю ружье.

Я опасался, что чудовище на нас бросится, но, как выяснилось, напрасно. До конца той ужасной ночи мы его не видели и не слышали. Была надежда, что обезьяна ранена смертельно и уже издохла.

Рассвет забрезжил, как мне показалось, через несколько недель, и осветил нас, перепуганных и дрожащих среди серого тумана. Точнее, дрожали все, кроме Стивена, который сладко спал, прильнув к плечу Мавово. С такой невозмутимостью, с такими железными нервами он и трубный глас архангела проспит! По крайней мере, в этом я с возмущением заверил Стивена, когда после наших немалых усилий он наконец очнулся от неприлично крепкого сна.

– Главное – результат, – парировал Стивен. – Я свеж как майская роза, а вы, Аллан, взгляните так, словно всю ночь кутили. Калуби уже нашли?

Искать несчастного вождя мы отправились, едва рассеялся туман... Не желаю описывать то, что мы обнаружили. Инцидент с пастушком доказал, что погибший Калуби был человеком жестоким, но я искренне его жалел и надеялся, что он больше не страдает.

Мы положили его изуродованные останки в саркофаг, заботливо приготовленный Комбой для этого неизбежного конца, и Брат Джон прочел над ним молитву. Потом, после небольшого совета, мы, унылые и подавленные, стали искать дорогу к обители Матери Священного цветка. Поначалу трудностей не возникло: от поляны вверх по склону тянулась узенькая, но хорошо видная тропка. Однако беды ждали нас впереди. По мере подъема лес становился все гуще. Лиан в нем росло немного, но вершины деревьев почти смыкались у нас над головой и загоразивали небо, превращая день в ночь. Невеселое получилось путешествие! Бледные, испуганные, мы крались от ствола к стволу, высматривая зарубки-указатели, и разговаривали только шепотом, дабы не привлечь внимание ужасной обезьяны. Через пару миль мы поняли, что старались напрасно: этот дьявол нас заметил. Он двигался параллельно нам, огромная

серая фигура то и дело мелькала среди деревьев. Ханс хотел, чтобы я выстрелил, но я не решался, понимая, что шансы попасть в цель невелики. В запасе имелось лишь три выстрела, точнее, три пистона, которые следовало беречь.

Мы остановились, чтобы посоветоваться, и в конце концов решили, что идти вперед не опаснее, чем стоять на месте или возвращаться на поляну. И отправились дальше, держась поближе друг к другу. Мне, как единственному обладателю ружья, оказали честь возглавить процессию, чему я совершенно не обрадовался.

Через полмили мы услышали звук, напоминающий бой барабана: вероятно, огромная обезьяна колотила себя в грудь. Впрочем, удары сыпались не так часто, как накануне ночью.

– Ха! – воскликнул Ханс. – Теперь дьявол отбивает дробь только одной палкой. Другую сломала пуля бааса!

Вскоре зверь заревел так близко от нас и так громко, что задрожал воздух.

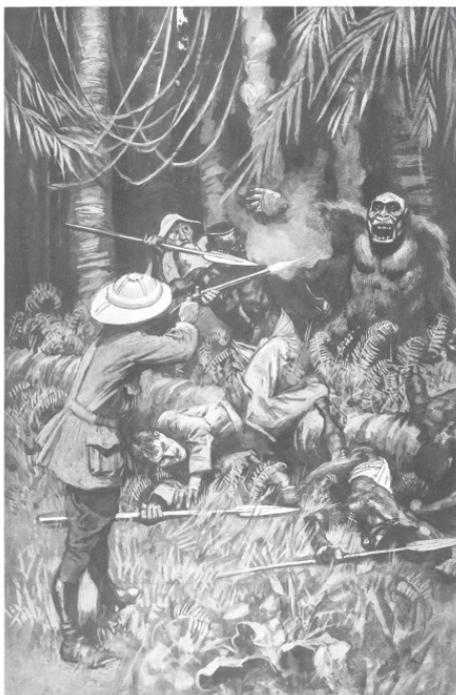
– Не знаю, как насчет палки, а барабан-то цел, – отметил я.

Мы прошли еще ярдов сто, после чего разыгралась настоящая трагедия. Мы добрались до упавшего дерева. Здесь в кронах открывался просвет, и я до сих пор ясно помню это место. Тут лежал огромный ствол, покрытый серым мхом, вокруг рос крупный папоротник рода *адиантум*. С нашей стороны оказалась полянка футов в сорок шириной, куда свет падал отвесно, словно через дымоход в хижине. За поваленным деревом я сперва увидел глаза, горящие красным огнем, и почти в то же мгновение – обезьянью башку среди светло-зеленых листьев папоротника. Воистину дьявол во плоти: белесая морда, низко нависшие брови, большие желтые клыки!

Прежде чем я поднял ружье, чудовище с ужасным ревом бросилось на нас. Раз – огромная серая фигура возникла на поваленном дереве. Два – пронеслась мимо меня, держась прямо, как человек, лишь голову наклонила вперед. Передняя лапа бессильно болталась вдоль туловища. Три – раздался испуганный вопль, и я обернулся. Обезьяна схватила несчастного мазиту, шедшего предпоследним в колонне, которую замыкал Мавово. Она поволокла Джерри прочь, здоровой лапой прижимая его к груди. Джерри, взрослый, склонный к полноте мужчина, казался в ее объятиях ребенком – пусть мой читатель представит себе размеры обезьяны. Несомненно, это была горилла.

Бесстрашный, как бык, Мавово кинулся на чудовище и вонзил ему в бок медное копьё. Все налетели на врага, словно бешеные. Все, кроме меня, ибо я – благодарение Богу! – знал более верное средство. Через три секунды на поляне кипела отчаянная борьба. Брат Джон, Стивен, Мавово и Ханс кололи копьями гориллу, для которой их удары были что булавоочные уколы. К счастью, обезьяна не выпускала Джерри и в ответ на тычки могла лишь огрызаться. Верхняя часть тела у горилл куда массивнее нижней, и подними она заднюю лапу, чтобы схватить нападающего, неизбежно потеряла бы равновесие и упала.

Наконец обезьяна, по-видимому, сообразила, что Джерри ей мешает, и швырнула его в Брата Джона и Ханса. Те покатались наземь. Потом она прыгнула на Мавово, который предвидел это и выставил копьё, так что горилла, пытаясь его схватить, напоролась на медный наколечник. От боли она откинула лапу, невзначай сбив с ног Стивена, и занесла ее над Мавово, чтобы раздавить его, – наверное, так гориллы справляются с жертвами.

Теперь между мной и обезьяной не было никого, поэтому я, собравшись с духом, прицелился в ее огромную голову и спустил курок.

Вот он, долгожданный шанс! До того момента я не решался стрелять, боясь убить кого-нибудь из спутников. Теперь между мной и обезьяной не было никого, поэтому я, собравшись с духом, прицелился в ее огромную голову и спустил курок. Сквозь рассеивающийся дым я увидел, как обезьяна застыла, словно задумавшись, потом вскинула здоровую лапу, закатила свирепые глаза и, издав жалобный вой, пала мертвой. Пуля пробила ей башку за ухом и застряла в мозгу.

Лесная тишь накрыла нас, долгое время мы со спутниками молчали. Потом откуда-то из мха послышался тоненький голосок: примерно так свистит воздух, выпускаемый из резиновой подушки.

– Прекрасный выстрел, баас! – пропищал он. – Не хуже того, которым баас убил вожака стервятников у крааля Дингаана. Сейчас и положение наше тяжелее прежнего. И если баас стащит с меня бога, я скажу баасу спасибо.

Последние слова я едва расслышал, ведь Ханс лишился чувств. Он лежал под трупом огромной гориллы, из-под лапищи едва виднелись рот и нос бедняги. Если бы не мягкий мох, Ханс бы не уцелел.

Мы кое-как оттащили мертвую обезьяну и влили Хансу в горло немного бренди, которое произвело удивительное действие: менее чем через минуту готтентот приподнялся, хватая воздух ртом, словно рыба на берегу, и попросил добавки.

Я поручил Ханса заботам Брата Джона, побежал к Джерри и с первого взгляда понял: он мертв. Бедняга напоминал кролика, побывавшего в объятиях удава. Потом Брат Джон объяснил, что чудище сломало Джерри обе руки, все ребра и даже позвоночник.

Почему горилла, миновав нас, излила свой гнев именно на Джерри, который шел предпоследним? Возможно, потому, что накануне ночью бедняга был рядом с Калуби, пропитался его запахом, вот обезьяна и отождествила его с человеком, которого ненавидела. Вообще-то, с другой стороны от Калуби сидел Ханс, но либо к готтентоту не пристал запах понго, либо горилла хотела расправиться с ним после Джерри.

Бедный мазиту в помощи уже не нуждался, а вот остальные мои спутники – хвала Небесам! – отделались синяками, а Стивен еще и порванной одеждой. Мы решили осмотреть мертвого «бога». Тварь оказалась воистину ужасной.

Точные размеры и вес ее мы не установили, но столь огромных обезьян (если считать гориллу обезьяной) я прежде не видел и не слышал об их существовании. Лишь впятером удалось сдвинуть громадное тело и освободить потерявшего сознание Ханса, не меньше народу понадобилось и для того, чтобы освежевать чудовище. В жизни не поверил бы, что животное не более семи футов в длину окажется таким тяжелым. Несомненно, обезьяна была очень старой. Длинные желтые клыки наполовину стерлись, глаза ввалились, шерсть на голове, некогда бурая или рыжеватая, поседела, да и на груди была не черной, как обычно у молодых горилл, а серой. Точно не скажешь, но легко верилось в слова Мотомбо, что богу понго две сотни лет.

Освежевать гориллу предложил Стивен, и я согласился. Маловероятно, что мы вывезем из страны понго этакую редкость, но не бросать же ее здесь! Брат Джон ворчал, что мы напрасно теряем время, однако я считал необходимым отдохнуть после всех тревог и особенно после битвы со священным чудовищем. Мы взялись за дело и через час с лишним содрали шкуру такой толщины, что медные копья едва смогли ее оцарапать. Моя пуля угодила обезьяне в левую лапу и обездвижила ее, что было весьма кстати. В противном случае зверюга навредила бы нам куда больше. Нам также повезло, что здоровой лапой обезьяна удерживала злосчастного Джерри и никого не цапнула своими жуткими клыками, перекусившими кисть Калуби, словно травинку.

Шкуру мы содрали – только на лапах не тронули – и растянули на колышках сырой стороной вверх, чтобы высушить на солнце. Потом, похоронив бедного Джерри в полом створе огромного упавшего дерева, мы вытерлись влажным мхом и подкрепились остатками еды.

После этого наша команда снова пустилась в путь – теперь в значительно лучшем настроении. Джерри погиб, но погиб и бог понго, а мы остались целы и почти невредимы. Больше никогда не будут вожди племени понго трепетать перед ужасным божеством, которое рано или поздно становилось их палачом! Пара владык, может, из страха и совершили самоубийство, но остальные наверняка погибли от рук или зубов свирепого божества.

Эх, узнать бы историю той гориллы! Неужели Мотомбо прав и обезьяна вместе с племенем пришла сюда с прародины понго в Западной или Центральной Африке? А может, чудовище привели силой? Я не могу ответить на эти вопросы, но замечу, что никто из мазиту и других туземцев не слышал о существовании горилл в этой части Африки. Если горилла местная, то либо одиночка, либо изгнанница, – во всяком случае, такая судьба бывает у слонов, которые с возрастом впадают в бешенство.

Вот и все, что я могу сказать об этом звере, хотя у понго, конечно, имелась собственная легенда. Согласно ей, злой дух, обитавший в теле вождя, в стародавние времена вселился в убившую его обезьяну. Всех Калуби и множество других обреченных она лишала жизни, чтобы «насытиться человеческим духом» и тем самым избежать разрушительного действия времени. Эту легенду упоминал Мотомбо, о ней же впоследствии подробно рассказывал Бабемба. Но если свирепое божество и обладало сверхъестественными способностями, они не уберегли его от пули из ружья Парди³².

Недалеко от поваленного дерева находилась поляна, которую называли Садам бога. Несчастные Калуби дважды в год засеивали его «священными семенами». Большой, площадью несколько акров, участок возделанной земли лежал на горном склоне и орошался ручьем. Здесь в плотном кольце банановых деревьев росли кукуруза и другие злаки. Судя по многим признакам, бог понго приходил сюда подкрепиться. Сад казался ухоженным, сорняки почти отсут-

³² Джеймс Парди – лондонский оружейный мастер.

ствовали. Сперва я удивился этому, но потом вспомнил слова Калуби: садом занимаются служанки Матери Цветка, альбиноски либо немые.

Мы пересекли поляну и быстро зашагали в гору по хорошо утоптанной тропинке. Стало ясно, что мы приближаемся к потухшему кратеру. От волнения мы не могли говорить, а Брат Джон, несмотря на свою больную ногу, спешил так, что мы не поспевали за ним. Он первым достиг кратера, Стивен следом. Вдруг Брат Джон осел на землю, словно ему стало дурно, а Стивен, очевидно потрясенный зрелищем, воздел руки.

Я бросился к ним, и моему взору открылась дивная картина: крутой безлесный склон длиной около полумили спускался к берегу красивого озера площадью акров двести – как позднее выяснилось, бездонного. Посреди водной глади лежал остров площадью двадцать пять или тридцать акров; землю там, очевидно, обрабатывали, так как были видны нивы, плодовые деревья, пальмы; среди них стоял аккуратный домик с верандой и тростниковой изгородью, чуть поодаль – туземные хижины. Небольшой участок перед хижинами обнесли высокой стеной, поверх которой на шестах закрепили циновки, по-видимому защищавшие от ветра или от солнца.

– Держу пари, там растет Священный цветок! – взволнованно воскликнул Стивен. Он только о проклятой орхидее и думал! – Смотрите, циновки повесили на солнечной стороне, чтобы защитить его от палящих лучей, а пальмы посадили, чтобы создать тень...

– Там живет Мать Цветка, – прошептал Брат Джон, указывая на дом. – Кто она? Кто? Вдруг я ошибаюсь?.. Не дай бог, иначе я не перенесу этого.

– Так давайте выясним! – предложил я.

Через пять минут стремительного спуска мы, потные и запыхавшиеся, начали искать в камыше и прибрежных кустах лодку, о которой говорил Калуби. А если лодки нет? Как мы попадем на остров? Вдруг зоркий Ханс что-то заметил. Он кинулся влево, поднял руку и засветил. Мы побежали к нему.

– Лодка здесь, баас, – объявил он, указывая на заливчик, заросший кустарником и густым камышом.

Мы раздвинули камыши и действительно нашли в них несколько пар весел и лодку, которая могла вместить двенадцать-четырнадцать человек.

Через две минуты мы отчалили и вскоре благополучно достигли острова, где отыскивали маленькую пристань на сваях. Потом привязали лодку (точнее, это сделал я, ведь никто больше об этом не подумал) и направились к дому по тропинке через возделанные поля. На случай внезапного нападения я настоял, что пойду первым с ружьем наготове. Тишина и полное отсутствие признаков жизни казались подозрительными: неужели местные не видели, как мы переправляемся через озеро?

Впоследствии я узнал, почему остров казался необитаемым. Получилось так по двум причинам: во-первых, стоял жаркий полдень и бедные служанки удалились в хижины, чтобы поесть и отдохнуть; во-вторых, охранница лодку заметила, но решила, что это Калуби едет к Матери Цветка, и по традиции увела товарок. Редкие встречи вождя и жрицы носили религиозный характер, поэтому свидетели исключались.

Сначала мы подошли к огороженному участку, обсаженному пальмами и защищенному от солнца циновками. Стивен резво вскарабкался на плетень и вытянул шею. Через секунду он уже сидел на земле, спустившись быстрее перепуганной мартышки.

– Боже мой! Боже мой! – восклицал он.

Большого я от него не добился, хотя, признаюсь, не очень усердствовал.

Шагах в пяти от того участка высилась другая тростниковая изгородь – вокруг дома. В ней имелась калитка, тоже из тростника, и она была приоткрыта. Мне послышался незнакомый голос, я подкрался и осторожно заглянул внутрь. Футах в четырех-пяти от калитки была веранда, из нее дверь вела в комнату, где стоял стол, должно быть обеденный.

На полу веранды, устланном циновками, стояли на коленях две белые женщины в бело-снежных одеждах с пурпурной бахромой. На них были браслеты и другие украшения из туземного червонного золота. Одной, крепкой и голубоглазой, с длинными светлыми волосами, я дал бы лет сорок, другой, высокой сероглазой шатенке, лет двадцать. Нельзя было не отметить редкую красоту этой девушки. Старшая из женщин молилась, младшая внимала ей, безучастно глядя в небо.

– Господи, сжался над нами, бедными пленницами! Ниспошли нам освобождение из плена в этом диком краю. Мы возносим благодарность Тебе, много лет хранящего нас целыми и невредимыми, уповаем на милость Твою, ибо одному Тебе по силам помочь нам. Господи, пусть наш дорогой муж и отец будет жив и здоров, пусть в один благословенный час мы с ним воссоединимся. А коли мертв он и на земле нам не свидеться, пусть умрем мы и встретимся на небесах Твоих, – молилась старшая чистым твердым голосом, а на щеках у нее блестели слезы. – Аминь, – наконец произнесла она.

– Аминь, – повторила девушка со странным акцентом.

Я обернулся и посмотрел на Брата Джона: он тоже слышал молитву и пребывал в глубочайшем потрясении. Он не мог ни шевельнуться, ни слова вымолвить, и, пожалуй, это к лучшему.

– Удерживайте его, а я поговорю с этими дамами! – шепнул я Стивену и Мавово, потом передал ружье Хансу, снял шляпу, прошел за ворота и кашлянул, чтобы привлечь внимание дам.

Обе женщины поднялись с колен и смотрели на меня как на призрака.

– Леди, прошу вас, не пугайтесь! – начал я с поклоном. – Господь Всемогуший услышал ваши молитвы. Я из отряда белых людей, которым, пусть не без труда, удалось сюда добраться. Вы позволите нам посетить ваше жилище?

Во взгляде обеих женщин по-прежнему читалось изумление. Потом старшая сказала:

– Я Мать Священного цветка. Чужестранец, говорящий со мной, обречен на смерть. Если ты человек, то как сумел добраться сюда живым?

– История длинная, – весело ответил я. – Можно нам войти? Рисковать мы привыкли и очень надеемся быть вам полезными. Замечу, что в отряде трое белых, два англичанина и американец.

– Американец? – изумленно повторила старшая женщина. – Как его зовут, как он выглядит?

– Ох! – в замешательстве воскликнул я, ибо нервы у меня сдавали. – Он в возрасте, с белой бородой... В общем, похож на Санта-Клауса, а зовут его... – Полное имя я называть не решался. – Джоном... Братом Джоном. Между ним и вашей спутницей мне видится некоторое сходство...

Я испугался, что моя новость убьет даму, и проклинал свою неловкость. Чтобы не упасть, бедняжка ухватилась за девушку. Увы, та оказалась ненадежной опорой, ибо сама едва держалась на ногах. Смысл моих слов она поняла, хотя, может, и не полностью. Не забывайте, что белых мужчин та девушка прежде не видала.

– Прощу вас, мадам, успокойтесь! – взмолился я. – Пережив столько горя, неблагоприятно умирать от радости. Можно привести сюда Брата Джона? Он проповедник, он подберет нужные слова, а я простой охотник.

Женщина сделала над собой усилие и прошептала:

– Пришлите его сюда.

Я выбежал за ворота, где дожидались мои спутники, схватил Брата Джона, успевшего немного оправиться, за руку, и поволок в хижину. Он и старшая женщина изумленно уставились друг на друга. Молодая леди следила за ними, изумленно раскрыв рот.

Брат Джон и пожилая леди стояли, пристально глядя друг на друга. Девушка тоже смотрела на них во все глаза, приоткрыв рот.

– Лизбет! – выпалил Брат Джон.

– Муж мой! – вскрикнула она, бросаясь к нему на грудь.

Я выскользнул за ворота и поспешно закрыл их за собой.

– Аллан, вы рассмотрели ее? – поинтересовался Стивен, когда мы с ним отошли в сторону.

– Кого? – спросил я.

– Молодую леди в белом. Она прехорошенькая.

– Придержите язык, осел вы этакий! – ответил я. – Разве время теперь говорить о девичьей красе?!

Я отошел к изгороди и буквально зарыдал от радости. Тот день стал одним из счастливейших в моей жизни, ибо редко все складывается так, как должно. Мне тоже захотелось вознести к небу молитву – поблагодарить Всевышнего, попросить сил и мужества для преодоления многочисленных испытаний, которые нам уготованы.

Глава XVII

Дом Священного цветка

Прошло около получаса, в течение которого я обдумывал наше положение пункт за пунктом, вполуха слушая восторженную болтовню Стивена. Сперва он распространялся о красоте Священного цветка, на который успел глянуть, потом о прекрасных глазах молодой леди в белом. Лишь намекнув, что излишняя настойчивость оскорбит девушку, я убедил его пока не соваться на участок, где росла орхидея. Во время нашего разговора ворота открылись, и в них показалась юная красавица.

– Господа, – с почтительным поклоном начала она на забавном тягучем английском, – мать и отец... да, отец... спрашивают, не желаете ли вы со спутниками утолить голод?

Мы выразили согласие, и она повела нас к дому.

– Не удивляйтесь, глядя на родителей, они очень счастливы, и не взыщите с нас за пресный хлеб, – попросила девушка и с почтением взяла меня за руку.

В сопровождении Стивена мы вошли в дом, оставив Мавово и Ханса охранять его снаружи.

Дом состоял из двух комнат – гостиной и спальни. В гостиной Брат Джон и его жена сидели рядом на диванчике и восхищенно смотрели друг на друга. Лица обоих блестели от слез, но то, несомненно, были слезы радости.

– Лизбет, это мистер Аллан Квотермейн, благодаря решительности и смелости которого мы снова вместе, – сказал Брат Джон, когда мы вошли. – А этот молодой джентльмен – мистер Стивен Сомерс, его компаньон.

Говорить леди не могла, поэтому поклонилась и протянула нам руку, которую мы пожали.

– Что такое смелость и решительность? – шепотом спросила Стивена девушка. – И почему их нет у тебя, о Стивен Сомерс?

– Долго объяснять, – засмеялся Стивен, и их болтовню я больше не слушал.

Потом мы сели за стол и подкрепились овощами и утиными яйцами, сваренными вкрутую. Стивен и Хоуп³³ – именно так мать навала дочь, рожденную в час глубокого отчаяния, – вынесли большие порции еды для Мавово и Ханса.

История миссис Эверсли оказалась невероятной, хоть и краткой. Она бежала от Хасана бен Магомета и работоторговцев, как и поведал Брату Джону умирающий невольник на Занзибаре, и, проблуждав несколько дней, угодила в руки к понго, когда те небольшим отрядом вышли на охоту за рабами. Дикари переправили пленницу через озеро, на свою землю. К тому времени прежняя Мать Цветка, альбиноска, умерла, достигнув глубокой старости, и миссис Эверсли водворили на ее место, которое она с тех пор не покидала. Привез ее сюда тогдашний Калуби в сопровождении так называемых миновавших кары бога. Последнего она никогда не видела, хотя однажды слышала его рев. Чудище не тронуло их и ни разу не показалось за время путешествия.

Вскоре после водворения на остров миссис Эверсли родила дочь. Выхаживали ее служанки Цветка. С того момента к пленницам относились с большой заботой и благоговением, ибо Мать Цветка и сам Цветок воплощали плодovitость, и вымирающее племя сочло рождение ребенка благим знамением. Кроме того, понго надеялись, что со временем Дитя Цветка займет место своей матери. Одинокие, беспомощные, мать и дочь посвятили себя земледелию. К счастью, даже в плену при миссис Эверсли осталась маленькая Библия. Благодаря Священному Писанию Хоуп научилась читать и узнала много полезного.

³³ Хоуп (от *англ.* hope) – надежда.

Я часто думал, что, если бы меня обрекли на пожизненное одиночество и позволили бы взять с собой единственную книгу, я выбрал бы Библию, ведь в ней не только история мироздания, изложенная красочным языком, но и надежда человека на спасение. Этой книги было бы вполне достаточно, – уверен, миссис Эверсли и Хоуп согласились бы со мной.

Поразительно, но все эти годы миссис Эверсли, подобно своему мужу, надеялась, что ее вызволят из плена.

– Я верила, что ты жив, Джон, и мы встретимся, – говорила она мужу.

Мать и дочь оказались невероятно сильны духом. Обе были очень жизнерадостны, особенно юная Хоуп. Я почувствовал это, едва улеглись треволнения, связанные с нашим приездом. Впрочем, другой жизни девушка не знала, а человек приспосабливается ко всему. Добавлю, что впоследствии она превратилась в самую настоящую леди. Как же иначе, раз ее спутницами и наставницами стали мать, природа и Библия. Немые служанки-невольницы были не в счет.

Когда миссис Эверсли окончила рассказ, мы вкратце поведали ей о своих приключениях. С каким интересом слушали мать и дочь! О нашей беседе распространяться не буду, приведу лишь интересное замечание мисс Хоуп:

– Получается, наш спаситель – вы, Стивен Сомерс!

– Конечно, – подтвердил Стивен. – Но почему вы так решили?

– Потому что вы, увидев Священный цветок в далекой Англии, сказали: «Я должен его заполучить». Потом вы заплатили сребреники за путешествие. – (Вот оно, чтение Библии!) – Затем наняли храброго охотника, чтобы он убил Белого дьявола и привел сюда вас и моего седовласого отца. Да, вы наш спаситель, – заключила Хоуп, очень мило ему кивнув.

– Это не совсем так, – ответил Стивен. – Потом я вам объясню. А теперь, мисс Хоуп, не покажете ли вы нам Цветок?

– Сделать это может только Мать Цветка. Если вы посмотрите на Цветок в ее отсутствие, вы умрете.

– В самом деле? – воскликнул Стивен, умолчав о том, что влезал на плетень участка.

После долгих колебаний Мать Цветка согласилась-таки показать свое сокровище, рассудив, что главный бог понго повержен и опасности нет. Однако сперва она отправилась в заднюю часть дома и хлопнула в ладоши. На этот зов явилась немая старуха, типичная туземная альбиночка. На нас она воззрилась с удивлением. Миссис Эверсли заговорила с ней жестами, да так быстро, что едва можно было уследить за движением ее пальцев. Старуха поклонилась до земли, потом выпрямилась и побежала к озеру.

– Я послала ее за веслами, – пояснила миссис Эверсли. – Я помечу их своей печатью. Тогда никто не осмелится воспользоваться ими, чтобы переплыть через озеро.

– Очень благоразумно, – похвалил я. – О том, что мы здесь, Мотомбо лучше не знать.

Мы подошли к ограде, за которой рос Священный цветок. Миссис Эверсли разрешила туземным ножом пальмовые волокна, припечатанные глиной к столбу. Никто не мог проникнуть на участок, не порвав волокна. Печать, прелюбопытную золотую вещицу, Мать Цветка носила на шее как знак занимаемого ею положения. На лицевой стороне печати грубо вырезали обезьяну с цветком в правой лапе. Печать казалась очень старой, значит обезьяна и орхидея почитались народом понго с незапамятных времен.

Мать Цветка открыла дверь. Посреди участка росло прекраснейшее растение из тех, что доводилось видеть человеку. Оно было футов восемь в поперечнике, с длинными и узкими темно-зелеными листьями. Из почек пробивались бутоны. О, какая это была красота! Распустившихся я насчитал около дюжины, ибо мы застали пору цветения. Размер бутонов я уже упоминал, когда описывал высушенный экземпляр, повторять нет нужды. По количеству цветков этого священного растения понго предсказывали урожайность года: если орхидея цвела обильно, ждали хорошего урожая, если скудно – плохого, если не цвела вообще, готовились к

голоду и засухе. Воистину, бутоны были великолепны – чашечка белая в черную полоску, околоцветник золотистый, как и боковые лепестки. В центре каждого бутона темнело пятно, очень похожее на обезьянью голову. Если меня цветок поразил, несложно представить, как отреагировал Стивен, с его-то орхидейной манией. Да он чуть рассудка не лишился! Стивен долго таращился на цветок, потом рухнул перед ним на колени, заставив мисс Хоуп воскликнуть:

– О Стивен Сомерс, вы тоже поклоняетесь Священному цветку?

– Да, – ответил он, – я готов умереть за него.

– Это вы еще успеете! – в сердцах пообещал я, так как не люблю, когда взрослые люди выставляют себя идиотами. Придуриваться можно по одной-единственной причине, и точно не ради цветка!

Следом за нами за ограду прошли Мавово и Ханс, и я подслушал их разговор, который меня позабавил. Ханс объяснил Мавово, что белые люди восхищаются этим сорняком (он так и выразился: «сорняком») потому, что он похож на золото, а именно оно истинный бог белых, хоть и именуется по-разному. Мавово в ответ безразлично пожал плечами, мол, может, оно и так, хотя он видел истинную причину в другом: из сорняка готовят снадобье, дарующее белым силу и храбрость. Замечу, что зулусы ценят только те цветы, из которых потом завязываются съедобные плоды.

Налюбовавшись великолепным цветком вдоволь, я спросил миссис Эверсли, что за холмики окружают торфянистую клумбу, на которой растет орхидея.

– Это могилы Матерей Цветка, – ответила она. – Здесь их двенадцать; а вот место для тринадцатой. Оно предназначено для меня.

Чтобы сменить тему разговора, я задал ей иной вопрос, а именно: единственный ли это цветок или у понго есть еще?

– Других нет, – ответила она, – по крайней мере, я о них не слышала. Мне говорили, что много лет назад этот цветок доставили сюда издалека. Кроме того, согласно древнему закону, ему не дают разрастаться. Любой побег, тянущийся за пределы этой клумбы, я должна срезать и уничтожить с соответствующей церемонией. Видите семянку, оставленную на стебле прошлогоднего цветка? Она созрела, и в следующее новолуние, когда меня посетит Калуби, я должна буду сжечь ее на ритуальном костре в его присутствии. Если семянка проклюнется раньше, мне, опять-таки на ритуальном костре, следует сжечь побеги.

– Вряд ли Калуби сюда явится, – заметил я. – Пока вы здесь, он точно не придет.

Перед тем как уйти, я, привыкший не упускать ничего полезного, сорвал эту зрелую семянку, размером не превосходящую апельсин. Никто не заметил, как я спрятал семянку в карман, никто ее не хватился.

Потом, предоставив Стивену и молодой леди восхищаться орхидеей (или друг другом), мы, трое старших, вернулись в дом, чтобы обсудить положение вещей.

– Миссис и мистер Эверсли, после двадцатилетней разлуки судьба свела вас снова, – начал я. – Но что нам делать дальше? Горилла убита, путь через лес свободен. Но за лесом озеро, а лодки у нас нет. К тому же на другом берегу, у входа в пещеру, сидит, словно паук в паутине, старый колдун Мотомбо. За пещерой нас могут поджидать Комба, или новый Калуби, и целое племя каннибалов...

– Понго едят людей?! – перебила миссис Эверсли. – Я не знала, что они так кровожадны. Правда, я знаю понго очень мало, так как почти не видела их.

– Раз так, поверьте мне на слово. Кроме того, понго наверняка рассчитывают нас съесть. Вряд ли вам хочется провести на острове остаток жизни, вот я и хотел бы узнать, как вы намереваетесь бежать из страны понго?

Супруги Эверсли покачали головой. По-видимому, они не думали об этом. Брат Джон погладил белую бороду и спросил:

– Аллан, у вас ведь есть план? Мы с женой полностью на вас полагаемся, вы так изобретательны!

– План?.. – Я запнулся. – Знаете, Джон, в любой другой ситуации... – После минутного замешательства я позвал Ханса и Мавово, которые уселись на корточках на веранде. – Ну и что вы можете предложить? – осведомился я, после того как обрисовал суть дела. При отсутствии жизнеспособных идей мне не терпелось взвалить ответственность на чужие плечи.

– Мой отец Макумазан смеется над нами, – мрачно изрек Мавово. – Какие планы может строить крыса, сидящая в норе, пока собака караулит ее у входа? Сейчас мы в безопасности, как те крысы. Я не вижу иного выхода, кроме смерти!

– Весело! – заметил я. – А что скажешь ты, Ханс?

– Ох, баас, мне хватило мудрости спрятать Интомби в бамбуковую палку, – ответил готтентот. – Но теперь моя голова уподобилась тухлому яйцу. Когда я пытаюсь вытряхнуть из нее мудрость, мозги тают и болтаются в ней, как протухший желток. Хотя одна мысль у меня есть – спросить совета у мисс. У нее молодой, свежий ум. Бааса Стивена спрашивать бесполезно: у него голова теперь другим занята. – Ханс слабо улыбнулся.

Скорее чтобы выиграть время и обдумать положение, нежели по иной причине, я позвал мисс Хоуп. Она вместе со Стивеном вышла из-за ограды, возведенной вокруг Священного цветка. Я объяснил, в чем дело, говоря медленно и ясно, чтобы девушка меня поняла. К моему удивлению, она ответила сразу.

– Что есть бог, о мистер Аллан? Это больше, чем человек? Может ли он годами томиться в яме, как Сатана из Библии? Если он пожелает переселиться, увидеть новую страну, кто ему запретит?

– Не пойму, о чем вы, – ответил я, хотя и догадывался, к чему она клонит.

– О Аллан, Священный цветок – бог, моя мать – его жрица. Если Священному цветку здесь надоело и он желает расти в другом месте, почему бы жрице не перенести его туда и не переселиться вместе с ним?

– Великолепная идея! – сказал я. – Но видите ли, мисс Хоуп, тут есть или, вернее, было два бога, и один из них не может путешествовать.

– О, это очень легко устроить! Наденьте шкуру лесного бога на того человека. – Она указала на Ханса. – Кто заметит разницу? Они похожи друг на друга, как родные братья. Только этот меньше.

– Право, великолепная идея! – восхитился Стивен.

– Что говорит мисс? – подозрительно спросил Ханс.

Я объяснил ему.

– Ох, баас! – воскликнул Ханс. – Только представьте, как будет пахнуть шкура, когда нагреется на солнце. Кроме того, обезьяна большого роста, а я малого.

Он обернулся к Мавово и предложил ему взять эту роль на себя, намекая, что она больше подходит высокому статному зулусу.

– Я скорее умру, чем соглашусь, – ответил гордый Мавово. – Мне, благородному воину, нарядиться в шкуру мертвого зверя и явиться перед людьми в виде обезьяны? Мы поссоримся с тобой, Пятнистая змея, если ты еще раз предложишь мне такое.

– Мавово прав, – сказал я. – Он воин, которому нет равных в бою. Ты же, Ханс, силен своей хитростью и, надев шкуру гориллы, оставишь понго в дураках. Лучше тебе на пару часов вырядиться обезьяной, чем всем нам погибнуть.

– Верно, баас. Вообще-то, мне, как и Мавово, легче умереть, чем напялить эту шкуру, но здорово будет одурачить этих понго еще раз. Кроме того, я не желаю, чтобы бааса убивали только потому, что мне противен запах. Коли нужно, я сделаюсь богом-обезьяной.

Таким образом, благодаря самопожертвованию добряка Ханса, истинного героя этой истории, проблема решилась, насколько это было возможно. Отчаянную затею мы решили осуществить на заре следующего дня. Предстояла большая подготовка.

Для начала миссис Эверсли созвала служанок, которые вскоре собрались у веранды. Печальное зрелище: все двенадцать оказались неприятными на вид альбиносками, половина еще и глухонемыми. Миссис Эверсли обратилась к ним на правах жрицы и объявила, что живущий в лесу бог мертв, поэтому ей следует взять Цветок, именуемый Супругой бога, и отправиться к Мотомбо, дабы известить его о трагедии. Тем временем они должны оставаться на острове и продолжать обработку полей.

Приказ поверг несчастных женщин в уныние, ибо они сильно привязались к своей госпоже и к ее дочери. Старшая из них, высокая тощая старуха с белыми волосами и розовыми глазами – Ангорский кролик, как назвал ее Стивен, – бросилась на землю и, целуя ноги миссис Эверсли, спросила, когда госпожа возвратится, ведь без нее и Дочери Цветка все они умрут от тоски.

Справившись с волнением, миссис Эверсли ответила, что не знает: все будет зависеть от воли Неба и Мотомбо. Потом, дабы прекратить дальнейшие разговоры, она велела служанкам принести кирки, которыми они обрабатывают землю, а также багры, циновки, веревки из пальмовых волокон и помочь нам выкопать Священный цветок. Выкапывали его под руководством Стивена, ведь для него это самая привычная работа, хотя выполнять ее было нелегко и невесело – служанки постоянно плакали, а имеющие голос рыдали навзрыд. У мисс Хоуп тоже были слезы на глазах, а миссис Эверсли заметно волновалась. Свыше двадцати лет она была хранительницей этого растения и, вполне естественно, стала относиться к нему с тем же благоговением, что и понго.

– Как бы это святотатство не принесло нам беды, – проговорила она.

Брат Джон, занимающий весьма определенную позицию по отношению к африканским суевериям, утихомирил ее, процитировав Вторую заповедь³⁴.

Наконец, стараясь не задеть корни, мы выкопали цветок вместе с куском дерна, чтобы не засох. В яме, на глубине около трех футов, обнаружилось несколько предметов. Во-первых, небольшой грубый амулет – каменная обезьяна в золотой короне. Тот древний амулет до сих пор хранится у меня. Во-вторых, слой угля, а в нем обгоревшие кости и малоповрежденный череп. Последний, по-видимому, принадлежал женщине низшей расы, возможно первой Матери Цветка, хотя мне он больше напомнил череп гориллы. Увы, темнота и нехватка времени не позволили рассмотреть останки, а увезти мы их не смогли.

Впоследствии миссис Эверсли рассказывала: она слышала от Калуби, что некогда у бога понго была жена, умершая задолго до переселения племени. В таком случае нам попались кости супруги бога-обезьяны. Орхидею извлекли из почвы, в которой она росла много лет, поместили на большую циновку, и Стивен, сущий виртуоз в таких делах, искусно обложил растение влажным мхом. Корни обмотали циновкой, каждый стебелек из предосторожности привязали к тонкой бамбуковой палочке. Потом орхидею уложили на бамбуковые носилки и закрепили веревкой из пальмовых волокон.

Тем временем стало темнеть. Всех нас одолевала усталость.

– Баас, может, нам с Мавово взять немного еды и переночевать в лодке? – спросил Ханс, когда мы возвратились в дом. – Эти женщины-служанки выглядят безобидно, но я наблюдал за ними целый день и боюсь, как бы они не наделали весел из палок и не пересекли озеро, чтобы предупредить понго.

³⁴ Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли (Исх. 20: 4).

Дробить наш небольшой отряд мне не хотелось, но мысль Ханса показалась благоразумной, и я согласился. Ханс и Мавово вооружились копьями, захватили провизию и отправились на берег.

Тот вечер запомнился мне еще одним событием – Хоуп приняла крещение от своего отца. В жизни не видывал ничего трогательнее, но описывать не стану.

Мы со Стивеном заночевали на огороженном участке, возле упакованной орхидеи: Сомерс не желал с ней расставаться. Предосторожность оказалась нелишней. Около полуночи дверь неслышно приоткрылась, и в свете луны я увидел женщин-альбиносок. Уверен, они собирались украсть Священный цветок. Я кашлянул и поднял ружье, после чего они убежали и больше не возвращались.

Брат Джон, его жена и дочь встали задолго до зари, чтобы подготовиться к путешествию, собрать провизию и так далее. Позавтракали мы еще при луне и с первыми лучами солнца, после молитвы о заступничестве, которую вознес к Небу Брат Джон, тронулись в путь.

Миссис Эверсли и ее дочь с грустью расставались с островком, где мирными затворницами прожили столько лет, где Хоуп родилась и выросла. Я очень старался отвлечь их разговорами.

Священный цветок – ноша не из легких, но я решил: пусть орхидею несут женщины, ее жрицы. Впереди шел я с ружьем, следом мать и дочь с Цветком. Белые одежды они покрыли плащами из мягкой, специально обработанной коры. Замыкали шествие Брат Джон и Стивен с веслами. Мы без приключений добрались до озера и, к своему облегчению, встретили на берегу Мавово и Ханса. Не зря они спали в лодке – ночью подкрались альбиноски с явным намерением завладеть ею. Увидев, что она охраняется, женщины убежали. Когда мы приготовились к отплытию, несчастные служанки явились в полном составе, пали ниц и, кто мольбами, кто отчаянными жестами, упрашивали Мать Цветка не покидать их. В итоге зарыдали и миссис Эверсли с Хоуп. Только слезами тут не поможешь, и мы поскорее отчалили, оставив безутешных альбиносок на берегу.

Если честно, совесть мучила и меня, только что я мог сделать? Надеюсь, с альбиносками не случилось ничего плохого, хотя дальнейшая их судьба мне неизвестна.

На другом берегу озера мы спрятали лодку в кустах, в том самом месте, где нашли ее, и отправились дальше. Цветок несли теперь Стивен и Мавово, самые сильные из нас. Стивен на тяжесть не жаловался, зато как ругался зулус! Проклятия, которыми он сыпал несколько часов кряду, заполнят целую страницу, пожалуй, я как-нибудь их запишу, ведь некоторые из них прелюбопытны. Боюсь, если бы не дружба со Стивеном, Мавово бросил бы орхидею.

Мы пересекли Сад бога, где, по словам миссис Эверсли, Калуби дважды в год разбирали священные семена. Таким образом, подтвердилась история, услышанная нами ранее. Вероломная тварь, которую мы уничтожили, нападала на опостылевших ей вождей, когда те брели через лес. Впрочем, атаквала горилла исключительно после того, как Калуби завершали сев. Из этих семян вырастали растения, кормившие ее, – разве это не доказательство дьявольской хитрости старой обезьяны? То, что наш Калуби погиб не в лесу, казалось исключением из правил. Вдруг горилла знала, что он явился сюда не ради ее блага? Вдруг ее подстегнуло наше появление? Кто может объяснить поведение дикого существа?

Обычно преследование Калуби растягивалось года на полтора. В первый раз Белый дьявол сопровождал вождя до сада и обратно, проявляя свою неприязнь рыком. Во второй раз он хватал его за руку и откусывал ему палец (как случилось недавно), что вело к заражению крови и, как правило, к смерти. Если Калуби выживал, горилла убивала его позднее – чаще всего могучими челюстями ломала ему череп. Королей понго при посещении священного места сопровождали особо преданные им юноши, которых лесное божество также нередко лишало жизни. Те, кто остался невредим после шести посещений, подвергались особым испытаниям.

Двое выживших удостаивались таких титулов, как Миновавший кары и Признанный богами, и пользовались большим почетом, как, например, Комба. После гибели Калуби один из них занимал его место, сохраняя его за собой лет десять, а то и дольше.

Миссис Эверсли не подозревала ни о ритуальном поедании останков Калуби, ни о захоронении костей в саркофагах – подобные события от нее тщательно скрывались. Она добавила, что из знакомых ей вождей как минимум трое обезумели от страха перед скорым концом, особенно после божественного рыка и откусывания пальца. Воистину несладко жилось коронованным особам понго, обреченным на мучительную гибель без малейшей надежды спастись. Не представляю ничего ужаснее существования королей, лишившихся привилегий и власти столь чудовищным образом.

Я спросил миссис Эверсли, посещал ли бога Мотомбо. Она ответила, что раз в пять лет, в новолуние, после многочисленных обрядов колдун проводил в лесу целую неделю. Один из Калуби рассказывал ей, что видел, как Мотомбо и бог сидят в обнимку под деревом и «беседуют, словно братья». За исключением пары баек о сверхъестественной хитрости бога-обезьяны, это все, что я узнал о нем от понго, склонных считать его злым духом, вселившимся в огромную старую гориллу.

Нет, есть еще один момент, подтверждающий рассказ Бабембы. Думаю, временами понго отправляли в лес пленников-инородцев, чтобы злобная тварь забавлялась, убивая беззащитных. На эту участь понго по жуткой традиции обрekli и нас.

Мы вышли к упавшему дереву. Обезьянья шкура так и лежала растянутой на колышках, разве чуть усохла. Шкуру явно заметили лесные муравьи, которые, к счастью для Ханса, объели с нее мясо, а кожу не тронули, потому что она оказалась чересчур жесткой. Чистая работа, ничего не скажешь! Кроме того, трудолюбивые крохотные создания съели и саму гориллу. От нее остались только белые кости, лежащие в том же положении. Кусочек за кусочком многочисленная муравьиная армия уничтожила колоссальную тушу и скрылась в чаще.

Как же мне хотелось добавить огромный скелет гориллы к своей коллекции трофеев, но это не представлялось возможным. По словам Брата Джона, любой музей предложил бы за него несколько сотен фунтов, так как в мире вряд ли существовал экземпляр, подобный этому. Но скелет был слишком тяжел. Я мог лишь запечатлеть его в памяти, внимательно осмотрев громадные кости. Кроме того, я извлек из правой лапы и сохранил пулю, которую всадил в гориллу, когда та похитила Калуби. Пуля не сломала, а лишь раздробила кость.

Мы отправились дальше, захватив с собой шкуру лесного божества; голову и объединенные муравьями лапы предварительно набили влажным мхом, чтобы сохранить форму. Груз получился не из легких, по крайней мере так говорили Брат Джон и Ханс, несшие эти жуткие останки на суку поваленного дерева. О дальнейшем пути к озеру, омывавшему вход в пещеру, скажу, что, тяжелой ноше вопреки, спускаться с крутого склона было куда легче, чем подниматься на него. Однако вперед мы продвигались очень медленно. Когда наша процессия наконец достигла кладбища, до заката оставалось не более часа. Мы устроили привал и обсудили наше положение.

Что нам следовало делать? Перед нами лежало озеро, но не было лодки, чтобы через него переплыть. Да и что ждало на другом берегу? Пещера, в которой, словно паук в паутине, сидел тот, кого и человеком не назовешь! Не думайте, что мы лишь тогда забеспокоились о своем спасении. Напротив, даже пытались перетащить через лес лодку, на которой переправлялись на Остров Цветка и обратно. Но затею пришлось бросить, поскольку «суденышко» с днищем толщиной в четыре-пять дюймов, выдолбленное из цельного бревна, мы и пятидесяти ярдов не проволокли. Как же нам быть? Переправиться вплавь нельзя из-за крокодилов, да еще выяснилось, что из всего отряда плавать умеем лишь мы со Стивеном. А где взять бревна на постройку плота?

Я подозвал Ханса, и, оставив спутников на кладбище, где им ничего не угрожало, мы пошли на разведку. Спустились к берегу и пробрались к воде, опасливо скрываясь в камышах и мангровых зарослях. Пожалуй, нас вряд ли могли заметить – жаркий день клонился к вечеру, небо заволакивали огромные тучи, сулившие сильную грозу.

Мы смотрели на темную илистую воду, на крокодилов, дюжинами сидевших на мелко-водье и явно поджидавших кого-то, на другой берег с отвесной скалой и черным провалом в скале. Заводь у пещеры напоминала ров вокруг замка. Единственный путь лежал сквозь гору, ведь протоку, по которой Бабемба доплыл до большой воды, завалило сломанными деревьями. Мы искали бревно, на котором можно добраться до пещеры, или сухой тростник, или хворост, чтобы соорудить плот, однако нам, увы, ничего не попало.

– Если не добудем лодку, лучше остаться здесь, – сказал я Хансу, притаившемуся в камышах рядом со мной, у кромки воды.

На мои слова готтентот не ответил, и я, задумавшись, отвлекся, наблюдая за жизнью насекомых. В этом крохотном мирке произошла сцена, весьма напоминающая трагедию на театральных подмостках. Крупный лесной паук натянул между двумя камышинками ловчую сеть размером с раскрытый дамский зонтик. Нижняя часть паутины почти касалась воды. В центре сидел сам охотник в ожидании добычи, словно крокодилы, караулящие жертву у берегов, словно гигантская обезьяна, караулившая Калуби, словно смерть, караулящая жизнь, словно Мотомбо, караулящий неизвестно кого в своей пещере.

Мне показалось, что черный паук с белым пятном на голове очень напоминает Мотомбо... И вот передо мной разыгралась настоящая драма. Большая белая бабочка из семейства бражников, порхавшая с камышинки на камышинку, запуталась в паутине, дюймах в трех от воды. Паук тотчас бросился на нее и обхватил несчастную жертву длинными лапами, чтобы та не билась. Потом он сполз ниже и начал оплетать пленницу паутиной. Вдруг из воды показалась голова крупной рыбы. Рыба преспокойно проглотила паука и исчезла в глубине, утащив за собой часть паутины, и тем самым освободила бабочку. Та упала на щепку и уплыла на ней.

– Баас видел это? – спросил Ханс, указывая на разорванную паутину. – Пока баас размышлял, я молился покойному отцу бааса, и тот указал нам путь, послав знамение из огненного места.

Даже в тот нелегкий момент я в душе рассмеялся, представив, как мой покойный отец отреагировал бы на слова своего крестника. Религиозные взгляды Ханса прелюбопытны, жаль, я так их и не проанализировал, а тогда, на берегу озера, задал лишь один вопрос:

– Какое знамение?

– Вот это самое, баас. Паутина – это пещера Мотомбо. Большой паук – сам Мотомбо. Белая бабочка – это мы, баас, запутавшиеся в паутине.

– Прекрасно, Ханс! – похвалил я. – А рыба, которая проглотила паука и помогла бабочке уплыть на щепке?

– Рыба – это вы, баас. Под покровом тьмы вы тихонько выберетесь из воды и застрелите Мотомбо из маленького ружья, после чего мы сядем в лодку и уплывем, как та бабочка на щепке. Гроза собирается. Кто ненастной ночью заметит, как баас переплывает заводь?

– Крокодилы, – ответил я.

– Баас, я не видел, чтобы крокодилы съели рыбу! Сейчас та рыба ушла глубоко, и она очень рада: в брюхе у нее жирный паук. А крокодилы в грозу ложатся спать – боятся, как бы молния не убила их за грехи.

Ханс напомнил мне о том, что я уже слышал, да и сам нередко замечал: в непогоду эти гигантские рептилии прячутся, вероятно, потому, что прячется их добыча. Как бы то ни было, решение я принял быстро.

Едва стемнеет, я переплыву озеро, держа Интомби над головой, и попытаюсь украсть лодку. Надеюсь, старый колдун спит, а если бодрствует, ему придется уснуть навеки. Я пони-

мал, что затея отчаянная, но не видел иных вариантов. Без лодки мы были обречены на голодную смерть в лесу. Возвращение на Остров Цветка тоже сулило гибель – от рук понго. Ведь рано или поздно Комба с воинами придут искать растерзанные обезьяной тела чужеземцев.

– Я попробую, Ханс, – пообещал я.

– Я так и знал, баас! Я тоже отправился бы с баасом, да плавать не умею. А если начну тонуть, подниму шум, ведь тонущий над собой не властен. Все кончится благополучно, иначе покойный отец бааса не послал бы нам знамение. Бабочка спокойно уплыла на щепке, а потом наверняка расправила крылья и улетела. Жирный паук сейчас в желудке у рыбы. Ох, как она над ним смеется!

Глава XVIII

Удары судьбы

Мы возвратились к спутникам – те явно пали духом, сидя на земле среди саркофагов. Неудивительно: близилась ночь, издали доносились раскаты грома, эхом отдававшиеся в лесу, первые крупные капли дождя орошали траву. В общем, вопреки заверениям Стивена, что из-за каждой тучи рано или поздно выглянет солнце – мол, нет худа без добра, – будущее казалось удручающим.

– Ну, Аллан, каков ваш план? – спросил меня Брат Джон делано бодрым тоном и выпустил руку жены, что в те дни случалось крайне редко.

– Я отправлюсь за лодкой, на которой мы переплывем заводь, – ответил я.

Все посмотрели на меня с удивлением, и мисс Хоуп, сидевшая рядом со Стивеном, поинтересовалась, как обычно на библейский лад:

– У вас есть крылья, чтобы перелететь через воду, аки голубь, о мистер Аллан?

– Нет, но есть плавники, чтобы переплыть через воду, аки рыба.

Тут же посыпались возражения.

– Вы не должны подвергать себя риску, – заявил Стивен. – Я моложе вас и плаваю не хуже. Я и отправлюсь за лодкой, тем более мне охота помыться.

– Потерпите, о Стивен! – воскликнула мисс Хоуп, и в ее голосе послышалась тревожная нотка. – Ночной дождь смоев всю грязь.

– Да, Стивен, плавать вы умеете, – согласился я, – но, простите меня, с ружьем обращаться толком не можете, а от удачной стрельбы зависит успех нашей затеи. Так что идти должен я, и надеюсь, все кончится хорошо. А если нет, невелика беда, сильно вы не пострадаете. Вас три пары: Джон и его супруга, Стивен и мисс Хоуп, Мавово и Ханс. У меня пары нет, если погибну, выберете нового командира, но пока за экспедицию отвечаю я, вы должны мне повиноваться.

Потом заговорил Мавово:

– Мой отец Макумазан – храбрый человек. Если он останется в живых, он исполнит свой долг. Если же умрет, он исполнит его еще лучше. На земле – или на том свете, среди духов наших отцов – его имя навсегда возвеличится. Да, его имя станет песней!

Когда Брат Джон перевел всем остальным эти слова, показавшиеся мне великолепными, наступило молчание.

– Теперь всем лучше перебраться на берег, – сказал я. – В грозу там безопаснее, поскольку нет высоких деревьев. Леди, за время моего отсутствия постарайтесь облачить Ханса в шкуру гориллы. Затяните ее веревками из пальмовых волокон, которые мы принесли с собой, пустоты и голову набейте листьями и камышом. Когда я вернусь с лодкой, Ханс должен быть готов.

Ханс громко застонал, но прекословить не решился. Мы захватили багаж и отправились на берег, где укрылись за мангровыми зарослями и высоким тростником. Там я снял с себя все, кроме серой рубашки и серых же кальсон, то есть стал почти невидим в ночной тьме.

Теперь я был готов, и Ханс передал мне маленькое ружье.

– Оно заряжено, баас, и на полном взводе, – сказал он. – Чтобы уберечь от влаги пистон и порох, я обмотал замок подкладкой своей шляпы, которая просалилась насквозь, ведь в жару волосы сильно салятся. Она не завязана, баас. Надо только слегка встряхнуть ружье, и подкладка отпадет.

– Ясно, – отозвался я и левой рукой взял ружье за язычок у самого ударника, чтобы мерзкая жирная тряпица не слетела с замка и пистона.

Потом я пожал спутникам руки. С гордостью добавлю, что, когда я подошел к мисс Хоуп, она по собственной воле запечатлела на моем старческом лбу поцелуй. Захотелось ответить тем же, но я удержался.

– Это поцелуй-благословение, о Аллан, – проговорила девушка. – Возвращайтесь с миром!

– Благодарю, – отозвался я. – А теперь, пожалуйста, сделайте из Ханса обезьяну.

Стивен пробурчал, что ему за себя стыдно. Брат Джон вознес к Небу страстную молитву. Мавово отдал честь, подняв медный наконечник копья, забормотал, воздавая мне сибонгу, а миссис Эверсли сказала:

– Слава богу, что я дожила до встречи с отважным англичанином!

Я обрадовался комплименту, в том числе в адрес своей нации, но потом узнал, что миссис Эверсли урожденная англичанка, и воспоминание об этой радости слегка потускнело.

Ослепительно сверкнула молния, гроза уже бушевала в полную силу, и я быстро спустился к воде вместе с Хансом, решившим проститься со мной последним.

– Возвращайся, Ханс, а то тебя молния высветит, – сказал я, бесшумно соскальзывая по мангровым корням в мутную воду. – Передай остальным, пусть постараются сохранить мою одежду сухой.

– До свидания, баас, – отозвался Ханс, и я услышал его всхлипывания. – Пусть бодрость не покидает бааса всех баасов! На холме смерти было страшнее, Интомби спасло нас тогда, спасет и сейчас, ибо оно чувствует, в чьи руки попало.

Если Ханс сказал что-то еще, я не расслышал: помешал ливень.

Да, перед другими я бодрился, но словами не передать, как мне было страшно. Наверное, страшнее всего в жизни, а это говорит о многом. Я решился на безумнейшую затею. Все опасные моменты перечислять не стану, скажу только, что больше всего боялся крокодилов. Ненавижу крокодилов с тех пор, как... неважно! В этой луже их было больше, чем черепах на острове Вознесения.

Я поплыл. Протока ярдов двести шириной – небольшая преграда для хорошо плавающего человека. Вот только левой рукой мне приходилось удерживать ружье над водой: если окунешь, оно станет бесполезным. Еще я опасался, что меня увидят при вспышке молнии, поэтому на голове у меня была темная суконная шляпа. Меня пугали и сами молнии: сверкали они ослепительно и, казалось, били прямо в воду. Мне почудилось, что в нескольких ярдах от меня упала шаровая молния, словно ее притянул металл ружейного ствола, но вышла промашка. Впрочем, не исключено, что это крокодил всплывал на поверхность воды.

Однако мне повезло в одном, вернее, в двух отношениях. Во-первых, мне благоприятствовало полное отсутствие ветра, от которого поднялись бы волны, захлестнули меня и неизбежно намочили ружье. Во-вторых, я совершенно не боялся заблудиться, так как видел огни, горевшие в пещере слева и справа от свайного трона Мотомбо. Они играли ту же роль, что маяк, который гречанка по имени Геро ночами зажигала на башне, дабы ее возлюбленный Леандр переплыл Геллеспонт. Впрочем, тому юноше тайные заплывы сулили нечто приятное, а вот мне... Хотя с легендой меня кое-что сближало. Если я правильно помню, Геро была жрицей греческой богини любви. Меня ожидал некто, так же связанный с религией. Однако он – и я в это твердо верил – служил дьяволу.

Около четверти часа я плыл не торопясь, чтобы сберечь силы, хотя страх перед крокодилами бередил мое воображение. Но они, слава богу, не показывались, так что беспокоился я напрасно. Я достиг пещеры – над головой навис скалистый выступ, – потом пересек мелководную бухточку, где находился причал, и встал на дно. Вода доходила мне до груди. Я оценивал обстановку, а сам тем временем отдыхал, разминал левую руку, онемевшую от тяжести ружья, и протирал глаза, с трудом привыкая к неяркому свету костров.

Я снял тряпицу с ружейного замка и выбросил, предварительно вытерев ей ствол Интомби. Особыми манипуляциями я ослабил предохранитель – теперь ружье отреагирует при слабейшем нажатии на спусковой крючок. Потом я снова огляделся по сторонам. Я увидел настил на сваях, а на нем – увы! – похожего на жабу Мотомбо. Он сидел спиной ко мне и смотрел не на воду, а вглубь пещеры. На роковой миг я замер в нерешительности. Вдруг жрец спит и я сумею взять лодку без стрельбы? Я не люблю убивать, но если уж стрелять, то наверняка. А Мотомбо, как назло, наклонил голову вперед, а где гарантии, что выстрел в спину окажется смертельным? Кроме того, мне хотелось избежать шума.

Тут Мотомбо обернулся. Мое присутствие он, должно быть, почувствовал интуитивно, ибо мертвую тишину нарушал лишь тихий шорох дождя. В этот момент сверкнула молния, и жрец увидел меня.

– Это белый человек, – прошелестел Мотомбо, а я с ружьем на плече стал ждать следующей молнии. – Белый человек, который стрелял в меня давным-давно. Он снова здесь с ружьем в руках. Судьба наносит удар! Бог мертв – значит умереть нужно и мне.

Потом его словно одолели сомнения – Мотомбо поднял рог, чтобы позвать на помощь.

Снова блеснула молния, страшно загремел гром. Умоляя Всевышнего не лишать меня меткости, я прицелился Мотомбо в голову и выстрелил в тот самый момент, когда он поднес рог к губам. Рог выпал из рук колдуна, тот съезжился и замер.

Хвала Всевышнему, в тот трудный момент мастерство не изменило мне. Если бы у меня дрогнула рука, если бы нервы не выдержали напряжения, если бы жирная Хансова тряпица не уберегла порох и пистон от влаги, сия история никогда не увидела бы свет, а на кладбище Калуби прибавилось бы костей.

На минуту я застыл, опасаясь, что прислужницы появятся из дверных проемов по обеим сторонам пещеры и поднимут тревогу. Никто не вышел, и я понял, что раскаты грома заглушили треск выстрела, да и подобного звука прислужницы прежде не слышали. Десятилетиями Мотомбо день-деньской просиживал на троне, с которого едва мог спуститься. На закате прислужницы закутали его в меха и развели костры, чтобы жрец не замерз, так зачем им показываться, раз старик не трубил в рог, то есть не звал их?

Приободренный, я отвязал лодку, влез в нее и повел прочь из бухты. Снова вспыхнула молния, осветив лицо Мотомбо в считанных футах от меня. Его выражение устршило бы любого. Теперь подбородок почти касался коленей. Посреди лба виднелся след пули – синее входное отверстие, ибо я не промахнулся. Круглые, глубоко посаженные глаза остались открытыми. Казалось, они пристально смотрят на меня из-под нависших бровей. Массивная нижняя челюсть отвисла, язык вывалился на пухлую нижнюю губу. Надутые щеки посерели, но бурые старческие пятна еще проступали на них.

Да, выглядел Мотомбо ужасно. Его образ преследует меня и поныне, особенно в минуты отчаяния. Впрочем, его гибель не терзает меня и не сильно обременяет мою совесть. Убить его было необходимо ради спасения невинных. Уверен, Мотомбо заслужил смерть. Я считаю его дьяволом, как и гориллу, которую застрелил в лесу. Мертвый Мотомбо поразительно ее напоминал. Если положить их головы рядом и отойти, не разберешь, кто есть кто из-за одинаковых кустистых бровей, срезанных безбородых подбородков и желтых клыков по углам рта.

Я выплыл из пещеры и на время затаился под высокой скалой: прислушивался, не возникло ли переполоха, и прятался от ярких вспышек молнии, которые могли выдать меня врагу. Но гроза уже затихала.

Выждав добрых десять минут, я рискнул и направил лодку к противоположному берегу. Я двигался на восток от пещеры, ориентируясь на рослое дерево, которое ранее приметил в глубине кладбища.

Мой расчет оказался верным – лодка врезалась в камыши, за которыми остались мои спутники. В этот самый миг из-за разбегающихся туч выглянула луна, спутники увидели меня,

а я... я увидел бога-обезьяну. Он направлялся ко мне вброд, явно с намерением вцепиться в борт лодки. Передо мной было то самое чудовище из леса, только пониже.

Тут я все вспомнил и с облегчением рассмеялся.

– Баас?.. – Приглушенный голос, очевидно, принадлежал горилле. – Баас, вы целы?

– Конечно, иначе разве я был бы здесь? – ответил я и весело поинтересовался: – Ханс, а как ты себя чувствуешь? Шкура-то чудо какая теплая, а ночь сырая.

– Ох, баас, расскажите, как все было! – взмолился он. – Даже среди этой вони я стораю от любопытства.

– Мотомбо убит, – объявил я. – Стивен, дайте руку. И заодно мои вещи. А ты, Мавово, поддержи ружье и лодку, пока я одеваюсь.

Я выбрался на берег, укрылся в камышах и, сняв мокрую рубашку и кальсоны, сунул их в большие карманы охотничьей куртки, так как не хотел выбрасывать. Потом натянул сухие вещи. Они немного кололись, зато в теплом климате я вполне мог носить их и без белья. После этого я от души хлебнул бренди из фляги и утолил голод. Потом рассказал спутникам, как добыл лодку, и, оборвав их восторги, велел перенести в нее Священный цветок и занять места самим. Ханс просунул пальцы сквозь обезьянью шкуру и помог мне перезарядить ружье, надев последний пистон на боек. Когда мы закончили, я устроился на носу лодки и приказал Брату Джону со Стивеном грести.

Как и раньше, мы поплыли по дуге, чтобы остаться незамеченными, и быстро добрались до пещеры. Я наклонился вперед и заглянул в нее из-за каменного выступа. Внутри по-прежнему царил тишина. Костры неярко горели по обеим сторонам настила, на котором неподвижно сидел Мотомбо. Не говоря ни слова, мы вылезли из лодки. Спутники нет-нет да и косились на ужасное лицо мертвого жреца, но я жестом отвлек их от этого зрелища и велел построиться в колонну.

Я решил, что первым пойду сам, за мной Мать Священного цветка и Ханс в образе лесного бога, потом Брат Джон и Стивен со Священным цветком, за ними мисс Хоуп, а замыкающим будет Мавово. Возле одного из костров лежали факелы, о которых я упоминал выше. Мы взяли несколько и зажгли. Мавово вернул лодку на место и привязал к кольшку. Казалось, ее никто не трогал, и теперь наше появление удивило бы понго еще больше. Я то и дело поглядывал на дверные проемы, ожидая появления прислужниц. Но никого не было. Спали они или отсутствовали – этого я до сих пор не знаю.

В мрачном молчании двинулись мы по извилистым туннелям и потушили факелы, едва завидев свет вдали. У входа в пещеру спиной к нам стоял часовой. Лунный свет еле пробивался сквозь пелену облаков, моросил дождь, и нам удалось подобраться почти вплотную. Внезапно туземец обернулся. Он увидел богов своей страны, вскинул руки и упал замертво. Мавово я не расспрашивал, но, думаю, часового обезвредил он: чуть позже я оглянулся и заметил у него большое копьё понго с длинным древком, а не медное, взятое на кладбище.

К городу Рика мы направились той же тропой, по которой пришли к озеру. Как я уже упоминал, местность была пустынная, обитатели редких хижин, которые нам попадались, по-видимому, крепко спали, к тому же понго не держали собак, которые могли бы своим лаем разбудить хозяев. Думаю, по дороге от пещеры до города нас не видел никто.

Шли мы всю ночь, стараясь не терять времени, и останавливались лишь затем, чтобы передохнули те, кто нес Священный цветок. Миссис Эверсли заменяла Брата Джона, а вот двуужильный Стивен не выпускал носилки до самого конца пути.

Хансу, разумеется, было солоно в шкуре – она вряд ли стала намного легче, хоть и усохла. Но готтентот был старик выносливый и держался молодцом, правда, на подступах к городу периодически уподоблялся божеству и ковылял на четвереньках, совсем как горилла.

Незамеченными мы вышли на главную улицу города Рика и пробрались к Дому празднеств, ибо утро выдалось сырое и жители города спали. Лишь когда до пристани оставалось

ярдов сто, женщина, чью привычку рано вставать можно приравнять не то к добродетели, не то к пороку, вышла из хижины на работу в саду, увидела нас и подняла ужасный крик.

– Боги! – голосила она. – Боги покидают нашу землю и уводят с собою белых людей!

Тотчас поднялась суматоха. Из дверей высовывались головы, люди выбегали на улицу с таким воем, словно их резали. Однако никто не решался приблизиться к нам.

– Вперед или все погибло! – закричал я.

Мои спутники не подвели. Ханс, задыхавшийся в жутком зловонном одеянии, пополз вперед на четвереньках. Брат Джон и Стивен, изнемогавшие под тяжестью Священного цветка, зашагали быстрее. Наконец мы достигли пристани, где стояла та самая лодка, что привезла нас сюда, и запрыгнули в нее. Отвязывать веревку, которая ее удерживала, не было времени; я перерезал ее ножом и оттолкнулся от берега.

Забрезжила заря. На пристань выбежали сотни людей, в том числе немало воинов. В их рядах царил паника. Уловка Хоуп пока еще нас спасала. Я увидел Комбу: тот мчался с большим копьём в руках, но, завидев нас, замер от изумления.

Тут произошла катастрофа, едва не стоившая нам жизни. Ханс, сидевший на корме лодки, начал терять сознание от вони шкуры и перегрева. Он решил вдохнуть свежего воздуха и высунул наружу голову, так что набитая листьями маска гориллы медленно сползла ему на плечи. Комба, увидев безобразное лицо готтентота, сразу узнал его.

– Это обман! – закричал он. – Белые дьяволы убили бога! Они похитили Священный цветок и его жрицу! Желтый человек нарядился в шкуру бога! К лодкам! К лодкам!

– Гребите! – велел я Брату Джону и Стивену. – Гребите изо всех сил! Мавово, помоги мне поднять парус!

Случилось так, что в то пасмурное утро сильный ветер дул к берегу. Медленно, неумело мы поставили мачту и подняли парус из циновки. На веслах мы отплыли от пристани ярдов на четырехста. В погоню за нами отправилось множество лодок с уже поднятыми парусами. На носу первой из них стоял Комба – новоиспеченный Калуби. Он осыпал нас проклятиями и грозил огромным копьём.

Я понял, что искусные лодочники-понго вот-вот нагонят нас и перебьют. К счастью, у меня появилась интересная мысль. Я велел Мавово следить за парусом, перешел на корму и, оттащив в сторону слабеющего Ханса, опустился на колени. У меня сохранился один заряд или, вернее, один-единственный пистон, который я намеревался использовать. Я отвел затвор, поднял ружье и прицелился в Комбу. Ни по возможностям прицела, ни как иначе на дальнюю стрельбу Интомби не рассчитано. В Комбу я мог попасть лишь за счет выброса пули.

Парус мы подняли, наша лодка шла довольно ровно. Кроме того, мы находились под прикрытием берега, будто плыли в тихом пруду, так что стрелять с кормы было удобно. Сам я, усталости вопреки, сумел собраться и даже почувствовал себя увереннее. Еще повезло с освещением: солнце всходило у меня за спиной, ярко озаряя нужную мне мишень. Я затаил дыхание и спустил курок. Заряд взорвался почти в то же мгновение, над дулом взвился дымок. Комба вскинул руки и навзничь упал в лодку. С большим опозданием (по крайней мере, так показалось нам) ветер принес глухой звук удара смертоносной пули.

Наверное, не стоит хвастаться, но выстрел получился замечательный: пуля, как я впоследствии выяснил, попала точно в цель – угодила Комбе в грудь и пробила сердце. С учетом всего сказанного, четыре выстрела, которые я произвел в стране понго, – венец моей стрелковой карьеры. Первым я в глухой ночи попал богу-обезьяне в лапу и убил бы его, да выстрел получился затычным, вот горилла и успела прикрыть голову. Вторым я таки уложил чудовище, невзирая на суматоху и панику. Третьим после долгого заплыва, среди сверкания молний, я покончил с Мотомбо. Четвертым с большого расстояния, на плывущей лодке я уничтожил бессердечного, вероломного Комбу, что заманил нас в свою страну с целью убить и съесть на

ритуальном пиру. На самом деле я ежесекундно понимал, что не имею права на ошибку: у меня лишь четыре пистона и исправить ее не удастся.

Уверен, с другим ружьем, даже с самым лучшим и современным, у меня так не получилось бы. К маленькому шедевру Парди я привык с юности, любой снайпер подтвердит, что это очень важно. Я приноровился к Интомби, а Интомби – ко мне. Это ружье до сих пор висит у меня на стене, хотя сегодня, во времена казнозарядных ружей, я им не пользуюсь. Вот только местный оружейник, которому я отдал Интомби на чистку, без спросу отполировал и наворонил ствол. Теперь ружье как новенькое, а мне больше нравилось исцарапанным.

Возвращаясь к нашей истории, скажу, что выстрел подействовал на Ханса, как рог Джона Пила³⁵. Старый готтентот выглянул у меня из-за спины и увидел, как Комба падает навзничь.

– Прекрасный выстрел, баас! – пролепетал Ханс. – Уверен, даже дух вашего преподобного отца в огненном месте не способен истреблять врагов так здорово. Выстрел прекрасный!

Старый дурак принялся целовать мои сапоги, точнее, то, что от них осталось. Пришлось угостить Ханса остатками бренди, который привел его в чувство, особенно после того, как с него сняли грязную обезьянью шкуру и помогли ополоснуть лицо и руки.

Гибель Комбы подействовала на понго престранным образом. Их лодки собрались вокруг той, где лежал его труп. После короткого совещания понго опустили паруса и на веслах вернулись к пристани. Почему они так сделали, не знаю. Возможно, они думали, что Комба околдован или только ранен и нуждается в помощи знахаря. Или закон запрещал им выступать без предводителя, а запасной Калуби из числа «миновавших кары» остался на берегу. Возможно, обычай требовал доставить тело Калуби на сушу с особыми церемониями. Поручиться не могу: помыслы жителей африканской глуши порой непостижимы.

Зато в итоге у нас, казалось бы обреченных на верную гибель, появилась надежда на спасение. Когда мы вышли из залива, свежий ветер быстро понес лодку через озеро и начал стихать лишь в полдень. К счастью, штиль наступил лишь часам к трем пополудни, когда берег страны мазиту был уже поблизости. Мы даже разглядели пятнышко английского флага, водруженного Стивенем на вершине холма.

За те спокойные часы мы подкрепились остатками еды, умылись и отдохнули. В свете будущих событий передышка оказалась весьма кстати. Едва ветер стал слабеть, я случайно оглянулся и увидел, что нас преследует целый флот понго – около сорока лодок, в каждой человек по двадцать. Под парусом мы старались идти как можно дальше: судно продвигалось медленно, но все равно быстрее, чем на веслах. Кроме того, следовало беречь силы для последних испытаний.

Краткий отдых на озере я помню отлично: волнению вопреки, в памяти сохранились мельчайшие подробности, даже облака, которые плыли над головой, напоминая о вчерашней грозе. Одно было похоже на замок с обрушившейся башней и лестницей, другое – на подбитый корабль с выбоиной справа на крамболе³⁶, двумя сломанными мачтами и обрывками парусов, колышущимися на третьей.

Еще запомнились виды большого озера, особенно в том месте, где встречались два течения. Поднимались невысокие волны, схлестывались друг с другом и опадали причудливыми изгибами. Косяки рыбешек, похожих на голавля, с круглым ртом и белоснежным брюхом, то и дело выпрыгивали из воды за невидимыми мухами. Рыбешки привлекали птиц, похожих на чаек, но поменьше. У них были смоляные головы, белые спины, сероватые крылья и оранжевые перепончатые лапки, которыми они хватили рыбешку, при этом издавая протяжное, жалобное «и-и-и!». Вожак стаи с белой, вероятно от старости, головой парил надо всеми. Сам он охо-

³⁵ *Джон Пил* – известный английский охотник; в Калдбеке, историческое графство Камберленд, сохранилась его могила.

³⁶ *Крамбол* – кронштейн на носу корабля для подвешивания якоря.

тяться не удосуживался, зато отбирал добычу у других птиц – перехватывал ее прямо в воздухе. Такие подробности то и дело всплывают в памяти. Есть и другие, всего просто не перечислить.

Штиль застиг нас милях в трех от берега, точнее, от мели, заросшей камышами, что тянется от берега страны мазиту ярдов на восемьсот. К тому моменту понго отставали мили на полторы. Но им ветер благоприятствовал на несколько минут дольше, чем нам, да и гребцов у них было поболее, поэтому, когда воцарилось полное безветрие, они отставали лишь на милю. Иначе говоря, им предстояло покрыть четыре мили, а нам – три.

Безоблачное небо ветра не сулило, парус стал ненужным – мы опустили его, бросили мачту за борт, чтобы облегчить лодку, и стали работать веслами изо всех сил. К счастью, обе леди оказали нам посильную помощь, ибо грести научились на Острове Цветка, где у них была своя лодочка, с которой они рыбачили. Ханс еще не пришел в себя окончательно, поэтому мы отправили его на корму, где он лихорадочно орудовал одним веслом.

Преследование в кильватер быстрым не бывает, но умелые гребцы понго постепенно настигали нас. Когда до камышовых зарослей оставалась миля, понго отставали от нас на полмили. Силы наши таяли, и враги быстро догоняли нас. Вскоре лишь двести ярдов разделяли наше суденышко и заросли, а преследователи были уже в ярдах пятидесяти-шестидесяти. Тогда началась настоящая борьба.

Она была короткой, но безжалостной. Мы выбросили со дна лодки за борт все, что смогли, включая балластные камни и тяжелую шкуру гориллы. Шкура очень нам помогла – она тонула медленно и первые лодки понго задержались на минуту, чтобы выловить драгоценную реликвию из воды. Таким образом, они загородили путь остальным, и мы сумели оторваться ярдов на двадцать-тридцать.

– За борт цветок! – скомандовал я.

Но Стивен, выглядевший стариком от изнеможения и обильного пота (грести ему раньше не доводилось), прохрипел:

– Нет, ради бога, нет! Бросить цветок после всех этих мытарств?!

Я не настаивал: спорить не было ни сил, ни времени. Мы уже доплыли до камышей – благодаря флагу-указателю подошли точно к большому проходу, протоптанному гиппопотамами. Понго, бешено работающие веслами, отставали ярдов на тридцать. Я очень радовался, что воины этого примечательного племени не владеют луком и стрелами, а их тяжелые копья не годятся для метания. К тому моменту или даже чуть раньше нас заметили зулусские охотники, а также старый Бабемба и мазиту. Те и другие устремились к нам через отмель с громкими ободряющими возгласами. Зулусы открыли беспорядочный огонь, в результате одна пуля пробила нашу лодку, другая – поля моей шляпы. Зато третья поразила воина понго, что вызвало смятение в рядах войска Тускулума³⁷.

Тут мы окончательно выбились из сил, и враги нас догнали. Когда первую лодку понго отделяло от нас не более десяти ярдов, а нас от берега – ярдов двести, я опустил весло в воду, увидел, что глубина менее четырех футов, и закричал:

– Идем вброд, иначе нам конец!

Мои спутники прыгнули в воду. Я выбрался последним и толкнул нос лодки – она встала поперек канала, загородив путь понго. Все кончилось бы благополучно, если бы не Стивен, который, сделав несколько шагов, вдруг вспомнил о своей драгоценной орхидее. Он не только вернулся к лодке, но и уговорил Мавово сопровождать его. Они начали поднимать цветок, и понго бросились к ним, пытаясь достать врагов копьями через лодку. Мавово оборонялся копьем, отнятым у часового возле пещеры, и убил или ранил одного из нападавших. Понго швырнули в него балластный камень и угодили в висок. Мавово пошатнулся и упал, потом

³⁷ *Тускулум* – город, который возглавлял союз латинских городов, выступивших против Рима в битве при Регильском озере ок. 496 года до н. э.

поднялся, но снова без чувств рухнул в воду. К счастью, кто-то из наших союзников мигом оттащил его на берег.

Оставшись один, Стивен продолжал попытки спасти орхидею, пока воин-понго не ударил его копьем в плечо. Лишь тогда Стивен выпустил цветок и попробовал отступить. Слишком поздно! Полдюжины понго, преградив Стивену путь к камышам, направлялись к нему с угрожающим видом. Я не мог помочь ему, поскольку, сказать правду, угодил в выбоину – след гиппопотама, а зулусские охотники и мазиту были еще далеко. Стивен наверняка погиб бы, если бы не отвага юной Хоуп. Она шла к берегу впереди меня и, обернувшись, увидела, что Стивен в беде. Хоуп бросилась обратно, словно львица, спасающая детеныша.

Добравшись до Стивена раньше понго, она загородила его собой и с необыкновенной выразительностью обратилась к нашим врагам на их родном языке, которому, вероятно, научилась от альбиносок, обладавших даром речи.

Что сказала врагам Хоуп, я не расслышал из-за криков приближавшихся мазиту. Однако я догадался, что она произнесла страшное древнее проклятие, известное только хранительницам Священного цветка и обрекавшее тело и душу проклятых на ужасную гибель. То проклятие ни молодая леди, ни ее мать впоследствии повторить не пожелали, однако на понго оно подействовало удивительным образом. Воины, в том числе атакующие Стивена, опустили руки и склонили голову перед юной жрицей, будто в знак благоговения или мольбы. Они застыли, всем своим видом выражая покорность, и девушке удалось отвести раненого Стивена в безопасное место. К берегу Хоуп пятилась, не сводя с понго пристального взгляда. Столь невероятного избавления я в жизни не видел!

Добавлю, что воины понго захватили Священный цветок и увезли на лодке. Так настал конец поискам орхидеи и моим надеждам заработать на продаже этого сокровища. Очень хотелось бы знать, что с ним случилось. Есть основания предполагать, что на Остров Цветка его не вернули. Возможно, его доставили в африканскую глушь, откуда понго вывезли его при переселении.

После того как на Стивена напали понго и отважная мисс Хоуп рискнула жизнью ради него, друзья вытащили нас на берег. Там обе леди и мы с Хансом свалились в полном изнеможении, лишь Брат Джон нашел в себе силы оказать медицинскую помощь раненым Стивену и Мавово.

Добравшись до Стивена раньше понго, она загородила его собой и обратилась к нашим врагам на их родном языке...

Тем временем в камышах завязался отчаянный бой. Понго, численностью не уступавшие нашим союзникам, яростно напирала, обозленные поражением своего бога и гибелью Мотомбо – о чем они наверняка уже узнали, – равно как и похищением Матери Священного цветка. Тропа гиппопотамов оказалась слишком узка для лодок, и понго прыгали в воду, чтобы идти к берегу вброд. В камышах их поджидали заклятые враги-мазиту под командованием старого Бабембы. Битва напоминала беспорядочную потасовку и со стороны выглядела странно: над зарослями виднелись только головы воинов, которые двигались парами и кололи друг друга копьями, пока один не падал. Раненых в той схватке почти не осталось: падавшие в ил захлебывались.

Вскоре понго, сражавшиеся почти в родной стихии, начали теснить мазиту. Впрочем, исход сражения решили ружья наших зулусских охотников. Сам я был не в состоянии участвовать в стрельбе, но собрал вокруг себя зулусов и руководил ими. В результате перепуганные понго отступили и спешно забрались в лодки.

По сигналу они взялись за весла и, осыпая нас проклятиями, поплыли прочь. Лодки удалялись все дальше и наконец исчезли из виду.

Впрочем, нам удалось захватить две лодки с шестью-семью гребцами. Мазиту хотели казнить врагов, но по приказу Брата Джона, которого в этом племени почитали как короля, связали их и объявили пленными. Через полчаса все волнения закончились. О том, что происходило далее, я ничего сказать не могу, так как от переутомления лишился чувств. Неудивительно, если учесть все пережитое нами за четыре с половиной дня, проведенных в стране понго. За свою богатую приключениями жизнь не припомню, чтобы я был так измотан. Да и вообще, удивительно, что мы остались в живых!

Последнее, что мне запомнилось в тот день, – явление Сэма, опрятного, в синем платье. Он напоминал мотылька, выпорхнувшего после дождя.

– Мистер Квотермейн, приветствую вас, прошедшего суровые испытания и заглянувшего войне в жестокие глаза! Пока вы отсутствовали, я целыми днями и бессонными, отравленными москитами ночами истово молился о вашем спасении. Не исключено, мистер Квотермейн, что именно это помогло вам одолеть врага, ибо, как говорится, победу куют не только на поле боя, но и в тылу.

Эти слова поразительным образом отпечатались в моем помутившемся сознании. Подозреваю, что это лишь отрывок из длинной речи, которую Сэм тщательно готовил, пока нас не было.

Глава XIX

Подлинный Священный цветок

Очнувшись, я понял, что проспал не менее шестнадцати часов: солнце поднялось уже довольно высоко. Я лежал в шалаше у подножия холма, на котором развевался флаг, указавший нам путь через озеро Кируа. Рядом со мной сидел Ханс. Он расправлялся с большим куском мяса, жарившегося на костре неподалеку. Возле Ханса я, к своему удовольствию, увидел Мавово. На голове его красовалась повязка. Белому человеку балластный камень наверняка пробил бы череп, а Мавово отделался потерей сознания и ссадиной. Силу удара смягчило иси-коко, восковое кольцо, которое он носил, как и все зулусы, достигшие определенного возраста.

Поодаль были разбиты две палатки, которые мы взяли с собой, направляясь к озеру. В ярком свете солнца они выглядели мирно и радовали глаз.

Ханс, украдкой за мной наблюдавший, принес большую чашку горячего кофе, сваренного для меня Сэмом; мои спутники знали, что я сплю здоровым сном, и ждали моего пробуждения. Я выпил кофе до последней капли и понял, что ничего вкуснее в жизни не пробовал. Утолив голод жареным мясом, я спросил Ханса, что случилось за время моего сна.

– Ничего особенного, баас, – ответил он, – если не считать того, что мы живы, хотя должны были погибнуть. Обе леди спят в палатке, точнее, спит старшая, а мисс помогает своему отцу Догите ухаживать за тяжело раненным баасом Стивеном. Понго уплыли восвояси и вряд ли возвратятся: с ружьями белых людей они познакомились довольно близко. Убитых врагов – тех, кого удалось найти, – мазиту похоронили, а шестерых раненых отправили в город Беза на носилках. Вот и все, баас.

Я вымылся – надо сказать, купание мне требовалось, как никогда раньше, – и надел белье, в котором переплывал озеро, перед тем как убить Мотомбо. Ханс выстирал мои вещи и высушил на солнце. Я спросил достойного готтентота, как он себя чувствует после наших приключений.

– Неплохо, баас. В животе не пусто, хоть руки в мозолях и гудят после того, как я бегал на четвереньках, словно бабуин. Шкурой бога-обезьяны я пропах насквозь. Нет, вам не понять: белого человека та вонь доконала бы. Что, баас, не зря вы взяли в экспедицию старого пропойцу Ханса? Здорово я помог вам с маленьким ружьем? А с плаваньем в крокодильем канале? Хотя на ту мысль меня навели паук и мотылек, которых послал ваш преподобный отец. Все мы живы-здоровы, кроме Джерри, а он не в счет: таких мазиту сколько угодно. Ну, еще бааса Стивена в плечо ранили, да мы потеряли тот тяжелый цветок, которым он так дорожил.

– Верно, Ханс, я не зря взял тебя с собой. Ты очень умен, без тебя понго зажарили бы нас и съели. Благодарю тебя за помощь, дружище! Только в следующий раз зашей, пожалуйста, карманы на своем жилете! С четырьмя пистонами не разгуляешься.

– Не разгуляешься, баас, но четырех пистонов хватило, да и все они были хорошими. Вы и с сорока не сделали бы больше. Ваш преподобный отец это предвидел и не допустил, чтобы старый готтентот нес более того, что необходимо. Он знал, что вы, баас, не промахнетесь и что убить нужно одного бога, одного дьявола и одного человека.

Да, мой покойный отец стал для Ханса кем-то вроде святого заступника... Я посмеялся над оригинальной философией готтентота, накинул куртку и отправился проведать Стивена. Возле палатки я встретил Брата Джона. От переноски тяжелой орхидеи у него сильно болело плечо, от долгой гребли – руки. Зато в остальном он чувствовал себя превосходно и весь лучился от счастья.

Брат Джон сообщил, что промыл и перевязал рану Стивена, который сильно не пострадал: копьё пронзило плечо, но артерии не повредило. Я заглянул к раненому и обнаружил его веселым, хоть и слабым от переутомления и потери крови. Мисс Хоуп кормила его бульоном

с деревянной ложки. Долго я у него не просидел, ибо Стивен разволновался, едва вспомнив утраченную орхидею. Я утешил его, сказав, что сберег семянку. Стивен возликовал!

– Подумать только! – воскликнул он. – Вы, Аллан, позаботились об этом, а я, орхидист, и думать забыл.

– Предусмотрительность, молодой человек, приходит с опытом, – отозвался я. – Я не орхидист, однако вспомнил, что цветы разводятся не только пересадкой корневищ. К тому же их в карман не спрячешь.

Стивен начал давать мне подробные указания: семянку нужно хранить в жестянке, обязательно сухой и герметичной. Мисс Хоуп не выдержала и бесцеремонно выпроводила меня из палатки.

В полдень мы устроили совет. Было решено немедленно вернуться в город Беза, так как на месте нынешней стоянки нам грозила малярия. Да и понго могли снова напасть на нас.

Для Стивена мы смастерили удобные носилки и постелили на них циновку. К счастью, носильщиков теперь хватало.

Прочие приготовления много времени не заняли. Миссис Эверсли и Хоуп поехали на ослах, Брат Джон, у которого снова заболела нога, – на белом быке, успевшем изрядно раздобыть. Раненого Стивена понесли на носилках, а я пошел пешком, беседуя со старым Бабембой о нравах племени понго (довольно высоких, нужно отдать им должное) и их обычаях (иначе как чудовищными их не назовешь).

Старый воин с восторгом слушал про священную пещеру, крокодилий канал и горный лес, про ужасного бога, про гибель Мотомбо (эту часть Бабемба трижды просил пересказать), после чего тихо произнес:

– Господин мой Макумазан, ты великий человек! На свете стоит жить только ради знакомства с тобой. Никому другому таких подвигов не совершить.

Похвала, конечно, лестная, но я счел долгом указать, что успех нашей затеи в большой степени заслуга Ханса.

– Да-да, – согласился Бабемба, – Инблату, Пятнистая змея, хитер. Он мастер строить планы, зато у тебя есть сила осуществить задуманное. Много ли толку в хитроумном плане, если нет рук, чтобы его выполнить? То и другое редко сходится вместе. Имей змея силу слона и храбрость буйвола, на земле скоро никого, кроме нее, не осталось бы. Но Творец всего сущего предвидел это и разделил эти качества, господин мой Макумазан!

Замечание простое, но тогда оно показалось мне мудрым. Я и сейчас так считаю. Мы, белые, презираем дикарей, но многие из них отнюдь не глупцы.

После часового перехода был устроен привал. В десять часов вечера взошла луна, и мы снова пустились в путь. Шли почти до зари, так как решили, что Стивена лучше нести по ночной прохладе. В мирном свете луны наш отряд пробирался по кряжу и выглядел весьма живописно, даже внушительно, ведь нас окружали воины мазиту с длинными копьями.

Подробно описывать переход в город Беза не вижу толка: ничего примечательного не произошло.

Стивен держался молодцом, по словам Брата Джона – одного из лучших докторов, которых я знал. Однако выздоравливать больной не спешил, несмотря на то что много ел. Мисс Хоуп – за Стивеном ухаживала именно она, миссис Эверсли помогать ей не захотела – жаловалась, что он почти не спит. Я и сам это видел.

– О Аллан! Ваш сын Стивен очень плох. – (По неведомой причине Хоуп называла Стивена моим сыном.) – Отец твердит, что дело только в ранении копьем, но я уверена: все куда серьезнее. – Серые глаза девушки наполнились слезами: говорила она искренне.

Хоуп оказалась права: едва мы прибыли в город Беза, у Стивена открылась сильная африканская лихорадка, которая, при его слабости, едва не стоила ему жизни. Без сомнения, он подхватил ее в грязном крокодильем канале.

В городе Беца нас приняли весьма торжественно. Все население во главе со старым Бауси высыпало нам навстречу с громкими приветствиями. Ради спокойствия раненого Стивена мы попросили тишины.

По хижинам мы разошлись с радостью. Полагаю, в тот день мы упивались бы счастьем, если бы не тревога за Стивена. Хотя в жизни всегда так: кому удастся съесть целую бочку меда, ни разу не поморщившись от дегтя?

В общем, Стивен прохворал почти месяц. Согласно записям в дневнике, который от вынужденного безделья я вел очень подробно, на десятый день по прибытии в город Беца раненого сочли обреченным. Даже Брат Джон, со всем своим мастерством и достаточным запасом хинина и прочих лекарств, привезенных из Дурбана, потерял надежду. День и ночь бедный Стивен бредил проклятой орхидеей. Утрата сокровища терзала его душу, как сотня неискупленных грехов!

Глубоко убежден, что своим спасением Стивен обязан уловке, точнее, находчивости мисс Хоуп. Однажды вечером мы с ней сидели у постели больного. Он был очень плох и, как безумный, бормотал что-то о потерянной орхидее. Вдруг девушка взяла его за руку и, указав на пустое место на полу, сказала:

– Смотрите, о Стивен, цветок принесли обратно!

Он долго вглядывался в указанное место и, к моему изумлению, ответил:

– Ей-богу, он здесь! Но негодяи понго оборвали все бутоны, кроме одного.

– Да, – согласилась Хоуп, – бутон остался только один, зато самый красивый!

Стивен... был очень плох и, как безумный, бормотал что-то о потерянной орхидее.

После этого Стивен уснул и проспал двенадцать часов, потом проснулся, немного поел и снова провалился в сон. За это время температура у него понизилась почти до нормальной. Мы с мисс Хоуп присутствовали при его пробуждении. Девушка стояла на том самом месте, что должна была занимать выдуманная ею орхидея. Стивен с напряжением прищурился – меня он не видел, ведь я стоял за изголовьем, – потом спросил слабым голосом:

– Мисс Хоуп, вы же говорили, что на месте, где вы сейчас стоите, был цветок, на котором остался самый красивый бутон?

Я не представлял, что ответит девушка, но она не сплеховала.

– Цветок здесь – разве я не его дитя? – проговорила Хоуп.

Нежный голос и особая манера выразиться лишили ее ответ излишней заносчивости. Если читатель помнит, в стране понго девушку называли Дитя Цветка.

– Прекраснейший из бутонов тут, в этой хижине, ибо я – бутон, который вы вызволили из плена на острове. О Стивен, умоляю, не горюйте о потерянном цветке, ведь семян у вас предостаточно. Радуйтесь, что остались в живых! Ведь благодаря вам живы и мы с матерью. Если бы вы умерли, мы бы выплакали все глаза...

– Благодаря мне? – удивился он. – Вы хотите сказать, благодаря Аллану и Хансу. Кроме того, вы спасли мне жизнь на озере. Да, теперь я все припоминаю. Вы правы, Хоуп: настоящий Священный цветок – это вы!

Хоуп бросилась к Стивену, встала на колени и протянула ему руку, которую он приложил к своим бледным губам.

Я выскользнул из хижины: пусть молодые побеседуют о Цветке, который снова нашелся. Та сцена получилась очень трогательной и, на мой взгляд, придавала духовную значимость безумным, по сути, поискам. Стивен искал идеальный цветок, а нашел любовь всей своей жизни.

После этого он быстро поправился, ибо взаимные нежные чувства – лучшее лекарство.

Я не знаю, что произошло между молодой парой и супругами Эверсли, но с того дня последние стали относиться к Стивену как к сыну. Новые отношения между Стивеном и Хоуп супруги приняли без возражений. Молодую пару признали и туземцы: старый Мавово спросил меня, сколько коров Стивен посулил Брату Джону за красавицу-невесту. Зулус не сомневался, что стадо будет большим, а коровы – крупными.

Сэм в разговоре со мной назвал Хоуп «нареченной супругой мистера Сомерса». Только Ханс не сказал ничего. Мелочи вроде сватовства и женитьбы его не интересовали. Либо он давно предугадал развитие отношений между молодыми людьми и не считал нужным это комментировать.

Мы прожили в краале Бауси еще месяц, пока Стивен поправлял свое здоровье. Мне, равно как Мавово и остальным зулусам, город Беза наскучил, а вот Брат Джон и его жена недовольства не выражали. Покладистая миссис Эверсли роптать не привыкла: после стольких лет вдали от цивилизации лишний месяц ее не пугал. Тем более рядом теперь был любимый Джон, на которого она могла смотреть часами, как кошка на хозяина. С мужем она не разговаривала, а нежно мурлыкала. Через пару часов таких бесед бедняге становилось не по себе – порой он хватал сачок и убегал ловить бабочек.

Сказать правду, под конец крааль мне осточертел: перед глазами мелькали то милующиеся Хоуп со Стивеном, то счастливые супруги Эверсли. Мне и поговорить стало не с кем. Наверное, эти четверо считали, что в собеседники мне годятся Мавово, Ханс, Сэм, Бабемба и прочие, если они вообще над этим задумывались. Вообще-то, с туземцами проблем хватало: от праздности зулусские охотники начали злоупотреблять едой, местным пивом, курением одурманивающей дакки³⁸ и заигрыванием с женщинами-мазиту. В итоге вспыхивали ссоры, улаживать которые приходилось мне.

Наконец я не выдержал и объявил, что нам пора в путь, ведь Стивену дорога вполне по силам.

– Верно, Аллан, – спокойно отозвался Брат Джон. – Какой у вас план?

³⁸ Дакка – род конопли.

Любимый вопрос Брата Джона давно набил оскомину, и я раздраженно ответил, что плана пока нет, но раз нет и предложений, мне стоит посоветоваться с Хансом и Мавово. Так я и поступил.

Нет нужды рассказывать о том, как мы совещались, ибо неожиданно наши планы были нарушены. Все случилось с той внезапностью, с какой иногда происходят крупные события в жизни отдельных людей и целых народов.

Мазиту родственны зулусам, но их военная организация куда менее основательна. Например, когда я указал Бауси и старому Бабембе на то, что у них плохо поставлена караульная служба и разведка, они, смеясь, ответили, что прежде понго на мазиту не нападали, а сейчас это тем более исключено, поскольку враги получили хороший урок.

Кстати, я еще не рассказывал, что по требованию Брата Джона воинов-понго, плененных во время битвы в камышах, отвели на берег озера, дали одну из захваченных лодок и отпустили вояси. К нашему удивлению, спустя три недели они возвратились в город Беза.

По словам понго, они переправились через озеро и обнаружили, что город Рика опустел, хотя и не был разрушен. В своих скитаниях по стране они наведались в священную пещеру, где на деревянном настиле нашли останки жреца. В отдаленной деревне воины наткнулись на умирающую старуху. Перед тем как испустить дух, та поведала, что племя испугалось «труб, изрывающих смерть», и, повинувшись древнему пророчеству, «ушло туда, откуда некогда явилось», захватив отбитый у нас Священный цветок. Старухе, чересчур слабой для странствий, оставили запас пищи. Вероятно, Цветок теперь растет где-то в африканской глуши, но его поклонникам придется найти нового лесного бога, новую Мать Цветка и нового жреца вместо погибшего Мотомбо.

Бывшие пленные лишились дома, потеряли свой народ (они знали только, что племя ушло на север), вот и попросили пристанища у мазиту. В просьбе им не отказали. Рассказ тех воинов укрепил меня во мнении, что страна понго расположена не на острове и оттуда можно перебраться на материк – либо через горный хребет, либо через топи. Задержись мы у мазиту, я удовлетворил бы свое любопытство: отправился бы в страну понго. Но такая возможность представилась лишь через несколько лет, когда при невероятных обстоятельствах я снова попал в ту часть Африки.

На следующий день после разговора о возвращении в Дурбан мы завтракали очень рано, так как предстояло много дел. Утром стоял туман, который в то время года на холмах страны мазиту предвещает сильные суховеи. Видимость сократилась до нескольких ярдов. Думаю, при определенных погодных условиях туман наползает с озера. После завтрака я, вялый от духоты, послал одного из зулусов проверить, хорошо ли покормили двух ослов и белого быка, – накануне их пригнали в город и привязали у хижины. Потом Ханс вытащил, а я осмотрел наши ружья и боеприпасы. Тут издали донесся подозрительный звук, и я спросил Ханса, что это может быть.

– Ружейный выстрел, баас, – с тревогой сказал он.

Тревожился он не напрасно: мы оба знали, что в окрестностях огнестрельное оружие есть только у нас. Правда, мы обещали подарить Бауси большую часть ружей, отобранных у работорговцев, и уже научили лучших воинов-мазиту обращаться с ними, но пока ни одного ружья им не передали.

Я вышел за ворота и послал часового к Бауси и Бабембе. Следовало разузнать, в чем дело, а также собрать воинов, которых в городе было не более трехсот. Остальных, ввиду продолжительного затишья, отпустили по домам на уборку урожая. Во власти смутного беспокойства – над подобными предчувствиями нередко посмеиваются – я велел зулусам вооружиться и на всякий случай приготовиться к бою. Потом я сел и задумался о том, как лучше действовать, если в этом плохо организованном туземном поселении на нас нападет многочисленный противник. Я и прежде размышлял о стратегических возможностях города Беза, а сейчас, сделав

вывод, посоветовался с Мавово и Хансом. Наши мнения совпали. Единственное подходящее для обороны место находилось за городом – там, где дорога спускалась к южным воротам с крутых лесистых склонов. Если читатель помнит, именно оттуда появился Брат Джон на белом быке, когда нас едва не расстреляли на рыночной площади.

Беседу пришлось прервать – двое вождей мазиту мчались к нам со всех ног и волокли за собой пастушка с простреленной рукой.

Раненый рассказал следующее: с двумя мальчишками он пас королевское стадо в полумиле от города, когда появились люди в белом с ружьями в руках. Незваные гости (было их сотни три-четыре) начали угонять скот, а завидев пастушков, открыли огонь. Этого паренька ранили, двух его товарищей убили. Раненый пастушок спасся бегством. По его словам, кто-то из бандитов кричал ему вслед: мол, передай белым людям, что их перебьют, равно как их прихвостней-мазиту, а белых женщин заберут в рабство.

– Хасан бен Магомет и работорговцы! – объявил я, когда подоспел Бабемба с воинами.

– Работорговцы вторглись в нашу страну, господин мой Макумазан! Они незаметно подкрались к нам под покровом тумана. У северных ворот стоит их посланец и требует, чтобы мы выдали им вас, белых людей, и ваших слуг. Кроме того, мы должны отдать им сотню юношей и сотню девушек для продажи в рабство. В противном случае он грозит перебить наше племя, за исключением юношей и девушек, а вас, белых людей, предать смерти через сожжение. Этот посланец говорит от имени какого-то Хасана.

– Ясно, – спокойно ответил я, ибо в сложной ситуации ко мне вернулось обычное хладнокровие. – И Бауси намерен нас выдать?

– Разве Бауси выдаст своего кровного брата Догиту и его друзей? – возмутился старик. – Бауси посылает меня к своему брату Догите за приказаниями, он взывает к твоей мудрости, господин мой Макумазан!

– Бауси не чуждо здравомыслие, – заметил я. – А Догита моими устами приказывает: вели посланцу Хасана спросить своего господина, помнит ли он содержание письма, оставленного двумя белыми людьми в расщепленной палке у лагеря. Пусть передаст ему, что белым людям пора исполнить обещание, данное в том письме, и что к завтрашнему дню они повесят его на дереве. Потом, Бабемба, собери воинов-лучников и, сколько получится, удерживай северные ворота. После этого отступай через город и присоединяйся к нам. Мы укрепимся на скалистом склоне против южных ворот. Нескольким воинам прикажи увести из города всех стариков, женщин и детей. Пусть выберутся через южные ворота и укроются в лесу за горой, причем немедленно! Ты понял меня, о Бабемба?

– Понял, господин Макумазан! Приказ Догиты будет исполнен. Напрасно мы не прислушались к тебе и не усилили караул!

Проворный, как юноша, Бабемба бросился собирать лучников, на ходу отдавая приказания.

– Теперь нам пора, – сказал я.

Мы забрали все ружья, патроны, еще кое-какие вещи и вместе с оставшимися при нас воинами Бабембы зашагали через город к южным воротам, ведя с собой двух ослов и белого быка. По дороге я велел перепуганному Сэму вернуться к нашим хижинам за одеялами и котелками, которые могли понадобиться.

– Я содрогаюсь от страха, но повинуюсь вам, мистер Квотермейн! – отозвался он.

Сэм ушел. Несколько часов спустя я хватился его и, решив, что он попал в беду и погиб, тяжело вздохнул, ибо очень к нему привязался. Вероятно, он, «содрогаясь от страха», растерялся и с одеялами и котелками побежал не в том направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.